

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1984

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1984

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСҚАҚОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. Қ. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ, Р. М. БИРЮКОВИЧ

ИЗ ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЕН ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

В чулымско-тюркском языке, как языке смешанного типа, довольно много глагольных времен. Происхождение некоторых из них представляет особый лингвистический интерес. Поэтому авторы настоящей статьи решили обратиться к истории происхождения именно этих времен, полагая, что затронутые ими вопросы могут представить общетюркологический интерес.

Форма настоящего времени на -ady. Парадигма спряжения глаголов *paŋ-* 'идти', *käl-* 'приходить', *saŋa-* 'считать':

<i>män</i>	<i>paradym</i>	<i>kälädim</i>	<i>sani:dym</i>
<i>sän</i>	<i>paradyng</i>	<i>käläding</i>	<i>sani:dyng</i>
<i>ol</i>	<i>parady</i>	<i>kälädi</i>	<i>sani:dy</i>
<i>pis</i>	<i>paradybys</i>	<i>kälädibis</i>	<i>sani:dybys</i>
<i>silär</i>	<i>paradyngnar</i>	<i>kälädingnär</i>	<i>sani:dyngnar</i>
<i>olar</i>	<i>parady(lar)</i>	<i>kälädi(lär)</i>	<i>sani:(lar)</i>

Отрицательная форма

<i>män</i>	<i>kälär</i>	<i>čoqmän</i>	<i>sani čoqmän</i>
<i>sän</i>	<i>kälär</i>	<i>čoqsung</i>	<i>sani čoqsung</i>
<i>ol</i>	<i>kälär</i>	<i>čoq</i>	<i>sani čoq</i>
<i>pis</i>	<i>kälär</i>	<i>čoqpus</i>	<i>sani čoqpus</i>
<i>silär</i>	<i>kälär</i>	<i>čoqsungnar</i>	<i>sani čoqsungnar</i>
<i>olar</i>	<i>kälär</i>	<i>čoq(tar)</i>	<i>sani čoq(tar)</i>

Форма на -ady/-ädi выражает:

1) общую способность субъекта к совершению действия: *sän inäk saŋaŋa pilädingba?* 'Ты корову доить умеешь?'; *män qynadym ös oŋlaputa* 'Я люблю своего ребенка (своих детей)'; *män qynar čoqmän oŋlapaŋa* 'Я не люблю детей'; *kem kör saŋady, ol kör pilädi* 'Кто много читает, тот много знает';

2) действие, совершающееся в момент речи: *kör, maša e:rebelä kälädi. šaŋalaq piske kirrik. čaj gajnataq. olarny azri kārāk. pirgä oŋlubyla kälädi* 'Смотри, Маша с мужем идет. Сейчас к нам зайдут. Давай чай вскипятим, их накормить надо. Вместе с сыном идут'; *tärzädin kördäk, kim kälädi?* 'В окно посмотри-ка, кто идет?' — *sän a:ny pilädingba?* 'Ты его знаешь?' — *pilädim* 'Знаю';

3) обычное, повторяющееся действие: *män çyl saj kälädim Toŋol-datqa* 'Я каждый год приезжаю в Тегульдет'; *me:ng äptä iš kör. män*

turadym ärtän ištänädim ärtängidin i:rgä 'У меня дома дел много. Я встаю рано, работаю с утра до вечера'; măn kūnzaĵ aġužumny kōrādīm, sān a:ny kōrāj čoqsung 'Я каждый день товарища своего вижу, ты его не видишь'.

Таким образом, значения этой формы времени аналогичны значениям презенса, встречающегося во многих языках мира. Для определения основного значения формы на *-ady* в чулымско-тюркском языке, то есть ее парадигматического значения, проявляющегося в нейтральном контексте в позиции сильного противопоставления, возьмем несколько привативных оппозиций, одним из членов которых является форма на *-ady*:

1) ol ište:di qolhosta 'Он работает в колхозе' — ol ište:ptir qolhosta 'Он (хорошо, много лет, активно) работает в колхозе';

2) ol ište:di qolhosta 'Он работает в колхозе' — ol ište:bil qolhosta 'Он (время от времени, помаленьку) работает в колхозе';

3) ol ište:di qolhosta 'Он работает в колхозе' — ol ište:b—alačaty qolhosta 'Он (с утра до вечера, день и ночь, непрерывно) работает в колхозе'.

На основе приведенных оппозиций можно заключить, что форма на *-ady* индифферентна к способу протекания действия, ее основное значение — наличие действия в момент речи. Это значение состоит из сем: а) наличность действия; б) совпадение действия с моментом речи.

Производными или синтагматическими значениями рассматриваемой формы, появляющимися в определенном контексте, часто под влиянием внешней лексической обусловленности или пресуппозиции, являются: 1. Значение качественного презенса, обозначающего действие или состояние, приписываемые субъекту как его свойство, качество (Pötr ičädäba? — ičäda 'Петр пьет? — Пьет'; kem kōp sanady, ol kōp pilädi 'Кто много читает, тот много знает'). В этом значении форму настоящего времени называют вневременным настоящим. Это значение состоит из двух сем: а) качественные характеристики действия или состояния, рассматриваемые как качество или свойство, присущие субъекту; б) отсутствие соотнесенности с определенным моментом речи. 2. Значение настоящего данного момента, обозначающего действие или состояние в момент речи. Это значение включает семы: а) контактность с моментом речи; б) длительность.

В других языках Сибири [1] данная форма встречается в кызыльском диалекте хакасского языка, в котором отмечается полное совпадение парадигмы спряжения со среднечулымской парадигмой, в алтайском диалекте алтайского языка, в эуштинском говоре томского диалекта, в барабинском диалекте, тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта (с глухим согласным в аффиксе: alatym, alatyng, правда, в алтайском диалекте встречается и aladym, aladyng). В эуштинском диалекте звук *d* в аффиксе палатализован независимо от основы. Эта же особенность отмечается и в нижнечулымском диалекте (например, qyštyd'i 'он зячет').

Тождественные формы выражения 3-го лица единственного числа отмечаются в нижнечулымском диалекте и эуштинском говоре томского диалекта с аффиксом *-d'i*; в среднечулымском и кызыльском диалекте хакасского языка с аффиксом *-dy/-di*. Факультативно эта форма встречается в барабинском диалекте. Из других языков, контактирующих с языками Сибири, форма 3-го лица единственного числа, аналогичная среднечулымской (alady), встречается в казахском языке. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта, барабинский диалект; калмакский

говор томского диалекта, язык бачатских телеутов и диалекты алтайского языка имеют аффикс *-t*. Эта форма встречается также в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта параллельно с формой на *-ty*. То же и в барабинском диалекте. Тюменский, тобольский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта характеризуются аффиксом *-ty*.

По образованию отрицательной формы настоящего времени на *-ady* диалекты чулымско-тюркского, хакаского и шорского языков, а также орский подговор (чаты) томского диалекта составляют одну компактную зону. В этих языках, в отличие от других тюркских языков Сибири, отрицательная форма образуется с помощью именного отрицания (например: ср. чул. *tān paraǰ čoqtān* 'я не иду'; ол *paraǰ čoǰul* 'он не идет'; кыз. *tān ala šohrup* 'я не беру'; кач. *tān paračoyulbyl/paračoyulbun* 'я не иду').

Относительно происхождения настоящего времени на *-ady* высказывались разные суждения.

В работах А. П. Дульзона эта форма, называемая настоящим обычным временем на *-dy*, *-di*, описывается как форма, состоящая из слитного деепричастия, к которому присоединяется аффикс *-dy/-di*. Аффикс *-dy/-di* возводится к аффиксу *-dyr/-tyr < -turur* [2]. Аналогичное объяснение дается исследователями и других тюркских языков, в которых отмечена данная форма настоящего времени.

А. Н. Кононов рассматривает элемент *-a/-j* основы анализируемой формы времени в узбекском языке как показатель времени, восходящий к аффиксу *-ar*, который в свою очередь восходит к аффиксу дательного-направительного падежа *-gar < -garu* [3]. В якутском языке, имеющем окончание *-ar* в 3-м лице единственного числа, о генезисе этой формы учеными высказаны также различные точки зрения (см. подробнее анализ точек зрения в работе Е. И. Коркиной, которая вслед за О. Бетлингком считает ее развившейся из причастия на *-ar/-yur* с помощью аффиксов лица с выпадением *-r* в 1-м и 2-м лицах единственного числа [4]).

В отношении развития анализируемой формы в тюркских языках существует отличная от упомянутых точка зрения, высказанная Н. З. Гаджиевой, которая рассматривает эту форму как временную форму на *-ady* и предполагает, что она представляет собой контаминацию *-a* (носитель настоящего времени) и *-dy/-t* — древнее причастие, недифференцированное во временном отношении [5].

Если бы данная форма включала вспомогательный глагол *-tyr*, то она имела бы, вероятнее всего, значение английского времени *Present Continuous tense* или настоящего времени данного момента, но в семантическом отношении эта форма ведет себя как обычное настоящее время. Значит, эта гипотеза неверна. Остается искать какое-то другое объяснение происхождения формы. Можно предполагать, что в тюркском языке существовали, помимо формы на *-ar/-yr*, еще два типа настоящего времени. Один из этих типов образовывался по схеме — корень глагола + показатель настоящего времени *a* + личные окончания первой категории. Наиболее четко это время представлено в татарском языке.

Единственное число

bar-a-m 'я иду'
bar-a-syng
bar-a

Множественное число

bar-a-bys
bar-a-syz
bar-a (lar)

Этот структурный тип можно было бы назвать западным типом. Он образован не от деепричастия на *-a*, как принято считать. Показатель *-a* скорее всего представляет собой аффикс многократного действия.

Наряду с этим типом существовал восточный тип образования настоящего времени. Он образовывался по схеме: корень глагола + показатель *-at* + личные окончания второй категории, совпадающие с притяжательными. Этот тип был наиболее характерным для тюркских языков Азии. В чулымско-тюркском он представлен в наиболее чистом виде.

Единственное число

aladym 'я беру'
aladyng
alady

Множественное число

aladybys
aladyngnar
alady(lar)

В основе данного типа лежит тот же показатель времени, но осложненный наращением *t*. Можно, конечно, сомневаться в том, что *t* восходит к глаголу *tug-* 'стоять'. Вероятнее всего он восходит к древнему аффиксу многократного действия, сохранившемуся в составе аффикса *-da* в звукоподражательных глаголах. Ср. каз.-тат. *baqyl'da* 'блеять', кирг. *başyl'da* 'сопеть', алт. *baqyl'da* 'квакать' и т. д.

Азиатский тип имеет довольно широкое распространение и даже захватывает чувашский язык.

Настоящее время в некоторых тюркских языках представляет собой результат смешения этих двух типов. Особенно наглядно это смешение выступает в казахском и киргизском языках.

Казахский язык

Единственное число

alamyn 'я беру'
alasyng
alady

Множественное число

alamyz
alasyndar
alady

Киргизский язык

Единственное число

žazam 'я пишу'
žazasyng
žazat

Множественное число

žazabyz
žazasyz
žazyšat

Первое и второе лицо образовано по первому типу, а третье лицо — по второму типу.

В чулымском типе настоящего времени интерес представляет образование форм от глаголов с исходом на гласную, например: *sani:dym* 'я считаю'. Эта форма нормально должна быть образована по схеме *sa-na+a-dym*. В результате стяжения двух *a* возникла долгая гласная *sa:na:dym*. Можно предполагать, что в дальнейшем она образовала какой-то дифтонг типа *yj*, *ij*, который позднее стягивался в долгое *i*, откуда и форма *sani:dym*. Нечто подобное имело место и в татарском языке, ср. тат. *žugla* 'петь', но *žuglyj* 'он поет' вместо *žugla*.

Форма на -yl. Парадигма спряжения глагола *rag-* 'идти'.

В среднечулымском
диалекте

mān pa:rybylmān
sān pa:rybylzyng
ol pa:rybyl
pis pa:rybylbys
silār pa:rybylzyngnar
olar pa:rybyl(lar)

В нижнечулымском
диалекте

pa:rwot'im
pa:rwot'ing
pa:rwot'i
pa:rwot'is
pa:rwot'ingnar
pa:rwot'i(lar)

Отрицательная форма образуется так же, как и у предыдущих форм настоящего времени, например: *alar čoqmān* 'Я не беру', *sān āštār čoqsung* 'Ты не слышишь', *pis sani čoqrus* 'Мы не считаем', *silār pāraj čoqsungnar* 'Вы не даете'.

Основное значение данной формы — обозначение малой меры действия, например: *tartabylmān* 'курю (помаленьку)', *čama:bylmān* 'чиню (не торопясь, медленно)', *paɣla:bylmān* 'вяжу (помаленьку)' и т. д.

В инвентаре грамматических форм чулымско-тюркского языка эта форма значится как форма настоящего времени данного момента на *-byl*. Она получила такое наименование в работах А. П. Дульзона, который предполагал, что данное время образуется с помощью морфемы *-byl*, присоединяемой к деепричастию на *-ur* спрягаемого глагола. Он также подчеркивал, что эта форма характерна только для среднечулымского диалекта [6].

Дальнейшие исследования структуры и значения данной формы, имеющей аналогичное семантическое содержание с нижнечулымской формой на *-ot*¹, привели нас к заключению, что перед нами тождественные формы, образованные с помощью соединительного деепричастия и вспомогательного глагола *o:tur* 'сидеть' в нижнечулымском диалекте и *o:lur* 'сидеть' в среднечулымском, то есть в диалектах чулымско-тюркского языка обнаруживается различное развитие древнетюркской формы *oltur* 'сидеть'. В процессе фонетического развития конечный слог у вспомогательного глагола отпал и остался элемент *ol* (в среднечулымском диалекте) и *ot* (в нижнечулымском диалекте).

Таким образом, среднечулымская форма *paɣbyl* представляет собой *paɣur o:lur > paɣybol > paɣbyl*, *paɣbyl* 'идет (потихоньку)', *körüb o:lur > körüböl > körübyl*, *körübül* 'видит'. В результате сильных фонетических изменений вспомогательный глагол под воздействием явлений сингармонизма перешел в ранг аффикса. Поскольку в чулымско-тюркском языке звук *o* в непервых слогах практически не встречается, он представлен либо редуцированным гласным *ɤ*, либо звуком *y*; после корней с лабиальными гласными все аффиксы содержат лабиальные гласные, главным образом *u/ü*. Этим объясняются различные варианты *-yl* (*-ɤl*)/*-il*, *-ul*/*-ül* анализируемой среднечулымской формы. Морфема соединительного деепричастия *-p*, попадая в интервокальное положение, озвончается (*p > b*).

Исследование семантики временных форм на *-yl*, *-tur*¹ показало, что они противопоставлены форме на *-ady* по дифференциальному признаку, характеризующемуся различным способом протекания глагольного действия: интенсивности (форма на *-tur*)/неинтенсивности протекания действия, процесса (форма на *-yl*). Форма на *-ady* является немаркированным членом оппозиции (индифферентной к способу протекания действия). То, что способы действия, а не временная характеристика превалирует, подтверждается тем, что в этих формантах элемент лексичности преобладает над грамматическим, так как вспомогательные глаголы *-yl* (<*o:lur*), *-ot* (<*o:tur*), *-tur* конкретизируют значение глагольной

¹ В этой связи необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что форма на *-p+ -tur* в чулымско-тюркском языке, в отличие от других тюркских языков, не является формой настоящего времени данного момента, как она именуется в литературе [7, 8], хотя указанное значение и присуще названной форме. Однако оно является производным (синтагматическим значением, обусловленным контекстом). Основное же значение содержит семы: 1) способ протекания действия — интенсивности действия, процесса, активности субъекта, 2) временной план настоящего безотносительно к данному моменту речи.

основы. Вспомогательные глаголы в чулымско-тюркском языке (по-видимому, и в других тюркских языках) не имеют чисто грамматического значения, как это имеет место в других языках (к примеру, в английском языке, где вспомогательный глагол *to be* в Continuous tense лишен лексического значения и выражает лишь грамматическое значение лица, числа и времени).

В чулымско-тюркском языке в глаголе *o:tur/o:lur* 'сидеть' отсутствует сема «медленность выполнения действия». Но эта сема привнесена на основе переосмысления лексического значения этого глагола. Неинтенсивность, медленность протекания действия является «потенциальной семой» глагола *o:tur/o:lur* 'сидеть'. Семантика глагола *o:tur* 'сидеть' предполагает отсутствие активности, некоторое бездействие, отсюда значение «медленности» протекания действия.

Рассматриваемая форма времени, состоящая из деепричастия на *-р* и вспомогательного глагола *o:lur/o:tur*, имеется во многих тюркских языках. Однако, в отличие от других языков и, в частности, от тюркских языков Сибири, в чулымско-тюркском языке эта форма своеобразна по своей семантике, выражающей способ протекания действия (неинтенсивность, медленность совершения действия, протекания процесса). Из других языков аналогичное значение рассматриваемая форма имеет в узбекском языке.

Форма прошедшего времени на *-ti*. Эта форма квалифицируется как форма заглазного действия, например, *uglap't'im* 'я, оказывается, пел', *tugup't'im* 'я, оказывается, встал'.

Парадигма спряжения глагола *pa:r-* 'идти', *käl-* 'приходить'.

<i>män pa:rt'im</i> 'я, оказывается,	<i>ke:pt'im</i> 'я, оказывается,
ушел'	пришел'
<i>sän pa:rt'ing</i>	<i>ke:pt'ing</i>
<i>ol pa:rt'i</i>	<i>ke:pt'i</i>
<i>pis pa:rt'is</i>	<i>ke:pt'ivis</i>
<i>silär pa:rt'ingnar</i>	<i>ke:pt'ingnar</i>
<i>olar pa:rt'ilar</i>	<i>ke:pt'ilär</i>

(1) форма, аналогичная чулымско-тюркской (представленная аффиксами *-tur*, *-tyr*, *-tir*), имеется и в других сибирских языках — в шорском, алтайском, хакасском. Полное совпадение с чулымско-тюркской формой имеет новоуйгурская форма прошедшего повествовательного времени на *-ti* [9]. Форма на *-t'i* развилась, как предполагают, из глагола *tur* 'стоять', например, чул.-тюрк. *pa:rt'im* '(я), оказывается, ходил' < *pa:rup turmän*; хак. *angnartyrbun* '(я), оказывается, охотился'; уйг. *jeziptimän* '(я), оказывается, писал' < *jezip tur män*.

Если исходить из предположения, что происхождение рассматриваемой формы связано с глаголом *tur*, то возникает вопрос: как могло случиться, что в рамках одного языка существуют две семантически разные формы (настоящего и прошедшего времени), исторически восходящие к одной форме? Либо перед нами разные формы, либо — одна форма, разные семантические признаки которой способствовали ее различному фонетическому развитию, превратив в две самостоятельные формы.

Нам представляется, что в основе формы типа *pa:rt'im* лежит не глагол *tur* 'стоять', а модальная частица *tyr*. В тюркских языках встречаются глагольные времена, в которых значение неочевидности действия выражается при помощи этой частицы, ср. кирг. *ol šaardan keliptir* 'он, оказывается, приехал из города', шор. *ol ojnaptyr* 'он играл, оказывается'. Модального значения глагол *tur* 'стоять' в данном случае привнести не мог бы.

Чулымская форма будущего времени на -аг. Парадигма будущего времени на -аг в чулымском языке имеет нижеследующий вид.

Парадигмы спряжения глаголов *al-* 'брать', *paг-* 'идти', *sapa-* 'считать', 'читать':

alarmän	parajmän	sani:m
alarzyng	parajzyng	sani:zyng
alar	paraj	sani:
alarbys	parajbys	sani:bys
alarzyngnar	parajzyngnar	sani:zyngnar
alar (lar)	paraj (lar)	sani: (lar)

В образовании отрицательных форм участвует слово *šoq* 'нет', принимающее личное окончание, например, *tutar šoqmän* 'я не возьму' и т. д.

Происхождение показателя будущего времени *-ar/-yr* вряд ли сейчас составляет особую проблему. Вполне доказано его происхождение от древнего причастия настояще-будущего времени на *-ar/-yr*. Особого объяснения в чулымском языке требуют показатели *-aj*, *-i:*.

Алломорф *-ar* в обоих диалектах встречается после основ, оканчивающихся на согласные. Алломорф *-aj*, отмеченный только в среднечулымском диалекте, встречается после основ, оканчивающихся на согласный *r*. Алломорф *-y/-i* (в нижнечулымском)/*-i:* (в среднечулымском) встречается после основ, оканчивающихся на гласный (а в нижнечулымском и после согласного *r*). Например:

-ar	-aj	-i:
tutar 'будет держать'	pyžyгаj 'будет варить'	yrli:män 'буду петь'
sayar 'будет доить'	o:luraj 'будет сидеть'	ämni:män 'буду лечить'
čadar 'достигнет'	ö:lüräjä 'умертвит'	a:zri:män 'буду кормить'
salar 'будет класть'	ösküräjä 'будет расти'	tamaqti:män 'буду душить'
ädär 'будет делать'	osquraj 'разбудит'	ojni:män 'буду играть'
tartar 'будет тащить'	qaldyгаj 'оставит'	sati:män 'буду говорить'
ičär 'будет пить'	köräjä 'посмотрит'	üläšti:män 'буду удить'
alar 'возьмет'	paraј 'пойдет'	cyšti:män 'буду зимовать'
qalar 'останется'	kiräjä 'войдет'	čami:män 'буду чинить'
üzär 'будет рвать'	suraj 'спросит'	tašti:män 'брошу'
taranar 'причешется'	se:geräjä 'будет прыгать'	töžäkti: 'будет стелить (постель)'
qajnadar 'будет варить'	turaj 'встанет'	čaltri: 'будет блестять'
čunar 'постирает'	pyžyгаj 'сварит'	syngri: 'будет звенеть'
qunar 'будет любить'	čügüräjä 'побежит'	sasi: 'будет зловонить'

Переход *ar > aj* иногда объясняют стремлением к устранению гаплогонии². С чисто фонетической точки зрения, переход *ar* в *aj* невозможен. Лингвотехническое неудобство здесь было устранено другим путем. В тюркском праязыке существовал оптатив на *-aj*. Поэтому *paraј* могло обозначать «пусть он пойдет». Формы оптатива на *-aj* в чулымско-тюркском и были здесь использованы уже в значении будущего времени.

Происхождение показателя *i:* в формах типа *sani:m* вероятнее всего можно объяснить развитием из формы *sapa- + -ar + -män*. На месте стяжения двух *a* возможно образование дифтонга типа *yj*, *ij*, который, стягиваясь, давал долгое *i*. Возникла форма *sani:gmän*. Позднее *r* могло выпасть. Первичное окончание *-män* было устранено по причине влияния

² Объяснение данного явления устранением гаплогонии высказал в устной беседе Н. А. Баскаков.

формы 1-го лица единственного числа настоящего времени *sani:dym*. Отсюда современная форма *sani:m*.

По-видимому [10], толчком к фонетическим процессам, приведшим к форме с показателем на *i*, могла послужить субстратная языковая норма. Субстратом среднечулымского диалекта, как показали исследования А. П. Дульзона, является кетский язык, а пумпокольские топонимы обнаруживаются на всей территории чулымско-тюркского языка, то есть и на территории нижнечулымского диалекта [11].

В кетском языке, языке классного типа, различаются два класса существительных, отразившиеся в формах соотнесенных с ними глаголов: класс одушевленных, или разумных, лиц и класс неодушевленных предметов, или неживых. Класс неодушевленных предметов или же понятия живого существа женского пола обозначаются звуком *i* [12].

Обращает на себя внимание то, что анализируемый аффикс *i*: в чулымско-тюркском языке встречается, как правило, в именных основах. Например: *tamaqti:ya* 'душить', *tajyali:ya* 'охотиться', *payli:ya* 'вязать', *čurti:ya* 'жить', *üsti:ya* 'метать сено', *pa:lyqti:ya* 'рыбачить', *qušti:ya* 'зимовать', *čajyali:ya* 'летовать', *uzaqti:ya* 'рыбачить с удочкой', *ati:ya* 'называть', *oti:ya* 'кормить (травой)', *ti:ngni:gä* 'охотиться на белок', *tülgüli:gä* 'охотиться на лису', *močalaqti:ya* 'охотиться на медведя', *sani:ya* 'читать', *ämni:gä* 'лечить', *quli:ya* 'жеребиться'.

Все именные основы приведенных выше примеров представляют собой наименования неодушевленных предметов. Слово *quli:ya* 'жеребиться' обозначает соотнесенное с ним существо женского рода, то есть фонетические условия появления звука *i* не противоречили сознанию носителей языка. Имена, от которых произведены следующие глаголы: *pa:lyqti:ya* 'рыбачить', *tülgüli:gä* 'охотиться на лису', *ti:ngni:ge* 'охотиться на белку', *močalaqti:ya* 'охотиться на медведей', по-видимому, обозначали предметы, которые хотя и являлись одушевленными, но классифицировались в сознании носителей языка как объект деятельности и относились к классу «i». К тому же в кетском языке первые три слова, обозначая видовое понятие, имеют форму женского рода, последнее может употребляться и в форме женского и мужского рода [13].

Звук *i* появляется в целом ряде грамматических форм, в основе которых лежит причастие настоящего времени (от гласных основ) или слитное деепричастие. Этими формами являются: 1) настоящее время на *-ady* (*sani:dy* 'он читает'); 2) инфинитив (*sani:ya* 'читать'); 3) будущее на *-ar* (*sani:* 'он будет читать'); 4) будущее на *-lyq* (*sani:q* 'он прочтет'). Наличие звука *i* во всех этих формах обусловлено фонетическим процессом, подкрепленным явлениями субстратного характера, описанными выше.

В том случае, когда грамматическая форма образуется не на основе причастия будущего времени, перехода *a > i* не наблюдается, что свидетельствует о рамках фонетического процесса, ограниченного сферой причастия настоящего времени. Примером могут служить формы прошедшего времени на *-gan* и на *-dy*: *sapa:m* 'я читал', *sapa:dym* 'я читал'. При этом создается стройная система форм: *sani:dym* 'я читаю' — *sapa:dym* 'я читал', *sani:m* 'я буду читать' — *sapa:m* 'я читал'.

Форма на -yalaq. Данная форма встречается в тюркских языках Сибири: в чулымско-тюркском, алтайском, шорском, хакасском, языке бачатских телеутов, в диалектах сибирских татар.

Образующий эту форму аффикс представлен в чулымско-тюркском языке следующими алломорфами: *-qalaq/-yalaq*, *-käläk/-gäläk*. Левая часть указанных пар встречается после основ, оканчивающихся на глу-

хой согласный, правая — после основ, оканчивающихся на звонкий. В глаголах с основой на гласный в аффиксе *-qalaq* выпадает первый слог, за счет чего удлиняется гласный основы.

Парадигма спряжения глаголов par- 'идти', käl- 'приходить', sana- 'считать, читать'

män parqalaqmän	kälgälek män	sana:laqmän
sän parqalaqsing	kälgäleksing	sana:laqsing
ol parqalaq	kälgälek	sana:laq
pis parqalaqybys	kälgälekebis	sana:laqpys
silär parqalaqsingnar	kälgäleksingnär	sana:laqsingnar
olar parqalaq	kälgälek	sana:laq

Отрицательная форма отсутствует в связи с наличием отрицания в самой семантике данной формы. Рассматриваемая форма выражает не совершившееся действие, а то, совершение которого предполагается; поэтому, видимо, не совсем правомерно относить ее к сфере прошедшего времени. Например: qaqat ruşqalaq 'черная смородина еще не поспела' (но поспеет):

а) ruşuqalaqmän '(Я) еще не сварила'; olurqalaqsing '(Ты) еще не сел'; qoj soqqalaqrys 'Овцу еще не резали' (не убивали); ot öskälek 'Трава еще не выросла'; ine:gen say:laq 'Корову (она) еще не доила';

б) olar piçän raşqarqalaq, quşurpyşan 'Они не успели убрать сено, началась зима'; erim müngälek, çylıy:zy çörtüpiskän 'Не успел Ефим сесть (верхом) на лошадь, она помчалась'; qarçaymda ätkälekem aşu qagındä:zum kälgän 'Не успела я сделать половину (дел), пришел мой двоюродный брат'.

Существует довольно распространенное объяснение происхождения этой формы. Считают, что она образуется от основы причастия, образованного от древнейшего глагольного имени (причастия на *-q*, *-gu*, *-yta*, *-gly*, *-y/y* (а) *laq*³).

Можно было бы предположить, что рассматриваемая форма восходит к древнетюркскому причастию абсолютно будущего времени с модальным значением долженствования, возможности совершения действия. Это причастие употреблялось и в предикате в роли *verbum finitum*, ср. kim bu alaŋurmış ač barsıy tırgürgülük 'кто сможет оживить эту обессилившую голодную тигрицу'⁴. Аналогичная точка зрения о форме *-galaq* как реликта древней формы *-yuluq* высказана в литературе [16]. Однако, как показали исследования, в чулымско-тюркском языке функционируют формы будущего определенного времени на *-yoq* (нч.) и на *-lyq* (срч.), обозначающие обязательность совершения действия (со значением долженствования), действительно восходящие к древней тюркской форме на *-yuluq* [17].

Форма же на *-qalaq/-galaq*, по всей вероятности, состоит из двух элементов — *-qal* + *-aq*, первый из которых представляет собой аффикс, развившийся из десемантизированного вспомогательного глагола *qal* 'оставаться, сохраняться, прекращаться' в аналитической конструкции *-p + qal*.

Аффикс *-aq*, по-видимому, восходит к аффиксу желательного наклонения. Из современных тюркских языков элемент *-aq* встречается в особом типе будущего времени на *-ajaq* в ногайском языке, восходящим к

³ О форме причастия см. [14].

⁴ Пример см. [15].

древнему форманту с модальным значением. Из сибирских языков показатель *-aq* в качестве носителя значения желательного наклонения встречается, например, в алтайском языке [18], в говорах и диалектах сибирских татар [19].

Аналитические конструкции представлены в чулымско-тюркском языке чрезвычайно широко. В качестве вспомогательных глаголов употребляются различные глаголы, в том числе и глагол *qal-*. В чулымско-тюркском языке, подобно другим тюркским языкам, вспомогательные глаголы, не имея чисто грамматического значения и не обладая лексическим значением, которое свойственно им при употреблении их в функции знаменательного глагола, выражают семантические категориальные признаки.

В семантике глагола *qal-* в тюркских языках (см., например, [20]) выделяются значения «оставаться, сохранять, переставать, прекращаться». Два последних значения дают основание выделить абстрагированный категориальный признак «незавершенность действия». Это согласуется со значением формы на *-qalaq/-galaq*. Элемент *-aq*, являясь аффиксом желательного наклонения, проецирует действие в план будущего.

В результате десемантизации вспомогательного глагола *qal-* он превратился фактически в грамматический аффикс. Свидетельством этого является то, что он подвержен фонетическим процессам внутри слова, функционируя в твердом и мягком вариантах. Например, *šetkelek* 'еще не добрался', *šetqalaq* 'еще не лег'. Примером превращения вспомогательных глаголов в аффиксы, порой с трудом идентифицируемые в чулымско-тюркском языке, могут служить упоминавшиеся выше формы на *-yl* (срч.) и на *-ot* (нч.) (обе восходящие к аналитической конструкции *-p+olur* 'сидеть'). Примером подчинения вспомогательного глагола гармонии гласных, превратившей его в элемент словоформы, может служить глагол *yü* (нч.)/*ys* (срч.) 'посылать' (*atıpyshan* 'выстрелил', *ke:repeskän* 'постарел', *şügürpiskän* 'побежал'). Приведенные факты свидетельствуют о процессе превращения элементов аналитических конструкций в элементы словоформы, что является живым примером процесса агглютинации.

Нам хотелось бы подчеркнуть, что в чулымско-тюркском языке система так называемых временных форм выражает не столько время, сколько способы глагольного действия.

Как было показано выше, в микросистеме настоящего времени форма на *-ady* противостоит формам на *-yl* и *-tur*, как немаркированная по способу протекания действия, при этом формы на *-yl* и на *-tur* обозначают разную степень интенсивности, активности действия. То же можно сказать и о сфере прошедшего времени, в которой функционирует фактически одна форма прошедшего времени на *-gan*. Форма на *-digan* (*<-tur+gan*), отмечаемая в литературе, не может рассматриваться как особая временная форма, так как она обозначает прошедшее время и включает в свою структуру морфему прошедшего времени *-gan*. Морфема же *-di* (развившаяся из вспомогательного глагола *tur-*) сохранила категориальный признак «постоянность, неизменяемость» от статального глагола *tur-* 'стоять, находиться, жить' (каковыми являются все бытийные глаголы). Этот категориальный признак и обуславливает особый способ совершения действия — обычно совершающееся действие. Интересно отметить, что в чулымско-тюркском языке могут быть обозначены одновременно два способа действия, например: нч. *tān pa:rvotet'iyam* (*<pa:rup ote diyam*) 'Я обычно потихоньку шел туда' [в

данной форме присутствуют вспомогательные глаголы *ot-* 'сидеть' и *-di* (<*tur* 'стоять'), обозначающие неинтенсивное и обычно повторяющееся действие (соответственно)]. Примечательно, что отрицательная форма у формы на *-diyan* является, так же как и во всех формах настоящего времени, именной, состоящей из причастия настоящего-будущего времени на *-ar* и именного отрицания *šoq* (*täp paɣuɟ joqam* 'Я не уходил'), что может быть дополнительным свидетельством того, что для носителей чулымско-тюркского языка важно не столько отнесение действия ко времени, сколько характеристика его с точки зрения способа совершения. Это свидетельствует об архаичности временной системы чулымско-тюркского языка, в которой временные формы включают сему времени и обязательно способ осуществления, протекания действия, причем нередко вторая из упомянутых сем превалирует над первой⁵. Сходство состояния рассматриваемых категорий чулымско-тюркского языка с состоянием рассматриваемых категорий (времени и Aktionsart) на ранних этапах развития индоевропейских языков и языков других семей (где действие оценивалось прежде всего с точки зрения его качества), может, по-видимому, служить основанием для предположения о реликтовом состоянии временной системы чулымско-тюркского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные, приводимые в статье по другим языкам Сибири, основаны на материалах «Диалектологического атласа тюркских языков (Сибирская зона)», хранящихся в фонде Института истории, филологии и философии СО АН СССР.
2. А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола. — «Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ», вып. VIII, 1960, стр. 103.
3. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 209.
4. Е. И. Коркина. Наклонения глаголов в якутском языке. М., 1970, стр. 35—46.
5. Н. З. Гаджиева. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975, стр. 281.
6. А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола, стр. 110.
7. А. П. Дульзон. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола, стр. 106.
8. И. В. Кормушин. Системы времен глагола в алтайских языках. М., 1984.
9. А. П. Кайдаров. Уйгурский (новоуйгурский) язык. — В кн.: «Языки народов СССР», М., 1966, т. 2, стр. 377.
10. Р. М. Бирюкович. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. II. Саратов, 1981, стр. 87—88.
11. А. П. Дульзон. Диалекты и говоры тюрков Чулыма. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 27—28.
12. А. П. Дульзон. Кетский язык. Томск, 1968, стр. 63, 588.
13. А. П. Дульзон. Кетский язык, стр. 64.
14. Н. З. Гаджиева. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973, стр. 93.
15. «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 654.
16. В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 35—36.
17. Э. Р. Тенишев, Р. М. Бирюкович. Реликты древнеуйгурской формы на *-yüliq* в современных тюркских языках (представлена в журн. «Советская тюркология»).

⁵ В лингвистике известна точка зрения, согласно которой категория вида предшествовала категории времени. Факты дают основание предполагать, что в мышлении людей древности действие, выражаемое глаголом, оценивалось прежде всего с точки зрения его качества (Aktionsart) [21].

18. Н. А. Баскаков. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II, стр. 301.

19. Д. Г. Тумашева. Диалекты сибирских татар. Казань, 1974, стр. 178, 213, 259.

20. «Туркменско-русский словарь», М., 1968, стр. 147.

21. Б. А. Серебренников. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка. — «Вопросы языкознания», 1970, № 2, стр. 46.

СОКРАЩЕНИЯ

чул. — чулымско-тюркский язык,

срч. — среднечулымский диалект,

нч. — нижнечулымский диалект,

кыз. — кызыльский диалект,

кач. — качинский диалект,

каз.-тат. — казанско-татарский язык.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Н. Х. МАМЕДОВ

ЗНАЧЕНИЕ ДАННЫХ ТАЛЫШСКОГО ЯЗЫКА В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА ДОПИСЬМЕННОГО ПЕРИОДА

Азербайджанский язык, как известно, относится к огузской группе языков тюркской системы и отличается богатством письменных памятников. Углубленное изучение последних может пролить определенный свет на историю формирования национального языка и вопросы этногенеза азербайджанского народа.

Для решения узловых вопросов этногенеза азербайджанского народа и состояния его языка дописьменного периода необходимо учитывать и ряд других важных факторов, в том числе данные: 1) диалектов и говоров азербайджанского языка; 2) родственных языков; 3) персидских письменных памятников; 4) арабских письменных памятников; 5) древнеармянских письменных памятников; 6) древнегрузинских письменных памятников; 7) иранских и кавказских языков на территории Азербайджана и др. Всесторонний анализ материалов этих источников позволит составить правильное представление об основных особенностях азербайджанского языка дописьменного периода.

В настоящей статье излагаются результаты изучения одного из иранских языков на территории Азербайджана — талышского, сохранившего некоторые реликты азербайджанского языка дописьменного периода. Хотя в научной литературе нет специальных исследований, посвященных взаимоотношениям азербайджанского и талышского народов и их языков, однако со всей определенностью можно сказать, что азербайджанцы — единственный тюркоязычный народ, с которым талыши длительное время находились в тесных контактах во многих сферах социально-экономической и культурной жизни. Это оставило заметные следы в талышском языке, сохранившем, по нашим наблюдениям, десятки древнетюркских (древнеазербайджанских) лексических единиц различных семантических разрядов, корни которых как в фонетическом, так и в семантическом отношении не претерпели сколько-нибудь значительных изменений. К ним относятся, в частности, слова *бү*, *шүлән*, *кәпот*, *алә*, к анализу которых мы и перейдем.

Бү. В талышском языке означает «серый, бледный, рыжий». Возможны и другие диалектальные фонетические варианты этого слова. Употребляется в основном по отношению к человеку и животным (лошади). Например: *Бүә рангә мерд бе, рәј-рәј әво бә ди* 'Был рыжий мужчина, часто приходил в деревню'; *Бүә аспыш һестбе* 'У него была лошадь рыжей масти' и др.

Можно предположить, что *бү* в талышском языке является словом тюркского происхождения. Вероятно, оно восходит к общетюркскому

boz—bog, имеющему значения: «серый, беловато-серый, голубой, серо-коричневый, бледный» и т. д.

В турецком памятнике XV века «Miftahü'l-Luga» встречается слово bog в значении «серый» [30, стр. 172]. Зафиксировано оно и в монгольском языке в форме bogu/bog в значениях: «серый, коричневый, смуглый» [16, стр. 121]. В форме боро это слово широко распространено в тунгусо-маньчжурских языках [31, стр. 96; 20, стр. 110]. Лексема bog~boz~бого имеет широкий ареал и охватывает все алтайские языки [30, стр. 173].

В связи со сказанным употребляемое в талышском языке слово бу можно рассматривать в двух аспектах.

1. Если допустить, что талышский язык заимствовал это слово в форме bog, которая реально существовала, то нетрудно восстановить и фонетические изменения, которые оно претерпело.

Как правило, конечный *r* в талышском языке выпадает, если это не приводит к семантическим изменениям, что подтверждается материалами иранских языков; ср., например, перс. bāradār 'брат' — тал. бо//боз//быва, перс. sāg 'голова' — тал. са, перс. čāhar 'четыре' — тал. чо и др. Кроме того, звук *o* во всех заимствованных словах талышского языка заменяется чаще всего звуком *y* и реже — звуком *y*. Значит, употребление формы бу (<bog) в талышском языке вполне закономерно. С другой стороны, в некоторых современных тюркских языках, в том числе и в азербайджанском, имеется форма boz 'серый'. Соответствие *g~z* в тюркских языках можно проследить на конкретном языковом материале; ср., например, gög~göz, almar~almaz, bahmar~bahmaz и др. Здесь уместно сослаться на высказывание Н. К. Дмитриева по этому поводу: «Мы должны сказать, что сфера *r* и сфера *z* не абсолютно разграничены, а как бы накладываются одна на другую: конкретно говоря, сфера *r*, т. е. те тюркские языки, для которых типичен в известных фонетических позициях именно *r*, в известных случаях допускают изменение фонемы *z*» [14, стр. 320].

Эта фонетическая закономерность позволяет предположить, что талышское бу восходит к bog, некогда существовавшее в азербайджанском языке. Можно допустить также, что в азербайджанском языке когда-то сосуществовали обе эти формы (*r*-диалект, *z*-диалект). В процессе исторического развития азербайджанского языка форма boz получила в нем преобладающее развитие, а форма bog вышла из употребления, оставив свой след в контактирующем талышском языке.

Талышский язык не мог заимствовать эту форму из других тюркских языков, поскольку нет исторических данных о каких-либо иных его тюркских контактах. «Чем глубже вникаешь в материал, — пишет В. И. Абаев, — тем больше убеждаешься, что если в отдельных случаях и можно говорить о междиалектных заимствованиях, — перекрестные изоглоссы, как универсальное явление диалектографии и лингвистической географии, объясняются иначе: тем, что нет „чистых“ диалектов, что в любом диалекте могут существовать не одна, а несколько норм. При этом одна норма может выступать как доминирующая, типичная, специфическая, „правильная“, другая — как „незакономерная“, „неправильная“, как „исключение“. Но последняя является в такой же мере „своей“, „родной“, не заимствованной, как и первая» [2, стр. 248]. И далее: «В каждом языке (диалекте) могут выявиться в единичных фактах все те возможности, которые заложены во всей данной группе языков (диалектов) в целом» [2, стр. 250].

2. Возможно, что талышский язык заимствовал данное слово не в форме bog, как было указано выше, а в форме бо (<бу). Существуют

определенные доводы в пользу такого предположения. Как известно, в тюркских языках аффикс *-ra, -ro, -r* имеет широкое употребление. Его можно выделить почти во всех языках: тув. *bo-ra*, монг. *bo-ri*, калм. *bo-go*; эвенк. *bo-go, bo-gon*, маньчж. *bo-go* и т. д. Сюда можно отнести и слова другого семантического разряда: *ga-ra, qa-ra, sa-gu, ga-gu* и т. д.

Э. В. Севортян, вслед за Т. А. Бертагаевым, также выделяет омертвевшие фузионные аффиксы *-ra, -ro, -r* в монгольских словах типа *ха-ра* 'черный', *ша-ра* 'желтый', *бо-ро* 'серый' [30, стр. 173]. Свидетельства Т. А. Бертагаева и Э. В. Севортяна как раз подкрепляют наше второе предположение о том, что талышский язык заимствовал данную форму [*бү* (<*бо*)] из азербайджанского языка без аффикса. Употребление аффикса в таком случае следует расценить как позднее явление. Однако сведений о конкретном его становлении и эволюции не сохранилось. Во всяком случае несомненно то, что, во-первых, форма *бү* (<*бо~бор~боз*) в талышском языке является древнейшим заимствованием из азербайджанского языка, и, во-вторых, что *бо* в азербайджанском языке представляет более древнюю форму, нежели *бог*.

Отметим, что в некоторых иранских языках также представлено *бог*. Например, в персидском *бог* 'бурый' [18, стр. 111], в осетинском *бур* 'желтый', *бур жанын* 'желтеть' [23, стр. 148], в скифском *бог(а)* 'желтый, рыжий, буланый' [1, стр. 161], в гилянском *bug* 'рыжий (о волосах)' [11, стр. 57] и др. В связи с присутствием *бог* (в разных фонетических вариантах) в тюркских языках Э. В. Севортян пишет, что если все эти функционирующие в иранских языках формы не восходят к персидскому *бог* либо скифскому *бог(а)*, то остается предположить, что в тюркских языках наряду с *z*-формой существовала и *r*-форма, однако решить вопрос, что было первичным, пока еще трудно [30, стр. 172].

Учитывая, с одной стороны, широкую сферу функционирования данного слова в тюркских языках, в том числе и в языках, исторически не контактировавших с персидским и вообще с иранскими языками, с другой стороны, его ограниченное употребление в иранских языках, а также имея в виду известное в тюркских языках звукосоответствие *r~z* (*бог~bоз, gög~göz*), правомерно сделать вывод о тюркском происхождении этого слова.

Шүлән 'много, обильно'. (В некоторых талышских говорах зафиксирован фонетический вариант *шүләнч*): *Ымсор мәнсул шүләне* 'В этом году обильный урожай'.

В сочетании с вспомогательными глаголами *бе* 'быть', *карде* 'делать' это слово передает значения «быть в изобилии», «израсходовать на доброе дело»: *Вәјәдә шүлән бе* 'На свадьбе все, что хочешь, было'; *Ыштә мошыш шүлән ка* 'Растратил свое добро'.

В талышском языке имеется и другой фонетический вариант: *шүлә* в значении «рисовая или пшеничная каша». Слово *шүлә* употребляется по отношению к мягким или жидким блюдам: *Поло лап шүлә* 'Плов совсем мягкий'. Хотя *шүлән* и *шүлә* близки по фонетическому звучанию, сходны по значению и, несомненно, восходят к одному и тому же корню, тем не менее в их конкретной семантике имеются и различия: если *шүлән* выражает значение «много, обильно», то *шүлә* обозначает только вид блюда. Это подтверждается и материалами азербайджанских диалектов и говоров, где они встречаются в различных вариантах и значениях.

В речи азербайджанцев района Амасия Армянской ССР встречается слово *шүләшы* 'блюдо, приготавливаемое из пшеничной крупы' [4, стр. 469]. В ереванском говоре азербайджанского языка — *шилашы*

‘вид блюда’, в агдамском, касум-исмайлловском, кедабекском, ханларском, джебраильском, марнеульском и шаумянкентском говорах азербайджанского языка *шила* ‘вид блюда, каша, приготавливаемая из мяса и риса’ [19] и др. Форма же *шүлән* встречается в варташенском говоре, а также в тебризском [19] и бакинском [35, стр. 21] диалектах азербайджанского языка в значении «церемониальный процесс угощения». Таким образом, употребляемые в указанных значениях в талышском языке слова *шүлән* и *шүл* сохранились в диалектах и говорах азербайджанского языка на территориях Азербайджанской, Армянской и Грузинской республик.

Некоторые ученые не делают различия между словами *шүлән* и *шила* и при толковании этих слов часто смешивают их значения.

В. Л. Гукасян, исследовавший древние тюркизмы в удинском языке, рассматривает один из них — *шилан/шила* ‘рисовая каша’, как азербайджанское заимствование: «Говоря о названии блюд, заимствованных армянским и грузинским языками, почему-то упускают из виду названия таких важных блюд, с точки зрения истории сельджукских огузов, как *şilan*. Дело в том, что если „бозбаш“, „кавурма“, „долма/толма“ и др., упоминаемые в словаре Махмуда Кашгарского, были общетюркскими блюдами, приготавливаемыми каждой семьей, то „шүлән“ являлось церемониальным блюдом; его приготавливали в основном в домах верховных правителей огузов, или перед походами, или в дни свадьбы, совещаний огузских ханов и беков» [13, стр. 79].

В. Л. Гукасян впервые выделил *шилан/шила* из общетюркской лексики и отнес к лексике азербайджанского языка древнего периода, точнее сельджукского периода. Однако в его цитируемой статье имеются моменты, нуждающиеся в уточнении.

С нашей точки зрения, *шилан* и *шила* являются разными лексемами, хотя и близкими по значению. Сам факт употребления этих двух слов в различных языках и в разных значениях тоже свидетельствует об их раздельном существовании. В. Л. Гукасян отмечает, что в значении «блюдо (рисовое или пшеничное)» в армянском, грузинском и менее активно в удинском языках употребляется слово *шила* (без конечного согласного *н*). Например, в удинском *шилаплав*, в грузинском *шила плави*, в армянском *шила плав*, а в диалектах армянского языка, представленных на территории Азербайджанской ССР, — *шила (н)*. Скобки в последнем примере, по-видимому, указывают на отсутствие конечного сонанта. В приведенных В. Л. Гукасяном примерах нет ни одного с наличием конечного согласного *н*. При этом следует отметить, что он считает *шүлән* названием «церемониального» и «торжественного» блюда [13, стр. 79].

К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, указывающими на время проникновения этого слова в армянский и грузинский языки и на последующее развитие его семантики в этих языках. Факты свидетельствуют о том, что, во-первых, *шүлән* — не блюдо, а сам процесс церемониального угощения, и, во-вторых, о том, что не следует смешивать слова *шүлән*, *шылан...* с *шила*, *шила...*, ибо между ними существуют определенные фонетические и семантические различия.

В. А. Гордлевский следующим образом объясняет значение *شىلان* (шилиан): «...Когда огузы собирались, султан устраивал для них традиционный пир (*شىلان*), на котором резались бараны. Это было старое национальное торжество, справлявшееся и при вступлении султана на престол — так сказать, обрядовый стол, за которым представители огузских племен получали кусок жертвенного мяса, определенный тюрбе. Вкушая общее мясо, огузы как бы присягали султану» [12, стр. 80].

Э. И. Азизов, исследовавший диалектизмы в «Китаби-Деде Коркут», пишет, что *шүлән* является одним из характерных слов лексики этого памятника [36, стр. 34]. Возражая Г. Араслы, толковавшему это слово как «большое угощение», автор отмечает, что данное слово означает не всякое угощение, оно непременно связано с определенной традицией: «обед во время праздника жертвоприношения; жертвенное блюдо» [там же]. В приведенных им цитатах из «Китаби-Деде Коркут» такое значение слова *шүлән* выступает вполне отчетливо: *Ағајылда ағча гојунум сәна шүлән олсун* 'Пусть будут тебе стада моих белых баранов для пищи'¹; *Ағајылда ағча гојуну сорар олсан, Ағам Бејрәјин шүләнјиди, Ағам Бејрәк кедәли шүләним јох* 'Спросишь о стадах белых баранов, ими питался мой старший брат Бейрек. С тех пор как ушел мой старший брат Бейрек, я ими не питалась'; *Шүләниндә гырдығын гојунун о залым гырды ола гардаш* 'Должно быть, тот притеснитель убил твоих баранов, что ты убивал себе на пищу, брат!'; *Ағча үзлү оғлуна ағча гојун шүлән верди* 'Дал своему белолицему сыну в пищу белых баранов'; *Күчүчүк донуз шүләнли* 'Чья пища — мясо полумертвой свиньи' [36, стр. 35].

Следует добавить, что слово *шүлән* отнюдь не связано с определенным религиозным обрядом, оно имеет вполне реальный денотат — церемониальный процесс угощения.

Орхан Шаиг дает следующее толкование значения слова *шүлән*: праздничный стол султанов и беков, выставленный для угощения народа; общий торжественный обед; жертвенное блюдо [17, стр. 284].

И после «Китаби-Деде Коркут» это слово употреблялось в ряде письменных памятников азербайджанского языка, а также в народно-поэтическом творчестве. Например, в письменном памятнике XVI века — тезкире «Шейх Сефи» мы встречаем слово *şulan* как отдельно, так и в составе сложного глагола *şulan çäktäk* (*Султан бујурди ким бир ағыр шылан чәкдиләр* 'Султан велел [они!] устроили большое пиршество'; *һәр кимүн ады илә саны вар иди, ол шыландә һазыр етдиләр* 'Все, кто имел чин и сан, были приглашены на это пиршество' [28, стр. 98]); в азербайджанском народном дастане «Сәјјад вә Сәдәт» (*Агры дағы кими шүләнним бишә* 'Чтобы было приготовлено мое угощение величиной с гору Агры' [3, стр. 340]) и у азербайджанского ашуга Алескера (*Шаһ Аббас шүләнли мәчлис дүзәлтди* 'Шах Аббас организовал богатое угощение' [8, стр. 201]).

В современном турецком языке слово *şulan* означает «пир» [26, стр. 617], в уйгурском — *шилвә* 'каша', *шойла* 'рисовая каша с луком и морковью' [33, стр. 550, 556].

Согласно приведенным Э. И. Азизовым материалам диалектов и говоров азербайджанского языка, выражение *шүлән етмәх* в карабахском диалекте азербайджанского языка означает «разбазаривать, растащить; даровой обед», а в Кедабекском районе — «разбазаривать, присвоить, даровой обед». В быгырском говоре Геокчайского района Азербайджанской ССР это слово означает «изобилие» [10, стр. 76].

В речи азербайджанцев Куткашенского района республики употребляется выражение *силә гонахлығы* (*Силә гонахлығы бы кечә биздә оличих'ди*² 'Дружеское угощение в эту ночь должно было состояться у

¹ Переводы цитат из «Китаби-Деде Коркут» здесь и ниже даются по изданию: «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос». Перевод акад. В. В. Бартольда. М.—Л., 1962.

² «*Силә гонахлығы*» — это периодическое угощение, организуемое в определенном кругу друзей. Этот факт любезно сообщил нам к. ф. н. А. Тахирзаде — уроженец Куткашенского района Азербайджанской ССР.

нас'), имеющее немаловажное значение для восстановления праформы слова *шүлән* в фонетическом его развитии.

Известно, что в пратюркском языке не было слова с начальным *ш*, в связи с чем *шүлән* не могло быть отнесено к тюркским языкам, если бы не был известен его фонетический вариант *силә*. Исходя из факта общеизвестного фонетического соответствия *с~ш* (*силлә~шиллә*) в тюркских языках, можно сказать, что *шилә* является фонетически видоизмененной формой *силә*, и куткашенские говоры азербайджанского языка сохранили более древнюю форму этого слова с начальным *с*. Об этом же свидетельствует и талышское *силә* 'полный', 'наполненный' и *силә карде* 'наполнить, есть досыта': *Ышта лавам силә карде* 'Поел досыта' (досл. 'наполнил свой живот'). В данном случае талышский язык сохранил древнейшую форму слова с начальным *с*.

Капот. Употребляется почти во всех говорах талышского языка только в значении «женское верхнее платье»: *Ышта капоти тәкә, бушамон* 'Одевай свое платье, пойдем'.

Данное слово не нашло своего отражения в словарях азербайджанского языка. Однако, по нашим наблюдениям, оно употребляется в отдельных азербайджанских диалектах и говорах с некоторым семантическим варьированием. В ленкоранских говорах оно имеет значение «верхнее женское платье» (*Гызын капотын вер, кејсин* 'Отдай девушке платье, пусть оденет'). В зангеланском говоре оно означает «женское рабочее платье, надеваемое для защиты от загрязнения основного платья»³, в карабахском диалекте — употребляется в значении «женская верхняя рубашка»⁴.

В трехтомном «Русско-азербайджанском словаре» слово *капот* представлено следующими значениями: 1) одежда типа халата; 2) шинель французских солдат; 3) откидная металлическая крышка у различных механизмов [21, стр. 514]. Первое и второе приведенные значения частично совпадают со значениями в диалектах и говорах азербайджанского языка. В обоих случаях значение «одежда» сохраняется, хотя в различных тюркских языках эта одежда имеет разное назначение. Так, например, в казахском — *капот* 1. одежда [22, стр. 264], в тувинском — *капот* 'одежда' [25, стр. 209]; в татарском — *капот* 1. одежда, подобная халату; 2. шинель французских солдат [24, стр. 62]; в турецком — *kaput* 'шинель' [32, стр. 209].

На тюркское происхождение этого слова указывает М. Фасмер [34, стр. 150]. Э. Н. Болонина, исследовавшая тюркизмы в восточнославянской деловой письменности XV—XVI веков, рассматривает слово *кабат* 'рабочая рубаха, куртка, кофта' как тюркское по происхождению, заимствованное восточнославянскими языками [9, стр. 22].

По мнению Э. Н. Болониной, слово *кабат* в памятниках русской деловой письменности XV—XVI веков не зафиксировано. Оно встречается sporadически в «Московском летописном своде конца XV века» и в «Никоновской летописи под 1428 год» [9, стр. 23]. В последующий период, в XVI—XVII веках, как указывает автор, «слово *кабат* уже вошло в живой язык» [9, стр. 23].

По П. Савваитову, *кабат* означало «вид царской одежды», по-видимому, кафтан [27, стр. 44].

В одном из памятников, написанном на территории Западной Руси в XVII веке, слово *кабат* приведено в новом значении — «вид женской одежды» [9, стр. 23].

³ Этот факт любезно сообщил нам к. ф. н. С. М. Бехбудов.

⁴ Этот факт любезно сообщил нам к. ф. н. Ф. Р. Халыгов.

Свидетельства разных авторов дают полное основание считать *капот* словом тюркского происхождения. Что же касается его присутствия в талышском языке, то можно предположить, что оно было заимствовано талышским языком из азербайджанского и сохранилось в нем только в значении «женское верхнее платье». Большинство же азербайджанских диалектов и говоров утратило это многозначное слово.

Алэ 'большой'. В этом значении в талышском языке данное слово сохранилось в следующих выражениях: *алэ хуг* 'большой кабан', *алэ гапу* 'большие дворовые ворота', *алэ һырс* 'большой медведь', *алэ мәшһур* 'имеющий дурную славу' и др. В последнем выражении *алэ* выступает в отрицательном значении, которое было присуще древнетюркскому: *a:la* (перен. «нечестность» — кирг., каз.; «нечестный» — уйг.; «несправедливость» — каз.; «тайные мысли», «неверный» по Brockelmann'у [29, стр. 129]).

В современном азербайджанском языке *ала* в значении «большой» не сохранилось. Однако в этом значении его можно встретить в составе некоторых устойчивых выражений и в сложных словах; например, *ала итдән мәшһур* (употребляется относительно человека, имеющего сомнительную репутацию) (досл. 'известнее большой собаки'), *ала гапы* 'арка, триумфальные ворота', *ала улдуз* 'большая звезда', *ала илан* 'большая змея', *алабайдаг* 'человек, получивший плохую или позорную репутацию, известный с плохой стороны'.

Следует отметить, что слово *ала* в азербайджанском языке исторически было многозначным. В словарях азербайджанского языка оно имеет следующее толкование: 1) пестрый, разноцветный, разношерстный; 2) пятнистый, пегий, белесый; 3) кожная болезнь в виде белых пятен [35, стр. 29]. Эти же значения представлены и в талышском языке. Кроме них, *ала* может обозначать также отсутствие или неполноценность какого-либо качества, как, например, в образованиях типа: *алабабат*, *алабишиши*, *ала-булалыг*, *ала-гаранлыг*, *алагарын*, *ала-гарсаг*, *ала-гора*, *ала-юнча*, *алакөлкә*, *аланәм*, *ала-сејрәк*, *ала-сүтүл*, *ала-тала*, *ала-торан*, *ала-чиј* [7, стр. 82—86] и т. п. Во всех этих словарных единицах *ала* передает значение, близкое к русскому «пóлу». Например, *алабишиши* 'полусырой, недоваренный', *алагаранлыг* 1. 'полутьма, полумрак'; 2. 'раннее утро, рассвет, чуть свет', *алагарын* 'полуголодный, ненаевшийся' и др.

Иногда сложные или парные слова, первым компонентом которых является *ала*, неверно толкуются: *ала дағ* 'лысая гора', *алакөз* 'сероглазый' [5, стр. 29], *алакөл* [7, стр. 85] 'место с редкими озерами' и т. д., тогда как во всех подобных сочетаниях *ала* означает только «большой».

Интересно, что толковый словарь азербайджанского языка, не выделяющий значения «большой» в слове *ала*, совершенно правильно толкует словосочетание *алакөз(лү)*, *алагапы* соответственно как *ири ачыг мави көзлү* 'с большими ярко-голубыми глазами', *евләрин бөјүк күчә гапысы* [7, стр. 85] 'большие ворота, триумфальные ворота', где первый компонент имеет значение «большой». Данное значение *ала* мы встречаем в древнейшем письменном памятнике азербайджанского языка «Китаби-Деде Коркут» (однако, как видно из нижеследующих примеров, неточно переведенным В. В. Бартольдом — «пестрый»): *Ала голлу сапанымча кәлмәз мана* [15, стр. 30] 'По мне, им не сравниться с моей пращой с пестрой рукояткой'; *Ала сејван көј үзүнә ашынмышды* [15, стр. 42] 'Велел поднять до небес пеструю палатку'; *Ала јорған ичиндә санинлә долашмады, дадлы дамаг дадыбаны сорушмадым* [15, стр. 104] 'Под пестрым одеялом я с тобой не вертелась, в сладкие уста я с тобой не целовалась'; *Ири гобулу ала дағы авлајыбан гушламадынмы* [6; 15,

стр. 97] 'Разве ты, когда на пестрой горе с крутым склоном гнал дичь, поднимал птиц...?'

Прав М. И. Адилов, опровергающий перевод В. В. Бартольда *ала* как «пестрый», ибо ни в одном из примеров, приведенных нами из «Китаби-Деде Коркут», это слово не имеет значения «пестрый» и везде переводится как «большой» (*ала голлу* 'с большими, огромными руками', *ала сејван* 'большая палатка', *ала јорган* 'большое одеяло', *ала дагы* 'большая гора' и т. д.).

По мнению М. И. Адилова, *ала* является фонетическим вариантом *улу* [6, стр. 10]. Однако именно фонетическое соответствие здесь является весьма проблематичным, ибо нуждается в более основательной аргументации и приведении аналогий.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. В. И. Абаев. О перекрестных изоглоссах. — «Этимология», М., 1966.
3. «Азербайжан дастанлары», II чилд, Баку, 1966.
4. «Азербайжан дилинин диалектологи лугәти», Баку, 1964.
5. «Азербайжанча-русча лугәт», Баку, 1965.
6. М. И. Адилов. «Китаби-Дәдә Горгуд»да ишләнмиш бә'зи сөз вә ифадәләрин тәфсирина даир. — В сб.: «Структура и история тюркских языков», Баку, 1983.
7. «Азербайжан дилинин изаһлы лугәти», ч. I, Баку, 1966.
8. «Ашыг Әлскаяр», I китаб, Баку, 1972.
9. Э. Н. Болонина. Тюркизмы в восточнославянской деловой письменности XV—XVI веков. — «Советская тюркология», 1982, № 1.
10. А. Һ. Вәлијев. Азербайжан диалектологикјасына аид материаллар. Баку, 1960.
11. «Гилянско-русский словарь», М., 1980.
12. В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. I, М., 1960.
13. В. Л. Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия литературы, языка и искусства», Баку, 1978, № 2.
14. Н. К. Дмитриев. Соответствие L//S. Исследование по сравнительной грамматике тюркских языков. Т. I. Фонетика, М., 1955.
15. «Китаби-Дәдә Горгуд», Баку, 1962.
16. F. D. Lessing. Mongolian-English Dictionary. Berkeley and Los-Angeles, 1960.
17. Orhan Şaik Gökyay. Dedem Korkodun kitabı. İstanbul, 1973.
18. «Персидско-русский словарь», т. I, М., 1914.
19. Подготавливаемый к печати трехтомный «Диалектологический словарь азербайджанского языка» (Архив отдела азербайджанской диалектологии Института языкознания им. Насими АН Азерб. ССР).
20. Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка. Наречие баргузинских тунгусов. Л., 1927.
21. «Русско-азербайджанский словарь», Баку, 1971.
22. «Русско-казахский словарь», М., 1954.
23. «Русско-осетинский словарь», М., 1970.
24. «Русско-татарский словарь», Казань, 1956.
25. «Русско-тувинский словарь», М., 1953.
26. «Русско-турецкий словарь», М., 1972.
27. Н. Савваитов. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. СПб., 1896.
28. Ә. Ш. Садыхов. XVI әср Азербайжан јазылы абидәси «Шејх Сәфи» тәзкирәсинин дили (лексика). Канд. дисс. Баку, 1972.
29. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974.
30. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.
31. «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю», т. I, Л., 1975.
32. «Турецко-русский словарь», М., 1977.
33. «Уйгурско-русский словарь», М., 1968.
34. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II, М., 1967.
35. М. Ш. Ширәлијев. Баку диалекти. Баку, 1957.
36. Е. И. Әзизов. «Китаби-Дәдә Горгуд»да диалект сөзләри. — «С. М. Киров адына АДУ-нун Елми әсәрләри. Дил вә әдәбијат серијасы», Баку, 1977, № 4.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Л. В. СОФРОНОВА

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Настоящая статья посвящена одной из наименее исследованных проблем турецкой литературы — жанровой специфике турецкого исторического романа.

Зарождение в Турции в конце XIX века исторического романа было непосредственно связано с формированием просветительской идеологии. В 60-е же годы XX века исторический роман становится одним из ведущих жанров турецкой прозы. Интерес к истории, проявившийся в средние века в создании многочисленных историографических сочинений и в исторической тематике романического и дидактического эпоса, приобретает в литературе эпохи Танзимата¹ качественно новый характер. В это время рождается турецкий исторический роман, в котором, как и в ряде других прозаических и драматургических жанров, находят отражение особенности турецкого Просвещения.

Возникновение турецкого национального исторического романа связано с именем крупнейшего писателя и общественного деятеля эпохи Танзимата Намыка Кемалья (1840—1880). В его многогранном научном и литературном творчестве историческая тематика занимает значительное место. Достаточно вспомнить оставшийся незавершенным труд по османской истории, собрание биографий султанов и военачальников прошлого под названием «Разрозненные листки» («Evraki perişan»), историко-романтические драмы «Родина или Силистрия» («Vatan yahut Silistre») и «Джеляледдин — шах Хорезма» («Celaledin Harzemşah»), роман «Джезми» («Cezmi»). В собственно историографических работах Намык Кемаль не стремился к объективному освещению описываемой эпохи и использовал документальный материал в дидактических целях. Следуя просветительским традициям, основным назначением исторической науки писатель считал воспитание нравственной добродетели, на что прямо указывал в предисловии к биографии татарского эмира Невруз-бея². Исторические трактаты Намыка Кемалья, включавшие и художественные элементы, во многом подготовили почву для создания исторических произведений в новых для турецкой литературы жанрах драмы и романа.

Драма «Джеляледдин — шах Хорезма»³ Намыка Кемалья явилась важной вехой на пути создания первого национального исторического

¹ Исторический период после танзиматских реформ 1839—1856 годов.

² А. Н. *Tanrınar*. XIX asır türk edebiyatı tarihi. İstanbul, 1967, стр. 399—400.

³ К созданию драмы Н. Кемаль приступил будучи узником Магосской тюрьмы (1873—1876).

романа «Джезми», в котором получила воплощение концепция автора, изложенная им в предисловии к драме, написанном под влиянием романтического манифеста Виктора Гюго. Намык Кемаль считал, что основу пьес, написанных на историческую тему, должна составлять сама история. Писатель может только конкретизировать описываемые события, вводя в повествование наряду с историческими лицами и вымышленные персонажи⁴. Подобный подход писателя к отображению той или иной исторической эпохи в художественном произведении свидетельствует о зарождении в турецкой литературе конца XIX века историзма. В драме Н. Кемаля «Джеляледдин — шах Хорезма» и его романе «Джезми» нашли отражение два разных исторических периода, но их объединяет общая идейная платформа, носящая просветительский характер⁵.

Хотя в конце XIX века в Турции был издан ряд романов, действие которых происходило в отдаленном прошлом, однако именно «Джезми» Н. Кемаля (1880) по праву считается первым турецким историческим романом. Так, например, содержание произведения Ахмеда Мидхата «Янычары» («Yeniçeriler»), которое часто относят к историческому роману, сводится лишь к описанию забавных случаев из жизни янычар. О том, что эти эпизоды относятся к XVIII веку, ко времени янычарского восстания в правление султана Селима III, мы узнаем из небольшой главы, описывающей участие одного из персонажей в стихийно возникшей уличной потасовке. Связь романа с историей фактически этим ограничивается. Совершенно ясно, что здесь историческое прошлое используется автором лишь в качестве фона, а основу произведения составляет романическая интрига, развивающаяся по законам дидактического жанра. Аналогичный характер носят романы Ахмеда Мидхата, сюжеты которых относятся к периоду крестовых походов. Значительное место в них занимают географические описания, отражающие впечатления автора от его поездки по Ближнему Востоку: «Сулейман Мусли», «Второе появление на свет» («Dünyaaya ikinci geliş»).

Иное назначение имеет исторический материал в романе Н. Кемаля «Джезми», повествующем о событиях турецко-иранской войны XVI века, ознаменовавшей кризисные явления в экономике и политике Османского государства. Главные герои и большинство других персонажей этого романа — исторические личности. Основу романического сюжета составляют подлинные события. «Джезми» еще в большей степени, чем драма «Джеляледдин — шах Хорезма», насыщен документальными данными (конкретизированы место и время действия, охарактеризованы основные этапы деятельности султанов, подробно описаны реальные сражения, введена в текст подлинная переписка политических деятелей).

Композиционное построение романа несколько тяжеловесно: в частности, растянуты вводные главы, в которых воссоздается исторический фон повествования, читателю подробно представляются главные персонажи и излагаются события, предшествовавшие описываемым в романе. Перегруженность повествования документальным материалом и авторскими отступлениями во многом замедляет развитие романического сюжета. Для «Джезми» характерна некоторая усложненность диалогической речи, причем тяготеющей к драматургии. Это объясняется, во-первых, тем, что жанр романа только зарождался в турецкой лите-

⁴ *Namık Kemal. Celâleddin Harzemşah. İstanbul. 1975, стр. 25—26.*

⁵ См. подробнее об этом: *Н. А. Айзенштейн. Просветительская концепция человека в турецкой литературе. — В кн.: «Problemy literatur Orientalnych». Варшава, 1974.*

ратуре, а, во-вторых, по справедливому замечанию А. А. Долининой, сказанному, правда, по отношению к арабской просветительской прозе: «...У литературы были иные задачи и исторический момент предъявлял к ней иные требования»⁶.

Таким образом, роман Намыка Кемаля «Джезми» явился первым турецким историческим романом, характеризующимся определяющими чертами национальной просветительской литературы, историчностью сюжетной основы и главных героев, документализмом.

Коренные изменения в общественном строе Турции, связанные с победой национально-освободительного движения турецкого народа 1918—1923 годов, привели к активизации литературной жизни.

Проза двадцатых годов, для которой характерны фактографическая основа, историческая конкретность, очерково-документальный стиль, заложила тематический фундамент современного исторического романа. В ней нашли правдивое отражение некоторые социальные аспекты национально-освободительной борьбы, патриотический подъем турецкого народа, героизм отдельных личностей из среды офицерства и интеллигенции. Вместе с тем творчеству писателей-реалистов этого периода свойственна определенная абсолютизация роли личности в истории, недооценка, а иногда искаженное представление о роли крестьянства в кемалистской революции: Халиде Эдиб «Огненная рубашка» («Ateşten gömlek», 1922), «Убейте блудницу» («Vurun kahpeye», 1926), Якуб Кадри «Рассказы о национальной войне» («Millî savaş hikayeleri», 1922) и др.⁷

В литературе 30-х годов интерес к истории заметно возрастает, что было обусловлено социальными причинами. В результате мирового экономического кризиса, вызвавшего в Турции рост безработицы и ускорение процесса обнищания и разорения крестьянства, усиление классовых противоречий, активизировались антиправительственные выступления пролетариата и стихийные крестьянские волнения. Тем самым потерпела крах официальная кемалистская концепция, провозглашавшая создание социально однородного и гармонически развитого общества.

Именно в этот период появляется ряд исторических романов, в которых писатели стремятся отразить волнующие их проблемы современной жизни. Некоторые литераторы пытаются уйти от отображения безрадостной действительности, противопоставляя ей идеализированный патриархальный быт прошлого (например, Халиде Эдиб «Sinekli Bakkal», 1936). В эти же годы издается несколько исторических романов М. Турхана Тана, носящих развлекательно-приключенческий характер («Тимурленк» — 1935, «Джем Султан» — 1935 и др.). Этот тип романа получает дальнейшее развитие в 40—60-е годы в творчестве таких писателей, как Нихаль Атсыз, Огуз Оздеш, Рагип Ешим.

Особое место среди исторических произведений 30-х годов занимает роман Садри Эртема «Когда останавливаются прялки» («Çıkrıklar durupsa», 1932), в котором впервые в турецкой прозе затрагивается тема крестьянского восстания. Взгляды писателя на исторический роман, нашедшие художественное воплощение в этом произведении, впоследствии были изложены им в книге «Мысль и искусство»⁸. По мнению автора, особенность исторического романа заключается в воспроизведении реальных

⁶ А. А. Долинина. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия. М., 1973, стр. 16.

⁷ См. подробнее об этом: Р. Г. Фиш. Национально-освободительная война турецкого народа 1919—1922 гг. в турецкой художественной литературе. Автореф. канд. дисс., М., 1952.

⁸ Sadri Ertem. Fikir ve sanat. İstanbul, 1938, стр. 9—10.

прошлого: стремлений, чувств, дум и чаяний людей, а также событий определенной эпохи в полном соответствии с реальной исторической действительностью. Однако при этом Садри Эртем рисует исторический образ, не копируя его с реального лица (прототипа), а выставляет его носителем и выразителем определенных авторских идей, соотносенных с современностью, следуя, таким образом, традициям исторической прозы XIX века.

В центре внимания автора романа «Когда останавливаются прялки» социально-экономические условия, вызвавшие крестьянское восстание 1880 года в вилайете Болу, его цели и формы. Садри Эртем вскрывает социальные корни восстания, проходившего под религиозными лозунгами. Заслугой писателя является показ роста политического сознания крестьянина Хасана, постепенно убеждающегося в необходимости вооруженной борьбы за свои права.

Композиция романа, хотя и близка по своей структуре к историческому роману XIX века (введение в повествование действующих лиц в первых главах произведения), но отличается особой стройностью, логической организованностью текста. Автор для полного раскрытия характера персонажей умело вводит в повествование их рассказы о событиях, связанных с их прошлым.

Писатель не обращается непосредственно к документу при воссоздании исторической обстановки, хотя развитие сюжета географически и хронологически конкретизировано. Это объясняется тем, что произведение было автором прежде всего ориентировано на современность. Автор не задавался целью создать документально точную панораму описываемой исторической эпохи. В целом реалистический роман Садри Эртема не лишен некоторых черт натурализма и романтизма⁹. Основное значение произведения Садри Эртема заключается в том, что оно является первым социально-историческим турецким романом, в котором создан собирательный образ крестьянства, реалистически тракуются исторические события, показано становление политического сознания личности.

Повышенный интерес к исторической тематике, наблюдавшийся в конце 50-х годов, позволяет говорить о новом этапе в развитии турецкого исторического романа, связанном с ростом национального самосознания турецкой интеллигенции в условиях обострения идеологической борьбы в стране. Исторический роман 50—70-х годов отразил идейные искания турецкого общества, нашедшие выражение, с одной стороны, в выступлениях за «возрождение» и реализацию, применительно к современности, прогрессивных элементов кемализма, с другой стороны, в идеализации исторического прошлого, трактуемого преимущественно с националистических позиций. В этот период наибольшее распространение получает историко-биографический роман, основным мотивом которого является прославление так называемых сильных личностей прошлого, в частности некоторых султанов, сыгравших определенную роль в истории Османского государства: Тюльбентчи Феридун Ф. «Сыны османов» («Osmanogulları», 1950), «Султан Сулейман Законодатель» («Kanuni sultan Suleyman», 1956), Шакир Зия «Султан Мехмед Завоеватель» («Fatih sultan Mehmed», 1959) и другие. В несколько ином ракурсе рассматривает историческое прошлое крупный турецкий прозаик Кемаль Тахир, который в своем романе «Родина-мать» («Devlet ana», 1967), посвященном периоду образования Османского государства (ко-

⁹ См. подробнее об этом: Л. О. Алькаева. Из истории турецкого романа. 20—50-е годы XX века. М., 1975, стр. 62—70.

пец XIII века), пытается обосновать концепцию «национального социализма», утверждая, что «...Турция может прийти к социально справедливому обществу, опираясь на свои собственные традиции, порожденные особыми условиями ее исторического развития»¹⁰.

Однако ведущей темой исторического романа 50—70-х годов становится национально-освободительная борьба турецкого народа. Большинство произведений этого периода выдержано в традициях критического реализма. Хотя временная дистанция между писателем и темой его произведения не столь велика (около сорока лет), писатель воспринимает изображаемую им действительность как определенный этап в истории его народа, завершившийся в своем развитии. Об этом свидетельствуют национально-исторический колорит романов, выражающийся, в частности, в подчеркнутом внимании к конкретно-бытовым деталям, в архаизации языка и стиля, часто применяемой в речевой характеристике отдельных персонажей, изложении историко-документальных источников и фактов. Описываемая историческая эпоха и современность находятся в романах в сложном взаимоотношении: с одной стороны, сопоставляются по внешнему контрасту период революционных событий и период реакции (в романах, написанных в конце 50-х годов и конце 60-х — начале 70-х годов), с другой стороны, проявляется определенное сходство в политической ситуации 20-х и начала 60-х годов, когда страна вновь оказывается перед необходимостью коренных преобразований. Поэтому большинство исторических произведений этого периода проникнуто стремлением возродить в современных условиях революционный пафос национально-освободительного движения, способный поднять широкие массы на решительную борьбу за свои права.

Романам, затрагивающим тему национально-освободительного движения, присущи следующие признаки исторического романа: показ в историческом плане становления личности, воссоздание обобщенного образа народных масс, стремление разобраться в исторических закономерностях общественного развития, введение в повествование либо упоминание реальных лиц, документальность основы романического сюжета. При наличии общих черт каждый исторический роман отличается своим идейным и художественным уровнем, степенью воплощения принципа историзма, соотношением факта и вымысла, глубиной психологизма, документальностью, уровнем социально-исторического детерминизма.

В последние двадцать лет наблюдается определенная модификация турецкого исторического романа. Так, например, первые произведения Кемаля Тахира о национально-освободительной борьбе — «Люди плененного города» («Esir şehrin insanları», 1956) и «Узник плененного города» («Esir şehrin mahpusu», 1962) — повествуют о судьбе аристократа, вовлеченного в деятельность подпольной организации в Стамбуле. В романах большое место занимает анализ переживаний героя, перипетии его личной жизни, однако основу сюжета составляет жизнь и работа подпольщиков. В следующем романе Кемаля Тахира «Усталый боец» («Yorgun savaşı», 1965) география событий значительно расширена. Действие разворачивается в Стамбуле, поселках, городах Западной Анатолии. Автор затронут широкий круг проблем, связанных с организацией освободительной борьбы, широко используются документальные источники. Введение в роман пространных политических бесед несколько усложняет и затягивает повествование. Аналогичную роль играют и

¹⁰ См.: С. Н. Утургаури. Турецкая проза 60—70-х годов. М., 1982, стр. 43.

излишняя конкретизация и документализм (например, перечисление номеров воинских частей и их командиров, цитирование на нескольких страницах телеграфных сообщений и распоряжений Ататюрка и т. д.).

Наиболее органичное слияние документального и художественного стилей достигнуто в дилогии Самима Коджагеза «Люди в папах» («Kalpaklılar», 1962) и «Во весь опор» («Doludizgin», 1963). В качестве эпиграфов к частям романов автором взяты цитаты из речей Ататюрка. Автор вводит в романы выдержки из газетных статей, отражающих настроения передовой части интеллигенции тех лет, что публицистически заостряет произведение. Описывая ход битвы за Афьон-Карахисар, Самим Коджагез прибегает к документальному стилю: в центре внимания автора — личность Ататюрка, события расписаны по дням и даже по часам. Подчеркнутая хронологизация каждого эпизода воссоздает атмосферу напряженности, акцентируя важность происходящего. В целом же исторические события отображаются через восприятие героев дилогии — крестьян, офицеров, интеллигентов, в непосредственной связи с их личными судьбами, олицетворяющими собой судьбу народную. Публицистичность романов, в основу которых легли воспоминания отца, родственников и земляков писателя, согрета личным отношением автора к описываемым событиям.

Рассмотрение способов введения документа в художественный текст, характерных для современного турецкого исторического романа, наглядно показывает преемственность традиций национальной исторической прозы, восходящих к ее первому просветительскому этапу. Наряду с использованием традиционного цитирования различных по форме и характеру документальных источников, современной исторической прозе в целом присуще творческое отношение к документу, проявляющееся в таких приемах, как вкрапление документа в речь персонажей и автора, стилизация части повествования под документ и стилизация самого документа в соответствии с современными литературными нормами. Современному историческому роману удалось достичь органичности в соединении документа и художественного текста. Его стилистический план полифоничен: литературно-художественное повествование сочетается с публицистическими, философскими, морально-этическими рассуждениями автора.

В конце 60-х — начале 70-х годов в романах о национально-освободительном движении наблюдается критическое переосмысление результатов кемалистской революции, которая по сути дела не изменила положения крестьянства, одержавшего победу над оккупационными войсками Антанты [Эрол Той «Когда земля голодает» («Toprak acikınca», 1968), Талип Апайдын «Они сказали: родина» («Vatan dediler», 1976) и др.]. Появление подобных мотивов в исторических романах было вызвано утратой иллюзий по поводу возможности коренных демократических преобразований в ходе военных переворотов 1960 и 1971 годов. В исторических произведениях этих лет происходит усиление психологизма. Так, во многих главах романа Эрола Тоя «Когда земля голодает» авторская речь почти отсутствует, события передаются через восприятие персонажей. При помощи внутренних монологов раскрывается духовный мир героев, психологически мотивируются их поступки. Особенно широко применяется этот прием в социально-бытовой сюжетной линии. Что же касается описания исторических событий, требующих объективности изображения, то здесь субъективное освещение происходящего оттесняется документально точным авторским повествованием.

Одной из особенностей современного исторического романа является второстепенность роли реальных лиц в образной системе произведе-

ния. Это в какой-то степени объясняется стремлением писателей вывести в качестве главного героя не отдельные исторические личности, а народ в целом, воспринимаемый авторами как творец истории. Такая трактовка проблемы героя и масс опиралась на опыт социального развития Турции, способствовавший осознанию писателями-реалистами роли народных масс в истории. Так, например, Самиму Коджагезу в своей дилогии удалось показать не только общность исторических судеб народа, его единую волю, но и преодолеть безликость в изображении народных масс, столь характерную для турецкой прозы 20-х годов. Выводя на первый план дилогии образ народа, объединившегося против вражеской агрессии, писатель старается определить цели и место каждого класса и социального слоя общества в национально-освободительном движении. Современный исторический роман обогатил турецкую литературу запоминающимися образами крестьян-патриотов, сознательно вступивших на путь борьбы за независимость, — это Салих из дилогии С. Коджагеза «Люди в папах» и «Во весь опор», Кёр Шабан из романа К. Тахира «Усталый боец», Топал Али из романа Э. Тоя «Когда земля голодает» и др.

Сложность художественного воспроизведения обобщенного образа народных масс, своеобразие исторического материала обусловили поиски писателей в области формы, приведшие к появлению произведений большого объема таких, как Х. И. Динамо «Огненные годы» («Ateş yılı», 1968), Эрол Той «Когда земля голодает», и циклов романов, объединенных общими героями, например: Кемаль Тахир «Люди плененного города», «Узник плененного города», «Усталый боец», «Развилка дорог» («Yol ayrımı», 1973).

Восприняв положительный опыт Якуба Кадри в написании многопланового политического романа «Панорама» (1953—1954), Самим Коджагез и Х. И. Динамо воссоздали в своих произведениях масштабную картину национально-освободительного движения. В центре внимания писателей — типические характеры, олицетворяющие общенародную национальную судьбу. Этим произведениям присуща многоплановость, сложная композиция.

Историческая проза расширила жанровый диапазон турецкой литературы, вызвала к жизни произведения нового жанра — эпопеи, причем в двух формах — романа-эпопеи (С. Коджагез «Люди в папах», «Во весь опор») и хроники-эпопеи (Х. И. Динамо «Священное восстание» — «Kutsal isyan», 1966—1967).

Современный турецкий исторический роман, являясь закономерным этапом в развитии национальной прозы, внес значительный вклад в укрепление реалистических традиций и углубление историзма турецкой литературы.

ОНОМАСТИКА

Ф. Г. ХИСАМИТДИНОВА

ЭТНОНИМЫ В ОЙКОНИМИИ БАШКИРИИ XVII—XIX ВЕКОВ

Этнонимы занимают большое место в топонимии любой территории, особенно территории, заселенной кочевыми и полукочевыми в прошлом народами.

В топонимии Башкирии доля этнотопонимов также значительна. Из 4975 официальных названий населенных пунктов Башкирской АССР 262 (более пяти процентов) составляют этноойконимы¹. Многие этнотопонимы бытуют и как неофициальные наименования. Деревня Абдрашитово, например, имеет второе неофициальное название Сарт. Населенные пункты Магадеево и Чалманарат в народе именуют соответственно Дунгаур и Еней; названия эти восходят к родоплеменным этнонимам «тангаур» и «еней». Часть населенных пунктов Башкирии имеет два-три названия, причем одно из них чаще всего бывает связано с этнонимом.

Значительное число этноойконимов в топонимии Башкирии, очевидно, связано с родоплеменным расселением башкир. Это подтверждается тем, что волости, учрежденные после присоединения Башкирии к России, стали именоваться по названиям населявших их родов и племен.

В период господства кочевого быта у башкир, так же как и у многих других народов-номадов, не было постоянных населенных пунктов, существовали лишь определенные места зимнего и летнего расселения племени или рода.

С переходом башкир к полукочевому образу жизни появились постоянные зимние поселения тех или иных родов и племен, ставшие со временем деревнями. За ними закрепились названия родов и племен.

Таким образом, полукочевой образ жизни башкир способствовал сохранению у них пережитков родоплеменного строя, что привело к широкому распространению этнотопонимов, которые представляют собой наиболее информативную часть топонимической лексики, свидетельствуя о расселении, миграции, внешних и внутренних контактах различных родов и племен.

¹ См. справочник: «Башкирская АССР. Административно-территориальное деление». Уфа, 1981.

Этнотопонимия Башкирии исследовалась учеными различных специальностей².

Данная статья посвящается исторической этнотопонимии, в частности особенностям этноойконимии Башкирии XVII—XIX вв. Объектом исследования являлись ойконимы, извлеченные из следующих источников: «Материалы по истории Башкирской АССР» (ч. 1) и «Экономические примечания к генеральному межеванию». Для уточнения и корреляции ойконимов были использованы также данные других письменных источников и материалы топонимической картотеки ИИЯЛ БФ АН СССР. Всего проанализировано нами сто десять этноойконимов.

Письменные источники XVI, XVII и начала XVIII века фиксируют большое число ойконимов, образованных от башкирских этнонимов.

Вся этноойконимия Башкирии XVII—XIX веков подразделяется на две группы: а) названия, образованные от собственно этнонимов, и б) названия, образованные от патронимов.

Первую группу названий составляют ойконимы, восходящие к наименованиям башкирских племен и родов. Это наиболее ранний пласт. Из-за отсутствия письменных источников установить точно время возникновения этноойконимов, так же как и всех топонимов Башкирии в целом, не представляется возможным. Однако, судя по косвенным данным, эти топонимы существовали задолго до исследуемого нами периода. Например, в «Отписке тюменского воеводы князя Л. О. Щербатова голове Туринского острога Ф. О. Янову о враждебных намерениях уфимских и сибирских татар и ногайцев», составленной в 1600 году, упоминается деревня Челчеуцкая (от этнонима «салют/салджиут») Уфимского уезда³. А в «Отписке тюменского воеводы князя Л. О. Щербатова уфимскому воеводе М. А. Нагому о произведенном расследовании, в связи с челобитной башкир Уфимского уезда, Кара-Табынской и Кипчакской волостей, о нападении на них людей Тюменского города», составленной в том же 1600 году, упоминается деревня Телева (от этнонима «тиляу») Кипчакской волости Уфимского уезда⁴.

Указанные документы являются наиболее ранними письменными источниками по башкирской ойконимии. Наиболее ясную картину дают источники, датированные 1628, 1663, 1664, 1675 годами⁵. В них нашли отражение 43 ойконима, из которых 30 образованы от собственно этно-

² Э. Ф. Ишбердин. Этнонимы в топонимии Башкирии. — В кн.: «Ономастика Поволжья», 3, Уфа, 1973, стр. 225—258; Р. З. Шакуров. Этнотопонимы бассейна реки Демы. — В кн.: «Башкирский языковедческий сборник», Уфа, 1975, стр. 116—123; Иж. Г. Киекбаев. Вопросы башкирской топонимики. — В кн.: «Ученые записки Башгоспединститута им. К. А. Тимирязева», вып. 8, серия филологическая, № 2, Уфа, 1956, стр. 230—247; Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. М., 1974; А. А. Камалов. Кыпчакский этнический ареал в топонимии Башкирии. — В кн.: «Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1978—1979 гг.». Тезисы докладов, Уфа, 1980, стр. 69—70; Г. Ф. Саттаров. Татарстан АССР-нын антропотопонимнары. Казан, 1973, стр. 164—170; С. Ф. Миржанова. О древних этноязыковых связях башкир и венгров. — «Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 37—48; Ф. Г. Хисамитдинова. Лексико-семантическая классификация названий населенных пунктов (на материале «Топографии Оренбургской...» П. И. Рычкова и «Экономических примечаний»). — В кн.: «Вопросы топонимики Башкирии», Уфа, 1981, стр. 29—40; М. Г. Усманова. Топонимы юго-восточной Башкирии. — В кн.: «Вопросы топонимики Башкирии», Уфа, 1981, стр. 83—86; Ф. Г. Хисамитдинова. К вопросу о русских топонимах Башкирии. — В кн.: «Вопросы топонимики Башкирии», Уфа, 1981, стр. 78—82.

³ «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 151 (далее — МИБ).

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 123, 191—192.

нимов. Например, ойконимы с основами «кыпчак», «тазлар», «тамьян» упоминаются в источниках в Казанской и Ногайской дорогах⁶. Ойконимы от родоплеменных названий минцев, в том числе от этнонима «мин», зафиксированы в данных о Казанской, Ногайской и Осинской дорогах: Мин, Меркитова, Сарали-Бикметова, Минлина, Минняр⁷.

От этнонимов «байляр», «буляр», «елан», «еней» также образовано по два-три ойконима, локализованы они по Казанской дороге⁸.

Таким образом, ойконимы, образованные от названий башкирских родов и племен, составляют не только самый древний, но и самый обширный пласт этноойконимии Башкирии. Результаты подсчета зафиксированных этнопонимов XVII—XIX веков показывают, что наиболее распространенными являются наименования, образованные от племенных названий: «кыпчак» (7), «тамьян» (6), «мин» (5), «катай» (4) и т. д., причем с обширной географией. Например, по данным «Экономических примечаний» кыпчакская родоплеменная этнонимия отмечается в Мензелинском (Кипчаково), Бирском (Кипчак), Белебеевском (Кипчак-Аскарово, Сарышево), Оренбургском (Чанким-Биктемирово, Сарыш-Аскарово) уездах⁹.

Примечательно, что подсчет современных этнопонимов дает аналогичные результаты. Наиболее распространенными являются названия с основами: «катай» (19), «кыбау» (18), «тамьян», (15), «сарт» (13), «табын» (10), «гайна» (9), «еней» (8), «мин» (8), «таз» (7), «сенрян» (5), «гэрэ» (5), «бишул» (5) и т. д.

Не случайно почти в каждой башкирской волости в XVII—начале XVIII века имелись населенные пункты с соответствующими этнонимическими наименованиями. Например, по Казанской дороге в 1664 году фиксируются: д. Буляр — Булярской волости, д. Илан — Еланской волости, д. Тамьян — Тамьянской в., д. Санырен — Санырянской в., д. Мин — Минской в.; по Ногайской дороге: д. Юрматы — Юрматынской в., д. Мин — Минской в., д. Дуванова — Дуванской в. и т. д.¹⁰

В этноойконимии Башкирии XVII—XIX веков подавляющее большинство названий образовано от племенных наименований. Так, в названиях населенных пунктов, зафиксированных в письменных источниках XVII — начала XVIII века, из 45 этнопонимов 39 восходят к племенной этнонимии.

Преобладание ойконимов, образованных от племенных названий башкир, отмечается и в наименованиях деревень в конце XVIII и первой половине XIX века. Так, в «Экономических примечаниях...» различных уездов Оренбургской и Уфимской губерний нашли отражение 380 этноойконимов¹¹, из них 210 восходят к наименованиям племен. Перечень топонимов показывает, что в названиях населенных пунктов Башкирии XVII—XIX веков отражены этнонимы почти всех башкирских племен, причем от некоторых из них образован целый ряд ойконимов.

В официальных названиях населенных пунктов XVII—XIX веков нам не встретились этнонимы лишь двух племен: «кувакан» и «сырзы». Однако, если принять во внимание, что неофициальным названием деревни Бикбирди является Кувакан, можно считать, что лишь одно наименование небольшого племени «сырзы» не вошло в ойконимию.

⁶ Там же, стр. 191—193.

⁷ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, дд. 1879, 1871, 1881.

⁸ МИБ, ч. I, стр. 191—192.

⁹ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, дд. 1879, 929, 938.

¹⁰ МИБ, ч. I, стр. 191—193.

¹¹ Ф. Г. Хисамитдинова. Лексико-семантическая классификация названий населенных пунктов, стр. 35.

Иная картина наблюдается при анализе этнонимов башкирских родов. В названиях населенных пунктов XVII—XIX веков из 128 родовых названий встречаются наименования лишь пятнадцати родов: «юмран» (Большой Юмралы, Юмраново, Новое Юмраново), «кальсер» (Кальчюрово, Кальчир Бураново), «кесе» (Кичи-Табын), «меркит» (Меркитово) и др.

Из 45 этноойконимов XVII и начала XVIII века только четыре связаны с родовыми названиями. Однако уже в «Экономических примечаниях» ойконимов от родовых наименований зафиксировано гораздо больше (22).

Таким образом, в этноойконимии XVII—начала XVIII и конца XVIII — начала XIX веков наблюдаются существенные различия. Если в топонимии XVII—начала XVIII века родовых названий почти не было, то в конце XVIII — начале XIX века эта группа этнонимов уже начала входить в ойконимию. Это, очевидно, связано с тем, что к моменту перехода к оседлости племенные вотчины башкир еще не успели распасться на родовые. В связи с развитием социально-экономических отношений племенные вотчины распались на родовые лишь к концу XVIII в.¹²

В ойконимии Башкирии XVIII — начала XIX века происходят существенные изменения не только в лексико-семантическом, но и в структурном плане. Если в XVII—начале XVIII века функционировали простые непроеизводные названия, полностью совпадавшие с наименованиями башкирских родов и племен (бурзян — Бурчан, тамьян — Тамьян, тиляу — Телев), то в источниках конца XVIII и начала XIX века появляются названия: а) простые производные, оформленные русскими аффиксами (Таныпово, Минкино, Юрмантино, Кудеевка, Табынск); б) сложные (Новокайпаново, Старобадраково); в) составные (Старый Байлар, Буляр Черемисский, Кыпчак-Аскарово).

Появление таких форм этноойконимов, очевидно, связано, во-первых, с дальнейшим расселением башкирских племен и родов; в названиях вновь возникавших населенных пунктов находят отражение наименования родовых деревень (только с элементами: «яны», «бэлэкэй», «үрге», «түбәнге»), имена предводителей рода или же название отделившегося родового подразделения. Во-вторых, изменение структуры этноойконима связано с тем, что на территории обитания рода или племени появляются представители иных этнических групп. В частности, ойконимы Буляр Черемисский, Татарский Буляр свидетельствуют о том, что в местах расселения башкир-булярцев появились марийские и татарские населенные пункты. К концу XVIII века возникли русские населенные пункты с названиями Монастырские Дуваней, Государственный Дуваней. Ойконимы типа Катайск, Ельдятская, Кудеевка, Табынск образованы от названий башкирских родов и племен, на земле которых был построен тот или иной населенный пункт. Например, с. Табынское основано на земле табынцев, с. Кудеевка — кудейцев, г. Катайск — катайцев. В «Топографии Оренбургской» П. И. Рычкова о крепости Ельдятской написано «звание происходит от башкирской Елдятской волости»¹³.

Таким образом, к концу XVIII века в этноойконимии Башкирии произошли существенные изменения: появились аффиксальные, сложные и составные образования, что объясняется дальнейшим расселе-

¹² Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978, стр. 123.

¹³ П. И. Рычков. Топография Оренбургская. СПб, 1762, стр. 212.

нием, дроблением племен и родов, а также появлением на территории их обитания иных этнических групп.

В конце XVIII века в ойконимии Башкирии возникают названия, восходящие к патронимам. Эта группа ойконимов образована от названий мелких родовых подразделений («ара», «зат», «аймак», «насель»), которые в свою очередь восходят к именам и прозвищам предков. Например, Кузгун-Ахмерово (Кузгун), Атыс Байлар (Атыс) Турна-Дангыр (Турна) и т. д.

Образование ойконимов от патронимов связано с тем, что в XVIII—XIX веках в социально-экономической жизни башкирского общества, особенно в землепользовании, важную роль начинают играть родовые подразделения, а племя и род к этому времени выполняют лишь номинальные функции¹⁴.

Ойконимы от названий родовых подразделений в основном распространены в центральных, южных, юго-восточных и северо-восточных уездах Башкирии. В западной и северо-западной Башкирии ойконимы, образованные от названий родовых подразделений, почти не зафиксированы. Это, вероятно, связано с тем, что родовое подразделение в родоплеменной организации западных и северо-западных башкир не играло существенной роли. По данным исторической этнографии, в западной Башкирии функции родовых подразделений выполняли группы родственных семей или даже отдельные семьи. Там родовое подразделение к XVIII веку распалось и выпало из общей цепи родоплеменной структуры.

Исследование ойконимов, образованных от башкирских этнонимов, позволяет сделать следующие выводы:

1. Вся этноойконимия Башкирии XVII—XIX веков подразделяется на две группы: а) названия, образованные от собственно этнонимов, то есть наименований родов и племен; б) названия, образованные от патронимов (наименований родовых подразделений).

2. Этноойконимы относятся к наиболее раннему пласту ойконимии Башкирии.

3. В этноойконимии Башкирии XVII—XIX веков преобладает племенная этнонимия. Из 46 выделенных Р. Г. Кузеевым племенных наименований башкир 45 нашли отражение в названиях населенных пунктов. В ранней (XVII в.) ойконимии Башкирии родовая этнонимия почти отсутствует, она появляется лишь в конце XVIII века, так как к моменту перехода к оседлости племенные вотчины башкир еще не распались на родовые.

4. Для первого этапа формирования башкирской этноойконимии (XVI—XVII и начало XVIII в.) характерны простые названия, совпадающие с этнонимами. На втором этапе (конец XVIII и начало XIX в.) в структуре этноойконимов происходят существенные изменения: появляются аффиксальные, сложные и составные названия, что связано, во-первых, с дальнейшим расселением башкирских племен и родов, во-вторых, с появлением на территории обитания рода или племени иных этнических групп.

5. Ойконимы, образованные от названий родовых подразделений (патронимов), в ойконимии Башкирии появляются только в конце XVIII и начале XIX века. Эта группа ойконимов большей частью встречается в Восточной Башкирии, тогда как в Западной Башкирии их почти нет, так как к XVIII веку родовые подразделения в Западной Башкирии в основном распались.

¹⁴ Р. Г. Кузеев. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978, стр. 124.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

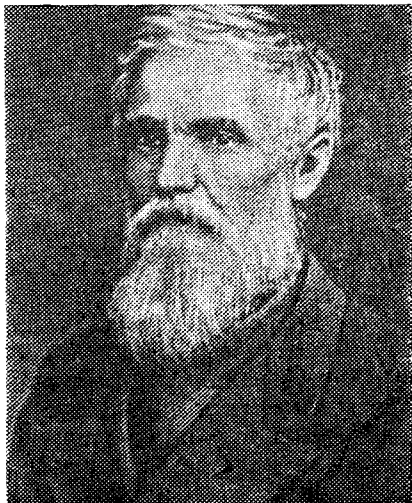
Р. М. ВАЛЕЕВ

Г. С. САБЛУКОВ — ТЮРКОЛОГ

(К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В истории отечественного востоковедения казанская школа тюркологов по праву занимает почетное место. Сформировавшаяся в 30—40-е годы прошлого столетия в Казанском университете, созданная при активном участии представителей многих народов России, она внесла важный вклад в изучение историко-культурного прошлого тюркских народов России и зарубежных стран¹.

Казанская школа тюркологов выдвинула целую плеяду видных ученых различных национальностей — русских, азербайджанцев, татар и др. Среди деятелей «казанского ориентализма» (В. В. Бартольд) следует выделить арабиста и тюрколога Гордия Семеновича Саблукова (1804—1880)².

Н. Г. Чернышевский охарактеризовал своего саратовского учителя восточных языков Г. С. Саблукова как одного из «добросовестнейших тружеников науки и чистейших людей...»³.

Гордий Семенович Саблуков родился в 1804 году в Архангельском или Аскинском заводе Стерлитамакского уезда Оренбургской губернии

¹ См.: Н. Г. Чернышевский. Письма 1838—1876 годов. — «Полное собрание сочинений», Л., 1982; Н. А. Мазитова. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (Первая половина XIX в.). Казань, 1972; М. З. Закиев, Д. Г. Тумашева. Роль Казанского университета в развитии тюркологии. — В кн.: «Проблемы тюркологии и истории востоковедения», Казань, 1964, стр. 9—20; М. З. Закиев. Казанская школа тюркологов и грамматики на татарском языке (конец XIX и начало XX вв.). — В кн.: «Turcologica», Л., 1976, стр. 73—78.

² См.: «Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период», М., 1974, стр. 250—251.

³ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период, т. 14, М., 1949, стр. 71—72; 139; 147—148; Н. Г. Чернышевский. Автобиография. — Там же, т. 1, 1939, стр. 702.

в семье священника. Он получил типичное для его времени и среды образование, обучаясь в Оренбургской семинарии (1820—1826) и в Московской духовной академии (1826—1830)⁴. Специальной востоковедной подготовки он не получил, но многолетнее глубокое самостоятельное изучение восточных языков — тюркских, арабского и персидского, — целеустремленная исследовательская деятельность поставили Г. С. Саблукова в один ряд с выдающимися представителями российского востоковедения XIX века.

В научной биографии тюрколога и арабиста Г. С. Саблукова можно выделить два важных этапа — саратовский (1830—1849) и казанский (1849—1880). В них нашли отражение некоторые общие характерные тенденции развития отечественного востоковедения того времени.

Именно в саратовский период научно-педагогическая деятельность Г. С. Саблукова оформляется, а в Казани получает дальнейшее углубление его интерес к тюркологии и арабистике, основой которого стало текстологическое изучение письменных памятников. При этом Г. С. Саблуков сотрудничал с известными отечественными востоковедами — Х. Д. Френом, А. К. Казем-Беком, И. Н. Березиным, В. В. Григорьевым, Н. И. Ильминским, И. Ф. Готвальдом, с татарскими учеными К. Насыри, М.-Г. Махмудовым и Ш. Марджани.

В 1830 году Г. С. Саблуков был назначен учителем гражданской истории и древнееврейского языка, а 1837 году — татарского языка в татарском классе Саратовской духовной семинарии⁵, где он работал до 1849 года.

Саратовская семинария принадлежала к числу типичных духовных учебных заведений России. Изучение здесь татарского языка преследовало практические миссионерские цели. А. Н. Кононов, говоря о постановке преподавания восточных языков в духовных учебных заведениях, пишет: «Для политико-экономического освоения восточных окраин Российской империи было необходимо их предварительное „идеологическое освоение“ путем привлечения живущих там народов и народностей в лоно православной церкви»⁶.

Архивные материалы показывают, что попытка открыть «кафедру татарского языка» в Саратове была предпринята еще в 1834 году⁷. В 1837 году Правление Московской духовной академии предписало «открыть при Саратовской семинарии класс татарского языка». Кандидату Г. С. Саблукову было поручено «до получения татарских по сему предмету из Казанской семинарии учебных пособий занимать учеников чтением и письмом, показывая им оные на доске»⁸.

Обучение татарскому языку длилось шесть лет. Этот язык не был обязательным для всех воспитанников. В «класс татарского языка» в основном записывались желающие. Среди учеников особенно выделялись Н. Г. Чернышевский и Г. Е. Благосветлов, впоследствии редактор «Русского слова».

Обучение татарскому языку не сводилось к усвоению лишь элементарных правил его грамматики. Например, в период 1838—1840 годов

⁴ Государственный архив Саратовской области, Ф. 12, оп. 1, Д. 1576. «Послужной список учителя Всеобщей истории, Греческого и Татарского языков кандидата Г. Саблукова за 1841/42 учебный год», л. 12, 16. («Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов» ошибочно указывает на то, что Г. С. Саблуков заканчивал обучение в Казанской духовной академии. См.: стр. 250).

⁵ Государственный архив Саратовской области (ГАСО), Ф. 12, оп. 1, Д. 1975, л. 10.

⁶ А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России, стр. 194.

⁷ См.: ГАСО, Ф. 12, оп. 1, Д. 529, л. 1—3.

⁸ См.: ГАСО, Ф. 12, оп. 1, Д. 794, л. 8.

Г. С. Саблуков сформулировал следующие основные положения курса: «Часть 1. Образование языка — обзор частей речи, обзор форм производных слов всех частей речи; Часть 2. Словоизменение — склонение, управление, спряжение; Часть 3. Словосочетание (синтаксис. — Р. В.) — состав предложений, идиомы татарского языка»⁹. Воспитанники «класса татарского языка» пользовались «Грамматикой татарского языка» И. Гиганова, «Краткой татарской грамматикой» А. Троянского, известными учебными пособиями по тюркскому языкознанию А. К. Казем-Бека и «Татарской грамматикой», составленной самим Г. С. Саблуковым в начале 40-х годов. Рукопись этой грамматики, переписанная молодым Н. Г. Чернышевским в 1844 году, сохранилась в Центральном государственном архиве литературы и искусства¹⁰ в фонде писателя.

В «Татарской грамматике» Г. С. Саблукова, состоящей из четырех частей — языкообразование, словоизменение, словосочетание, языкоупотребление¹¹ — подробно анализируется грамматический строй языка.

Впоследствии, находясь уже в Казани, Г. С. Саблуков продолжил разработку пособий по тюркскому языкознанию. Известный тюрколог-лингвист Н. И. Ильминский в письме к востоковеду В. В. Григорьеву (от 18 декабря 1854 г.), делясь новостями о готовившихся тюркских грамматических штудиях, писал: «Саблуков предложил татарский Синтаксис, принявший в основание порядок Бобровникова (А. А. Бобровников — автор «Грамматики монгольско-калмыцкого языка», 1849 г. — Р. В.); этот Синтаксис хотел он перевести также на татарский язык. Вот Вам Казанские работы»¹². К сожалению, «Татарская грамматика» и другие работы Г. С. Саблукова, непосредственно относящиеся к тюркскому языкознанию, не были изданы. Дореволюционный историк Н. Я. Аристов сообщал о печальной судьбе рукописи этой «Грамматики»: «Целых 20 лет он трудился над составлением татарской грамматики, и, когда совсем приготовил ее к печати, случайный пожар, в 1856 г. июня 5-го, уничтожил единственную рукопись — и весь замечательный труд ученого погиб безвозвратно, к величайшему его огорчению»¹³. По свидетельству современника, среди погибших рукописей находились: «Татарская грамматика» (до 60 л.), «Историко-филологическое объяснение татарских слов в русском языке» (до 21 л.), «Татарский словарь А. Троянского с дополнением до 2000 слов книжного и народного языка», «Свод синонимических слов татарского языка»¹⁴. Тематика этих работ, говорит о важности тюркологических исследований Г. С. Саблукова, начатых в Саратове и получивших дальнейшее развитие под благотворным влиянием научных традиций казанской востоковедной школы.

Г. С. Саблуков в процессе преподавания языка привлекал оригинальные тексты, в том числе книгу «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази издания 1825 года, вышедшую в текстологической обработке, с

⁹ См.: ГАСО, Ф. 12, оп. 1, Д. 1279, л. 12.

¹⁰ Подробнее об этом см.: ЦГАЛИ, Ф. 1, оп. 1, Д. 298. «Татарская грамматика учителя Саратовской духовной семинарии Гордея Семеновича Саблукова». См. также: М. Х. Гайнуллин. Н. Г. Чернышевский и его рукописи на татарском языке. — «Известия Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук», вып. 1, Казань, 1955, стр. 93—102; А. А. Сеид-заде. Н. Г. Чернышевский и азербайджанский язык. — «Известия АН Азерб. ССР. Серия общественных наук», 1965, № 6, стр. 74—83.

¹¹ ЦГАЛИ, Ф. 1, оп. 1, Д. 298, л. 51.

¹² Центральный государственный исторический архив СССР, Ф. 853, оп. 2, Д. 187, л. 7.

¹³ См.: Н. Я. Аристов. Афанасий Прокофьевич Шалов. Жизнь и сочинения. СПб., 1883, стр. 20.

¹⁴ См.: П. Знаменский. История Казанской духовной академии. Т. 2, Казань, 1892, стр. 409.

комментарием и именным указателем Ибрагима Хальфина¹⁵. Именно этот источник использовался как основной текст для практических занятий в «классе татарского языка». Начало текстологической работы Г. С. Саблукова над этим историческим источником относится еще к саратовскому периоду его биографии. В 1849 году в газете «Саратовские губернские ведомости»¹⁶ были напечатаны отрывки из «Родословной тюрков» Абу-л-Гази. Эти источниковедческие публикации, возможно, осуществлялись под непосредственным влиянием известного историка Н. И. Костомарова, который с 1848 года находился в ссылке в Саратове и редактировал эту газету. В связи с публикацией первого отрывка из казанского текста «Родословной тюрков» (1825) — «История Золотой Орды до смерти Бирдибека», Н. И. Костомаров выражал благодарность переводчику Г. С. Саблукову и отмечал, что издание русского перевода «будет желанным явлением для отечественной истории»¹⁷.

Текстологическое исследование «Родословной тюрков» Абу-л-Гази, предпринятое Г. С. Саблуковым, свидетельствует о продолжении им тюркологической линии казанской школы востоковедов.

Последние годы деятельности в Казанском университете видного востоковеда И. Н. Березина (1819—1896) были связаны с масштабной источниковедческой публикацией — изданием «Библиотеки восточных историков» (1849—1854). Г. С. Саблуков, увлеченный изучением культурного наследия народов Востока, принял активное участие в этом начинании И. Н. Березина. Такая совместная работа была в русле традиций научного сотрудничества представителей казанской школы.

«Родословная тюрков» (XVII в.) хивинского хана и историка Абу-л-Гази давно получила мировое признание как ценнейший исторический источник. А. Н. Кононов отмечает: «...научное издание, перевод и изучение „Родословной тюрков“ Абу-л-Гази... является безусловной заслугой нашей отечественной тюркологии»¹⁸. Среди русских востоковедов, обратившихся к текстологическому изучению средневекового памятника тюркоязычных народов России, Г. С. Саблукову принадлежит особое место. Основная исследовательская линия казанской школы востоковедов — практическое источниковедение — оказала существенное влияние на деятельность ученого в этой области.

Изданию перевода «Родословной тюрков» Абу-л-Гази предшествовал долгий и упорный труд. Исследование этого памятника и Корана стало главным для Г. С. Саблукова в казанский период его жизни. Введение им в научный обиход «Родословного древа тюрков»¹⁹ явилось важным событием в истории изучения и издания восточных памятников.

В исследованиях советских востоковедов источниковедческая работа Г. С. Саблукова неправомерно ограничивается лишь подготовкой русского перевода на базе оригинального печатного текста казанского издания «Родословной тюрков» Абу-л-Гази (1825). Научное сотрудничество И. Н. Березина и Г. С. Саблукова заключалось в том, что перевод памятника осуществлялся на основе исследования и сопоставления текста казанского издания с рукописью сочинения Абу-л-Гази, приобретенной

¹⁵ См.: Н. А. Мазитова. Изучение Ближнего и Среднего Востока..., стр. 97—112; А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 82.

¹⁶ См.: «Саратовские губернские ведомости», Казань, 1849, № 11, 29.

¹⁷ Там же, 1849, № 11.

¹⁸ А. Н. Кононов. История изучения..., стр. 82.

¹⁹ Русский перевод «Родословной тюрков» Абу-л-Гази был опубликован в нескольких изданиях: в «Библиотеке восточных историков» (1854, т. 3), в «Известиях общества археологии, истории и этнографии» (Казань, 1905, т. 21, вып. 5—6, стр. 1—224; 1906, т. 22, вып. 6, стр. 225—336), отдельной книгой в Казани (1906).

В. И. Далем и доставленной из Азиатского музея при содействии профессора восточного разряда Казанского университета И. Н. Березина. Рукописный текст использовался с учетом рекомендаций последнего, давшего еще в 1850 году обстоятельную характеристику этого списка сочинения Абу-л-Гази²⁰.

Текстологическое исследование «Родословной тюрков» не закончилось подготовкой варианта перевода для «Библиотеки восточных историков». По всей вероятности, Г. С. Саблуков начал подготовку нового оригинального текста сочинения Абу-л-Гази на основе печатного казанского издания и рукописи из Азиатского музея. В одном из писем (декабрь 1854 г.) к востоковеду В. В. Григорьеву Н. И. Ильминский отмечал: «Саблуков, который долго изучал сочинение Абулгази и перевел его, предпринял новое, исправленное издание татарского текста, в надежде (которую... я внушил ему), что вы возьмете у него не менее 200 экземпляров»²¹.

Внимание Г. С. Саблукова к памятникам тюркоязычной литературы объясняется не только его профессиональной увлеченностью. Развитие востоковедных исследований в Казани во второй половине XIX века, в частности тюркологических, шло в основном по линии изучения литературы тюркоязычных народов Востока, что в немалой степени объясняется деятельностью тюрколога-универсала Н. И. Ильминского.

Новый перевод «Родословной тюрков», возможно, по просьбе членов Восточного отделения Русского археологического общества специально готовился к изданию в «Трудах Восточного отделения»²². Характерную оценку работе Г. С. Саблукова по изучению тюркоязычного письменного памятника позднего средневековья дал Н. И. Ильминский в письме (1865) к профессору кафедры истории Востока Санкт-Петербургского университета В. В. Григорьеву: «Гордый Семенович Саблуков принялся за Абулгази, и принялся крепко, пересматривает свой перевод, но чтобы доделать его окончательно, он предварительно составляет таблицы генеалогические, делает хронологию известий, географические и лингвистические. Словом, эта работа весьма кропотливая, и по своей добросовестности он не скоро еще пошлет в общество свой труд, но пошлет его в хорошем и очень ученом виде. Нельзя ли ему доставить Далева манускрипт Абулгази из Академии наук. Мне кажется, Вы могли бы взять из Академии на свое имя и прислать нашим в Университет для передачи мне. В сороковых годах, когда Березин печатал свою библиотеку и Шейбаниаду, Саблуков имел под руками вышеупомянутый манускрипт...»²³. Сохранившиеся архивные рабочие заметки Г. С. Саблукова свидетельствуют о накоплении им обширного опыта исторической критики восточных письменных памятников, об исследовательском характере методики изучения источников.

²⁰ Подробнее об этом см.: И. Березин. Описание турецко-татарских рукописей, хранящихся в библиотеках С.-Петербурга. — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб., 1850, ч. 68, отд. 4, стр. 22—45.

²¹ ЦГИА СССР, Ф. 853, оп. 2, Д. 187, л. 6 (Несколько ранее в письме от 10 октября 1854 года, где излагается намерение обратиться к памятнику староузбекского языка «Бабур-наме» (XVI в.), вновь отмечается: «Абульгази издан весьма неисправно. Саблуков думает снова издать татарский текст Абульгази по манускрипту Даля с удержанием его археографии», см.: там же, л. 9).

²² Основатель Археологического общества и знаток восточной нумизматики П. С. Савельев предполагал опубликовать труд Г. С. Саблукова в одном из томов печатного органа «Восточного отделения» (см.: В. В. Григорьев. Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861, стр. 127).

²³ ЦГИА СССР, Ф. 853, оп. 2, Д. 187, л. 43.

Новый вариант перевода сочинения Абу-л-Гази был закончен в 70-х годах XIX века и отправлен в Восточное отделение. В одном из своих писем арабист В. Р. Розен в 1881 году писал: «Рукопись перевода Абу-л-Гази, сделанного покойным Саблуковым, прислана, как мне сообщил В. Г. Тизенгаузен, и хранится теперь в Археологическ[ом] обществе»²⁴.

Таким образом, в изучении тюркоязычного письменного памятника «Родословная тюрков» особая заслуга принадлежит Г. С. Саблукову. Выполненный им перевод стал достоянием отечественной тюркологии.

В деятельности Казанской школы представляет интерес попытка профессоров И. Ф. Готвальда, Г. С. Саблукова, бакалавра Н. И. Ильминского и преподавателя М.-Г. Махмудова создать специализированное «Восточное общество». В предварительной записке от 5 ноября 1855 года И. Ф. Готвальд, Г. С. Саблуков и Н. И. Ильминский «по взаимном совещании положили следующее: Казань в черте и окрестностях своих заключает множество татар, с их самородным бытом, их мусульманскими улемами, медресями и мечетями; в уездах ея и смежных губерниях обитают инородцы финского племени; казанские купцы и ученые мусульманские состоят в непрерывных сношениях с Бухарией, Самаркандом и другими городами Мавараннегра (Мавераннахр. — Р. В.), и доселе сохраняющего остатки развивавшегося там некогда просвещения. Таким образом, Казань представляет счастливое соединение условий к основательному фактическому изучению татарско-финской филологии, мусульманства и некоторых других предметов, относящихся к Восточной науке»²⁵. Эта объяснительная записка позволяет уяснить особенности ориентации востоковедных исследований и аспекты научных интересов ученых Казани — изучение культурно-исторического прошлого народов востока России.

Основная цель «Восточного общества» определялась как «исследование и раскрытие Востока относительно филологии, правоведения и истории». По замыслу его основателей для достижения этой цели необходимо было решить ряд актуальных научно-исследовательских задач: «...через обнародование подлинных текстов, именно оригинальных сочинений Джагатайского языка, равно народных рассказов, песен, поговорок, загадок и т. п. на языках: татарском, чувашском и других; чрез перевод мусульманских и других книг и статей на русский язык; чрез обработку Словаря и Грамматики татарско-финских языков, и, наконец, чрез самостоятельные исследования на основании преимущественно Восточных данных»²⁶. Важность исследовательских задач, сформулированных членами общества, свидетельствует о ценности научного начинания казанских востоковедов.

Из архивных материалов видно, что состоялось несколько заседаний «Восточного общества»; в одном из них принял участие известный монголовед О. М. Ковалевский²⁷, бывший тогда ректором Казанского университета. На двух заседаниях обсуждался известный труд по татарскому языкознанию М.-Г. Махмудова²⁸. Скупые строки архивных материалов свидетельствуют, что 5 декабря 1855 года «Г. Махмудов читал

²⁴ ЦГА ТАССР, Ф. 968, оп. 1, Д. 38, л. 2.

²⁵ ЦГА ТАССР, Ф. 968, оп. 1, Д. 1, л. 4.

²⁶ Там же, л. 4.

²⁷ Подробнее о нем см.: Г. Ф. Шамоу. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983.

²⁸ М. Махмудов. Практическое руководство по изучению татарского языка, составленное старшим учителем 1-й Казанской гимназии Махмудовым. Казань, 1857.

составленный им учебник Татарского языка, причем члены по местам делали свои замечания». Далее в дневнике заседания «Восточного общества» от 5 января 1856 года говорится: «Прочитано Словосочинение из грамматики татарской, составленной членом Г. Махмудовым, и по местам сделались замечания и поправки»²⁹. Остается отметить, что работа над этим учебным пособием велась в соответствии с практическими рекомендациями Г. С. Саблукова, Н. И. Ильминского и И. Ф. Готвальда.

Исследовательскую работу, намеченную членами «Восточного общества», в дальнейшем продолжили представители казанской школы востоковедов. Известный путешественник Г. Н. Потанин в середине 70-х годов XIX века писал: «В Казани мое внимание было привлечено ея татарским населением. Татарский базар, татарские мечети, татарская типография, кружок ориенталистов — все эти особенности, которые не встречаются в других городах Поволжья»³⁰.

Востоковедное общество казанских ученых претерпело типичную судьбу многих общественных центров исторической науки той эпохи, не получивших соответствующей поддержки. Оно распалось, но тем не менее даже его короткая по времени деятельность стала заметной страницей в истории казанской ориенталистики.

²⁹ ЦГА ТАССР, Ф. 968, оп. 1, Д. 1, л. 2—3.

³⁰ Г. Н. Потанин. От Новочеркасска до Казани. — В кн.: «Первый шаг». Казань, 1876, стр. 331.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Э. А. УМАРОВ

О ГЛАСНЫХ СТАРОУЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА XVII—XIX ВЕКОВ

В нашей ранее опубликованной статье «О гласных староузбекского языка XV века»¹ указывалось на существование в староузбекском языке нижеследующих четырнадцати гласных, различающихся между собой долготой. Это три варианта гласного *a*: долгий *ā*, краткий *ā*, открытый *a*; четыре разновидности губного гласного *u*: индифферентный — *u*, узкий, краткий вариант — *ū*, самый краткий вариант — *ū'*, широкий вариант — *ū*; четыре варианта гласного *i*: индифферентный — *i*; краткий вариант — *ī*, самый долгий вариант — *ij*, широкий вариант — *i^e*; гласный *e* и его краткий вариант — *ē*; гласный *o*.

Исследование гласных «Санглаха» и «Китаб-и лугат-и атракийя» показало наличие долгих и кратких гласных также и в староузбекском языке XVII—XIX вв. Автор словаря «Санглах» Махдихан отмечает существование трех вариантов гласного *a* (долгий *ā*, открытый *a*, краткий *ā*). В отличие от Тали Имани, Махдихан из-за большого объема словаря (около 7000 слов) не ставит при словах специальных терминов. Примерно из 800 слов на букву алиф долгий *ā* встречается в начале более 100 слов. Во всех словах для обозначения долгого *ā* Махдихан над алифом ставит мадду (~) — специальный знак долготы²:

āṣamaq (41v) — *š* с фатхой, означает «кушать», «есть»;

ānga (52r) — местоимение;

āṛmaq (33v) — «быть больным», это слово произносится также *haṛmaq*;

ālaṣuq (49v) — джим персидский (то есть *č*) с заммой — «тот самый белый дом».

Если долгий *ā* встречается в середине или в конце слова, составитель словаря, желая подчеркнуть долготу, употребляет термин *кашида* «долгий»³:

andā (51v) — над пип сукун, *d* с фатхой, алиф долгий;

ṭarāmaq (152v) — *r* с фатхой, алиф долгий, означает «причесывать»;

jāsa (331v) — *j* с фатхой, алиф долгий, означает «наказывать»;

unāmaq (87r) — пип с фатхой, алиф долгий, означает «быть довольным».

Когда в слове употребляется открытый *a*, Махдихан никаких зна-

¹ Э. А. Умаров. О гласных староузбекского языка XV века. — «Советская тюркология», 1983, № 5. Четырнадцатым гласным алфавита является краткий вариант *e*—*ē*. Данный гласный в словаре зафиксирован только единожды: *ēš* (29a) «работа».

² «Sanglah». A Persian Gude to the Turkish Language by Muhammad Mahdi Khan. Facsimile. Цифры в скобках указывают страницу.

³ «Персидско-русский словарь», М., 1960. стр. 401.

ков не ставит, но в начале главы оговаривает, что речь пойдет о словах типа *maʃtuxun*:

abušʁa (27v) — то есть 'муж';

arasidamen (36v) — то есть 'я в середине';

arʁimaq (37r) — над *r* сукун, *ʁ* с касрой, означает 'быстрый конь', 'скакун'.

Особо следует остановиться на кратком *ä*. Тали Имани обозначает краткие звуки специальными терминами, а Махдихан в «Санглахе» их не выделяет. Но некоторые примеры указывают на существование кратких гласных в языке XVII—XVIII веков. Так, в словаре приводятся два варианта одного слова со значением «черный»:

قارا (270v) — имеет шесть значений, первое — «черный».

Как видно из данного примера, если в слове употреблен обыкновенный, открытый *a*, то Махдихан пишет это слово с алифом (*قارا*), если краткий *ä*, — без алифа (*قرا*).

Материалы «Санглаха» указывают на существование трех вариантов *i*: индифферентный *i*, краткий *ĭ*, долгий — *i—ij*.

Фонему *i* Махдихан отмечает пометой касры: *ājdin* (57r) — над *j* и над *nin* сукун, *d* с касрой, означает «луна».

Краткий вариант фонемы *i* — *ĭ* определяется термином *ба ишба касра*⁴. Этот гласный встречается в следующих словах:

bilmak (148r) — *i* узкий, краткий, означает «знать»;

bil (149v) — ...*i* узкий, краткий, повелительное наклонение от *donistan* 'знать';

čizmak (218v) — *i* узкий, краткий, над *z* сукун, по-турецки означает «зачеркивать».

Материалы «Санглаха» указывают на существование в староузбекском языке XVIII века еще одного гласного — *ij*. К сожалению, данный гласный в словаре не имеет специальной пометы. Махдихан при описании слова *قین* (299v) отмечает два его значения: первое — «мучение», второе — «ножны». Данные словаря «Бадаи-ал-лугат» и современные материалы узбекского языка показывают, что указанное слово в значениях «мучение», «страдание» должно транслитерироваться как *qijīn*, а в значении «ножны» — как *qin*. Таким образом, исходя из графики этого слова в тексте, его следует транслитерировать как *qin* 'ножны', следовательно, второе значение выражения *sikanʁa va azob* ('мучение и страдание') требует иного графического оформления.

Махдихан в своем словаре указывает на существование в языке XVII—XVIII веков двух видов губного гласного *u*. Гласный *u* он отмечает заммой: *učiš* (65v) — джим персидский (*č*) с заммой, над *š* сукун, означает «летать». Узкий, краткий вариант заммы — *u* обозначается термином *ба ишба замма*. Данный гласный, по утверждению составителя словаря, встречается в следующих словах: *ülku* (36r) — *u* узкий, краткий, каф персидский с заммой имеет два значения, первое — «мера», второе — «созвездие Весов».

Слабой стороной данного словаря является то, что Махдихан, к сожалению, непоследовательно различает обозначениями гласные *e* и *o*. Лишь в нескольких местах он сопровождает эти гласные пометой *била ишба*⁵. Приведем два примера:

ایت (93v) — с полуузким гласным (*et*) означает «мясо» и с узким гласным (*it*) означает «собака»;

⁴ Термин *ишба* указывает на краткое произношение гласного.

⁵ Термин *била ишба* означает широкий вариант гласного, полуузкий гласный.

کول (308v) — с узким вариантом гласного *u* (*kul*) означает «зола», с полуузким гласным *o* (*kol*) означает «озеро».

Таким образом, по материалам «Санглаха» в староузбекском языке XVII—XVIII веков можно выделить следующие гласные, различающиеся по долготе и краткости:

- 1) алиф с маддой — долгий *ā*,
- 2) алиф с пометой мафтуха — открытый *a*,
- 3) краткий *ā*,
- 4) бил каср — *i*,
- 5) ба ишба касра — узкий, краткий вариант фонемы *i* — *ī*,
- 6) долгий гласный — *ij*,
- 7) ба замма — *u*,
- 8) ба ишба замма — узкий, краткий вариант ба заммы *u* — *ū*,
- 9) била ишба (при описании *u*) — *o*,
- 10) била ишба (при описании *i*) — *e*.

Фатх Алихан в «Китаб-и лугат-и атракийя»⁶ также указывает на существование в староузбекском языке XIX века трех вариантов гласного *a*: алифи мамдуда 'долгий *a*', алифи мафтуха 'открытый *a*' и краткий *a*. Составитель словаря отмечает в староузбекском языке много слов с долгим *a*. Если долгий *a* встречается в начале слова, то над алифом ставится помета *мадда* — знак долготы, и эти слова даются в главе алифи мамдуда. Приведем ряд примеров с долгим *a*:

āz (23a) — *z* с точкой, означает «немного»;

ārī (23a) — *r* с касрой, означает «пчела»;

āl̄tav (27a) — с *t*, означает «шесть»;

āldav (27a) — означает «обман».

Если долгий *a* стоит в середине слова, составитель словаря ставит помету *кашида* 'долгий'. В словаре встречается много слов с долгим *a* в середине или в конце слова. Примеры:

īna (376) — в начале касра, потом *n*, алиф долгий, означает «пиала»;

ortā (376) — в начале полуузкий гласный *o*, над *r* и *t* сукун, алиф долгий, это повелительная форма «гори» от *suzandan* 'зажигать';

uśār (41a) — в начале замма, джим персидский (то есть *č*), алиф долгий, в конце *r*, означает «базар».

Гласный обычной долготы отмечается пометой фатха:

jaḡa (3576) — *j* с фатхой означает «рана»;

jaṇa (3746) — *p* с фатхой, означает «еще».

Краткие *ā* Фатх Алихан дает в главе алифи мақсура. В следующем ниже слове второй гласный является кратким *ā*: *adāš* (33a) — над *š* сукун, значение «тезка».

Об употреблении краткого *ā* в середине или в конце слова можно узнать только из его графического написания. Если в слове *a* является открытым, обычным, Фатх Алихан данное слово пишет с алифом چاناو : (چناق), если употреблен краткий *ā*, алиф не пишет چاناو (چناق) (187a) — оба джим персидские, оба *p*, значение — «чаша».

Составитель словаря утверждает существование двух видов губного гласного *u*. Индифферентный *u* он отмечает пометой замма:

buta (1156) — *b* с заммой, *t* с фатхой, означает «сын», «дитя».

Краткий вариант данного гласного отмечается пометой *вави мажхул* 'неизвестный вав':

qūtqaring (286a) — в начале замма с *вави мажхул* над *t*, *j*, *i*, каф персидский с сукуном, означает «спасайте»;

⁶ А. А. Ромаскевич. Новый чагатайско-персидский словарь. — В сб.: «Мир-Али-Шир». Л., 1928, стр. 83—99.

tül (1646) — *t* с заммой, вав маджхул — «женщина без мужа».

В «Китаб-и лугат-и атракийя» гласный *o* дается с пометой фатх — «открытие»⁷:

toq (1636) — *t* с полуузким гласным (*o*), означает «сытый», антонимом которого является «голодный».

Долгий вариант гласного *o* Фатх Алихан отмечает пометой *вави маълум* «известный вав»:

qōzʔalan (2876) — в начале полуузкий *o*, вав известный, *z* с точкой, означает «революция»;

qōrtaq (285a) — в начале полуузкий *o*, вав известный, *ʔ* персидский с сукуном, означает «вскакивать».

Гласный *i* существовал в языке XIX века в двух вариантах. Индифферентный *i* Фатх Алихан отмечает пометой *ба каср*:

tilamak (180a) — *t* с касрой, означает «хотеть» и «требовать».

Долгий вариант гласного *i* — *ij* отмечает пометой *ба каср аввал*:

qijdi (299a) — в начале *ij*, *d* без точки с касрой, означает «сожаление», «жалость»;

qijnāldim (2976) — в начале *ij*, потом *n*, алиф долгий, еще *l*, означает «угнетение» и «подвергаться пытке».

Гласный *e* Фатх Алихан, как и Тали Имани, следуя персидской лексикографической традиции, передает через термин фатх «открытие». Данная фонема встречается в сопоставительном описании полуузких и узких гласных:

تيل (174a) с касрой, (tīl) означает «язык» и еще с полуузким гласным (tel) означает «перышко птицы».

Итак, автор словаря «Китаб-и лугат-и атракийя» Фатх Алихан указывает на существование в староузбекском языке XIX века следующих гласных:

- 1) алиф с маддой — долгий *a*,
- 2) алиф с пометой мафтуха — открытый *a*,
- 3) краткий *ā*,
- 4) ба каср — *i*,
- 5) долгий *i* — *ij*,
- 6) ба замма — *u*,
- 7) вави мажхул — краткий вариант *u* — *ū*,
- 8) фатх при описании заммы — *o*,
- 9) вави маълум — долгий вариант *o* — *ō*,
- 10) фатх при описании касры — *e*.

Таким образом, исследование вокализма произведений «Бадаил-ал-лугат», «Санглах», «Китаб-и лугат-и атракийя» позволяет сделать следующие выводы:

- а) в XV веке существовало 14 гласных;
- б) в XVII—XVIII веках было уже 10 гласных;
- в) в XIX веке сохранялось 10 гласных;
- г) эти гласные различались между собой по долготе, что послужило основной причиной укоренения системы стихосложения *аруз* в староузбекском языке;
- д) данные о вокализме рассмотренных словарей представляют достоверный материал для транслитерации письменных памятников указанного периода;
- е) материалы о вокализме играют важную роль в научной периодизации староузбекского языка XV—XIX веков.

⁷ «Персидско-русский словарь», стр. 363.

Ж. М. ГУЗЕЕВ

ТЮРКСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ И ЕЕ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА*

Если основные значения наиболее употребительных слов могут совпадать в различных родственных, а порою и в неродственных языках, то одно и то же понятие в разных языках обычно выражается присущей только данному языку фразеологической единицей (ФЕ). Это свидетельствует о том, что во фразеологии «...проявляются дух и своеобразие каждой нации. Она неповторима» [2, стр. 7].

За последние два десятилетия в изучении тюркской фразеологии достигнуты определенные успехи. В то же время ряд ее вопросов все еще остается не выясненным и прежде всего вопрос относительно семантического объема фразеологической единицы.

Некоторые исследователи расширяют границы фразеологии, то есть рассматривая ее в широком смысле слова, включают в нее не только словосочетания, пословицы и поговорки, но и парно-повторные и даже обычные слова; другие, наоборот, сужают эти границы, полагая, что объектом фразеологии являются только фразеологические сращения.

Приведем некоторые слова, зарегистрированные в качестве фразеологических единиц в «Кумыкско-русском словаре» (КумРС), «Киргизско-русском словаре» (КирРС), «Казахско-русском словаре» (КазРС), «Толковом словаре узбекского языка» (ТСУЯ), «Толковом словаре каракалпакского языка» (ТСККЯ) и в некоторых других словарях:

кумык.	<i>болду!</i> 'кончено!; решено!' <i>акълар</i> 'белогвардейцы';
кирг.	<i>бол!</i> 'живо!'; <i>жогол!</i> 'убирайся вон!';
каз.	<i>сажадай</i> 'отборный', <i>қарашығым</i> 'мой милый';
узб.	<i>бировлар</i> 'некоторые люди', <i>адресига</i> 'в адрес';
ккалп.	<i>жаланбас</i> 'без головного убора' и т. д.

Рассмотрение отдельных слов в качестве фразеологических единиц противоречит самому существу понятия фразеологии, ибо фразеологическая единица должна состоять не менее, чем из двух компонентов.

* В основу данной и трех последующих статей настоящей рубрики положены тексты докладов их авторов (А. С. Садыкова, Т. М. Гарипова и З. Г. Ураксина, Я. Р. Дашкевича) на X пленарном заседании Советского комитета тюркологов, состоявшемся 9—10 октября 1984 года в Чебоксарах.

С. К. Кенесбаев [9], З. К. Жарашуева [6, стр. 5—6, 10, 23], С. Т. Наурузбаева [11, стр. 43, 70—71] и ряд других авторов относят к фразеологии парные слова. Некоторые парные слова имеют метафорическое значение, ср.:

- кбалк. *жаным-тиним* 'самое дорогое для меня' (досл.: 'душа — плоть моя');
кирг. *алдым-жуттум* 'хапуга, мошенник' (досл.: 'взял — проглотил') и др.

Однако подобные языковые единицы следует рассматривать не как фразеологические единицы, а как составные слова, компоненты которых семантически и интонационно неотделимы друг от друга, а в грамматическом отношении — однородны, то есть имеют одинаковое грамматическое оформление и, следовательно, уже превратились как бы в единое слово [14, стр. 16—17].

Многие парные слова могут выступать в качестве компонентов фразеологических единиц, например:

- башк. *ул-был булмас борон* 'пока ничего не случилось';
кирг. *жан-дили менен* 'всеми фибрами души' и др.

Нельзя относить к фразеологии также морфологизированные повторы типа узб. *кундан-кун(га)* 'изо дня в день', как это делается в ТСУЯ, ибо подобные языковые сочетания, кроме регулярной воспроизводимости, не имеют ничего общего с фразеологической единицей.

Иносказательное содержание пословицы сближает ее с фразеологической единицей, однако по характеру выражаемого ими смысла они не совпадают: пословица выражает суждение, а фразеологическая единица — понятие. Пословица, в отличие от фразеологической единицы, не обладает семантической целостностью; выражаемое ею значение построено на прямом смысловом содержании составляющих слов, то есть образование ее не сопровождается их переосмыслением. К тому же одна и та же пословица может употребляться и в прямом и в переносном значении, тогда как фразеологическая единица не имеет такой особенности [7, стр. 7—8].

Пословицы и поговорки могут служить материалом фразеологии. Для превращения пословицы во фразеологическую единицу должны быть опущены ее отдельные слова или же сама она разложена на составные части, ср.:

- кбалк. *сёз бердинг эсенг, сёзюнге табыл* 'дав слово, держись' (посл.) — *сёз бер-* 'дать слово' и *сёзюнге табыл-* 'сдержать (свое) слово' (ФЕ);
тат. *кем арбасына утырсаң, шуның жырын жырларсың* 'на чью телегу сядешь, того и песню затянешь' (посл.) — *жырын жырлау* 'плясать под чью-то дудку' (ФЕ) и т. д.

В отличие от пословиц, поговорки обладают смысловым единством. Поэтому, по сравнению с пословицами, они ближе к фразеологическим единицам и проще преобразуются в них. Для этого в большинстве случаев достаточно изменить форму одного из компонентов поговорки или добавить к ней слово (слова), ср.:

- кбалк. *ёлмеген айыуну терисин юлешгенлей* (досл.: 'подобно тому, как делят шкуру неубитого медведя') — пог.;
ёлмеген айыуну терисин юлешуу 'делить шкуру неубитого медведя' (ФЕ);

тат. *миннан киткәнче, иясенә житкәнче* 'лишь бы с рук сбыть' (досл.: 'пока от меня уйдет, до хозяина дойдет') — пог.; *миннан киткәнче, иясенә житкәнче генә эшләу* 'работать кое-как, халтурить' (ФЕ) и др.

В ряде толковых словарей (например, в ТСУЯ) аналитические глаголы из-за смешения их с глагольными фразеологическими единицами квалифицируются как фразеологизмы: *кор қилмоқ* 'действовать, оказать действие, влиять', *иншо қилмоқ* 'воздвигать, сооружать; творить' и др.

Сходство глагольной фразеологической единицы с аналитическим глаголом чисто внешнее — оба могут быть эквивалентом слова и быть сказуемым в предложении, ср.:

кбалк. *салам бер-* — *саламлаш* 'здороваться';

каз. *сурақ берді* — *сурады* 'спрашивать'.

Однако в семантическом отношении они различны. В отличие от глагольной фразеологической единицы аналитический глагол, помимо номинативного, имеет экспрессивное значение.

Из всех типов аналитических глаголов к сфере фразеологии можно отнести: 1) образования, именной компонент которых имеет фразеологически связанное значение, например:

кбалк. *тин-тер басды* 'сильно вспотеть';

тат. *иге-чиге булмау* 'не иметь конца и края' и др.;

2) аналитические глаголы, первый компонент которых употребляется в переносном значении, например:

кбалк. *ит болду* 'поступить скверно' (досл.: 'стать собакой');

тат. *эт булу* 'сильно устать, изнуриться' и др.

Из составных терминов к фразеологии примыкают лишь фразеологизированные сочетания, например:

кбалк. *сууну энишге барыу* 'плыть по течению', то есть подчиняться в своем поведении сложившимся обстоятельствам, не пытаясь изменить их;

тат. *роль уйнамоқ* 'играть роль', то есть иметь влияние, значение и др.

Термины-словосочетания, употребляясь в переносном смысле, развивают новое — фразеологическое значение. При этом внутри словосочетания происходит процесс своеобразного семантического переразложения, когда «смысл отдельного слова в той или иной степени бледнеет, убывает до полного исчезновения, смысл же словосочетания как целого при этом выигрывает, приобретая новые семантические качества» [1, стр. 9].

В процессе фразеологизации компоненты свободного словосочетания утрачивают не только собственные значения, но и назывную по отношению к предмету функцию. Фразеологическая единица формируется вне связи с актом называния познаваемого предмета, на базе уже готовых знаковых единиц, «она возникает как единица... неноминативная» [12, стр. 166].

Многие из основных признаков фразеологической единицы, такие, например, как семантическая целостность, образность значения, невозможность буквального перевода на другие языки, устойчивость — справедливо оспариваются некоторыми исследователями.

Поскольку «словосочетание... несет ту же номинативную функцию, что и слово» [5, стр. 8], многим свободным словосочетаниям, как и словам, свойственно единство смыслового содержания. Поэтому семанти-

ческая целостность не может быть критерием отграничения фразеологического сочетания от свободного.

Образность значения свойственна большинству фразеологических единиц. Но аналогичные функции могут выполнять и отдельные слова. Следовательно, образность нельзя считать основным признаком фразеологической единицы.

Нельзя считать отличительным признаком фразеологических единиц и невозможность их буквального перевода на другие языки. Этот признак имеется и у отдельных слов, особенно слов с переносным значением.

Устойчивость, без которой не может быть фразеологической единицы, тоже недостаточный признак для того, чтобы безоговорочно считать то или иное словосочетание фразеологическим [8, стр. 70].

Устойчивость фразеологической единицы определяется исследователями по-разному. Большинство понимает ее либо как предсказуемость компонентов, либо как их воспроизводимость, одним словом — стабильность употребления.

Предсказуемость компонентов означает, что один элемент фразеологической единицы предполагает одновременное появление и остальных ее элементов. Так, в карачаево-балкарском выражении *тюнкем* (-нз, -си) *юзюлдю* 'изнемогать, ослабевать' слово *тюнке* предсказывает обязательное появление следующего слова — *юзюлдю*.

Однако и предсказуемость вряд ли можно считать основным признаком фразеологичности сочетания, поскольку она характерна и для многих пословиц и поговорок. Ср., например:

- кбалк. *жети ёнчеле да бир кес* 'семь раз отмерь, один раз отрежь';
узб. *қизим, сенга айтаман, келиним, сен эшит* 'тебе, дочка, говорю, а ты, невестка, слушай'.

Мы разделяем точку зрения В. М. Мокиенко, который понимает под устойчивостью фразеологической единицы «...относительно стабильное употребление сочетания слов» [10, стр. 7].

В толковых словарях тюркских языков часто сочетания с фразеологически связанными значениями слов регистрируются как фразеологические единицы, например:

- туркм. *дили бай* 'богатый язык', *гуры сөз* 'пустое слово';
узб. *олтин одам* 'золотой человек', *қора металл* 'черные металлы' и т. д.

Отсюда следует, что за основной признак фразеологической единицы принимается наличие в словосочетаниях слов с переносным значением. Это приводит к игнорированию способности слов выступать наряду с прямым и в переносном значении. Хотя устойчивые сочетания со словами, употребленными в переносном значении, отличаются от свободных словосочетаний некоторой связанностью, однако они не образуют лексически целостное неделимое выражение, то есть не обладают идиоматичностью. Отличие сочетаний с фразеологически связанными значениями от фразеологических единиц в том, что в них в переносном значении выступает обычно один из компонентов, тогда как значения фразеологических единиц переносны в целом. Поэтому сочетания с фразеологически связанными значениями не могут быть фразеологическими единицами.

Можно согласиться со специалистами, относящими к сфере фразеологии лексически неделимые устойчивые сочетания с цельным значением, ставшие языковыми штампами-сравнениями, типа:

кбалк. *ит бла киштик кибик* 'как собака с кошкой';
 башк. *урта бармак кеуек*, [досл.: 'как средний палец (о красивом и стройном человеке)'] и др.

Однако наряду с такими оборотами в некоторые словари включаются и сочетания-сравнения типа:

азерб. *дирэк кими* 'высокий' (досл.: 'как столб'),
јун кими 'мягкий' (досл.: 'как шерсть');
 башк. *үгез кеуек* 'упрямый' (досл.: 'как вол'), *шәм кеуек* 'стройный' (досл.: 'как свеча') и др.

Вряд ли можно оправдать отнесение подобных оборотов к фразеологии, так как в них нет метафоричности и цельности значения, присущих сравнительным конструкциям, приведенным выше. К тому же второй компонент этих оборотов при сохранении своего исходного лексического значения может свободно сочетаться с любым именем.

На том основании, что главным признаком фразеологичности словосочетаний считается их эквивалентность словам, многие исследователи относят к фразеологическим единицам все лексикализованные сочетания. Однако это мнение, видимо, нуждается в пересмотре. Например, значение лексикализованных словосочетаний типа: кбалк. *акъ къайын* 'белая береза', *доклад эт-* 'делать доклад' и т. п. выводится из значений слов-компонентов, поэтому их нельзя рассматривать как сочетания, отличные от свободных.

Фразеологизация во многих случаях сопровождается лексикализацией, а лексикализованные словосочетания так же, как и фразеологические единицы, характеризуются устойчивостью, поэтому процесс лексикализации часто смешивается с фразеологизацией. Таким образом, тот факт, что лексикализоваться могут как свободные словосочетания, так и несвободные (фразеологические единицы), свидетельствует о том, что лексикализация словосочетаний не является основным и специфическим признаком фразеологичности. В то же время появление фразеологичности очень часто приводит к лексикализации словосочетаний, однако далеко не всегда. Таким образом, фразеологические единицы не всегда равноценны словам, они могут быть эквивалентами также свободных словосочетаний и предложений. Необходимо также отличать фразеологическую устойчивость (устойчивость, вызванную фразеологизацией) от лексической устойчивости (устойчивости, вызванной лексикализацией).

Из сказанного следует, что большинство устойчивых словосочетаний по своей семантической структуре представляют собой обычные сочетания (причиной их устойчивости являются лексикализация, ограниченная сочетаемость слов), которые, кроме устойчивости, не имеют ничего общего с фразеологическими единицами. Из подобных устойчивых сочетаний только лексически неделимые являются фразеологическими единицами. Лексическая неделимость в большинстве случаев возникает в результате переосмысления сочетаний слов или наличия в их составе слов, по-другому в языке не употребляемых.

Нет сомнения, что повышение качества лексикографической разработки фразеологии повышает общий уровень любого словаря [3, стр. 25]. Однако разработка фразеологии в словарях тюркских языков оставляет желать лучшего.

Среди лексикографов отсутствует единая точка зрения по вопросу размещения фразеологических единиц в словаре. Большинство составителей размещает их в конце словарной статьи, за знаком ромба. Получается, что каждая фразеологическая единица приводится в словаре столько раз, сколько слов в ее составе. Однако дублирование сотен, а

часто и тысяч фразеологизмов представляется совершенно «недопустимой роскошью» [4, стр. 165].

Преобладающим среди специалистов является мнение о том, что фразеологическая единица должна приводиться под ее опорным словом. В лексикографической практике применяется несколько основных критериев выделения опорного слова фразеологической единицы: синтаксический, семантический и частотность данного слова. Однако ни один из них «сам по себе не является достаточно эффективным для того, чтобы его можно было признать ведущим», потому что сами лексикографы очень часто исходят из разных принципов выделения опорного слова и «либо приводят одно и то же словосочетание дважды или даже трижды, либо совершенно однотипные словосочетания приводят под разными разрядами слов...» [4, стр. 164—165], в результате чего опорное слово выявляется «неизвестным образом, исходя из субъективных соображений» [15, стр. 202].

Учитывая это, вслед за А. А. Юлдашевым [15, стр. 223], А. Турабаевым [13, стр. 190] и другими исследователями мы считаем целесообразным давать фразеологическую единицу в словарной статье их первого компонента строго в алфавитном порядке, который, кстати, соблюдается лишь в некоторых словарях.

Как и словам-синонимам, синонимическим фразеологическим единицам в словарях отводятся самостоятельные статьи. Некоторые исследователи (например, А. Турабаев) фразеологические синонимы предлагают давать в одной словарной статье [13, стр. 191]. Однако это противоречит представлению о лексических и фразеологических синонимах как самостоятельных словарных единицах.

Другое дело — варианты фразеологических единиц, которые следует расценивать как одну фразеологическую единицу, ибо они не нарушают ее тождества. Однако многие фразеологические синонимы в ряде словарей неверно расцениваются как варианты фразеологической единицы, ср.:

каз. *бой тасалады (жасырды)* 'избегать встречи (с кем-либо), прятаться';

узб. *гап тўқимоқ (или уйдирмоқ)* 'выдумывать, сочинять (ложь, небылицу)';

тат. *гомернең таңы (язы)* 'заря жизни' и др.

Фразеологическая омонимия совершенно не изучена. В связи с этим фразеологические единицы — омонимы в словарях тюркских языков, приводятся как значения одного и того же выражения, ср.:

кирг. *ооз ачуу* — 1) 'заговорить, начинать говорить';
2) 'отведывать пищу перед ужином во время мусульманского поста';

туркм. *аяга галмак* — 1) 'восставать, взбунтоваться';
2) 'выздоровливать, поправляться';

каз. *қол алды* — 1) 'здороваться'; 2) 'клясться, давать клятву'.

Неумение выявить компонентный состав фразеологических единиц приводит к ошибочному признанию одной из них за две и более самостоятельные единицы. Например, в «Толковом словаре казахского языка» фразеологическая единица *бойына (жүрегіне) ас (тағам) батпады* 'не иметь аппетита' приведена в трех вариантах: *ас (бойына, жүрегіне) батпады* — *бойға ас батпады* — *жүрекке (жүрегіне) ас батпады*.

Сравнение одних и тех же фразеологических единиц в разных словарях одного и того же языка показывает, что их компонентный состав не всегда устанавливается одинаково. Ср., например: *кун(и) туғди* (ТСУЯ) и *унинг қуни туғди* (УРС) — 'счастье улыбнулось'; *ағзы билен ғуш алмак* (ТРС) и *ағзы билен ак ғуш алмак* (СТЯ) — 'быть ловким и проворным'. Слова *унинг* 'его (ее)', *ак* 'белый' не входят в их лексический состав.

Общим недостатком как толковых, так и фразеологических словарей тюркских языков в разработке фразеологии является отсутствие грамматической и стилистической характеристик фразеологических единиц. Между тем и толковый, и фразеологический словари того или иного языка должны быть нормативными, ибо «содействие пониманию смысла слов и идиоматических речевых оборотов — это отнюдь не все, что ожидается от словаря живого языка. Способствовать употреблению их в речи с наибольшим эффектом — не менее важная, вторая его задача» [3, стр. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. А. М. Бабкин. Русская фразеология, ее развитие и источники. М., 1970.
2. А. М. Бабкин. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре. — В сб.: «Современная русская лексикография». Л., 1979.
3. А. М. Бабкин. Идиоматика и грамматика в словаре. — В сб.: «Современная русская лексикография». Л., 1981.
4. В. П. Берков. Вопросы двуязычной лексикографии. Л., 1973.
5. В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947.
6. З. К. Жарашуева. Материалы по карачаево-балкарской фразеологии. Нальчик, 1968.
7. В. П. Жуков. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1964.
8. Е. А. Иванникова. Об основном признаке фразеологических единиц. — В кн.: «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы». М.—Л., 1964.
9. С. К. Кенесбаев. Устойчивые сочетания слов казахского языка (парные слова идиомы и фразы). Автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1944.
10. В. М. Мокиенко. Славянская фразеология. М., 1980.
11. С. Т. Наурузбаева. Фразеологические единицы в «Қарақалпақско-руссом сөздер». Ташкент, 1972.
12. Е. Н. Толкина. О системном соотношении терминологического сочетания и фразеологической единицы. — В кн.: «Проблемы фразеологии. Исследования и материалы». М.—Л., 1964.
13. А. Турабаев. О составлении фразеологического словаря каракалпакского языка. — В сб.: «Вопросы каракалпакского языкознания». Нукус, 1983.
14. З. Г. Уракин. Фразеология башкирского языка. М., 1975.
15. А. А. Юлдашев. Принципы составления тюрко-русских словарей. М., 1972.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Каз РС	— «Казахско-русский словарь». Алматы, 1954.
Кир РС	— «Киргизско-русский словарь». М., 1965.
Кум РС	— «Кумыкско-русский словарь». М., 1960.
ТСККА	— «Қарақалпақ тилинің түсіндірме сөзлігі» («Толковый словарь каракалпакского языка»). Нукус, 1982, т. I. А—В.
ТРС	— «Туркменско-русский словарь». М., 1968.
СТЯ	— «Түркмен дилинің сөзлігі» («Словарь туркменского языка»). Ашгабат, 1962.
УРС	— «Узбекско-русский словарь». М., 1959.
ТСУЯ	— «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» («Толковый словарь узбекского языка»), тт. I, II. М., 1981.

А. С. САДЫКОВ

СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО КИРГИЗСКОМУ ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРЕ И ФОЛЬКЛОРУ

Киргизское литературоведение сравнительно молодо. Оно возникло и сформировалось только в годы Советской власти вместе с рождением и развитием киргизской письменной художественной литературы. В 1935 году был организован Институт языка и письменности, впоследствии преобразованный в Институт языка и литературы Академии наук Киргизской ССР, вот уже полвека являющийся центром научных исследований в области филологии. В своем развитии киргизское литературоведение опиралось прежде всего на дореволюционные исследования по национальному фольклору, особенно эпосу «Манас». В. В. Радлов пятый том своего капитального труда «Образцы народной литературы севернотюркских племен» (1885) посвятил эпосу «Манас», предпослав ему обширное предисловие. Казахский ученый Ч. Валиханов, венгерский исследователь Г. Алмаши записали каждый по одному эпизоду из «Манаса», который был ими охарактеризован как энциклопедия народной жизни киргизов. Систематическое изучение этого уникального памятника народного творчества началось после Великой Октябрьской социалистической революции. Первые работы о «Манасе» были написаны П. Фалевым, Е. Д. Поливановым, М. О. Ауэзовым, К. Рахматуллиным, В. Жирмунским.

В настоящее время в Институте языка и литературы ведется большая работа по подготовке к изданию текстов «Манаса», одновременно продолжается их углубленное изучение. Вышли из печати четыре тома пятитомника по варианту Сагымбая Орозбакова, первый том по варианту Саякбая Каралаева. Вышел в свет также первый том четырехтомного издания «Манаса» с параллельными киргизским и русским текстами в серии «Эпос народов СССР», подготовленный совместно с Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Издание полного текста «Манаса» составило бы несколько десятков томов. Поэтому было решено московское издание, предназначенное для широкого всесоюзного читателя, ограничить четырьмя томами, посвященными истории главного героя эпопеи Манаса: его рождению, мужанию и подвигам.

Сейчас началась подготовка текстов для поэтического перевода на русский язык четырехтомника эпоса «Манас», который будет издаваться во Фрунзе. Закончена подготовка первой части прозаического изложения сюжета эпоса. В 1984 году был издан популярный очерк о «Манасе» на трех языках — русском, английском и немецком.

К настоящему времени издано более десяти монографических работ, посвященных «Манасу». Всего около семисот публикаций, посвя-

щенных эпосу. Киргизский эпос «Манас» теперь читают и во многих зарубежных странах. В рукописном фонде Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР хранится более шестидесяти вариантов этого уникального народного памятника, записанных от разных сказителей. В институте функционирует специальный сектор «Манаса», сотрудники которого заняты изучением и публикацией текстов эпоса.

Систематическое собирание произведений устного народного творчества началось в Киргизии в 20-е годы. Кроме «Манаса» были записаны киргизские эпосы малых форм, такие, как «Эр Төштүк», «Курманбек», «Кожожаш», «Жаныш-Байыш», «Олжобай и Кишим-жан», «Саринжи-Бөкөй», «Эр Табылды» и др. Все они переиздавались несколько раз.

Работа по сбору фольклорного материала успешно продолжается и ныне. Институт языка и литературы организует ежегодные фольклорные экспедиции в районы Киргизии. В рукописном фонде сейчас собрано большое количество материалов по различным жанрам фольклора, причем эпосу «Манас» отведено 287 инвентарных номеров. Значительную часть рукописного фонда составляют записи мифов, легенд, сказок, пословиц, поговорок, песен (5352 единицы хранения). Кроме того, в фонде имеются записи произведений 147 акынов-импровизаторов.

В настоящее время сектор рукописей и публикаций института приступил к каталогизации материалов. Продолжается также составление аннотированных текстов к фольклорным произведениям в соответствии с практикой, принятой в археографии.

В Институте языка и литературы функционирует также сектор фольклора и акынской поэзии. Завершена подготовка коллективной монографии «Очерки творчества киргизских акынов», где наряду с произведениями таких известных акынов, как Токтогул, Тоголок Молдо, Барпы, Калык, Алымкул, анализируется поэзия малоизвестных в настоящее время, но популярных в свое время акынов. Фольклористы института завершают коллективный труд «Киргизские народные поэмы (дастаны)».

Первым обобщающим исследованием по киргизской литературе, охватывающим фольклор, акынскую поэзию и современную литературу, явилась работа М. И. Богдановой, вышедшая в Москве в 1947 году. В 1960—1961 годах во Фрунзе были опубликованы «Очерки истории киргизской советской литературы» на киргизском и русском языках. В последующие годы издавался целый ряд монографий, посвященных современной литературе Киргизии. В «Истории киргизской советской литературы» (М., 1970) подробно прослежено развитие киргизской литературы за пятьдесят лет. В настоящее время готовится двухтомная «История киргизской советской литературы», первый том которой уже находится в производстве.

Развитие киргизской советской литературы на современном этапе характеризуется все усиливающимися взаимосвязями с литературами других братских народов СССР. Для исследования этого процесса в 1966 году в институте был создан сектор взаимосвязей национальных литератур. Сотрудниками его уже изданы следующие работы: «Национальное и интернациональное в киргизской советской литературе», «Киргизская литература в русской литературной критике», «Ч. Айтматов в литературной критике» и др. В настоящее время в секторе изучаются русско-киргизские литературные связи, а также литературные контакты с народами Средней Азии и Казахстана.

Сейчас ощущается необходимость в сборе и обобщении фактов свя-

зей киргизской литературы с литературами народов Советской Прибалтики, Закавказья, Сибири и Дальнего Востока, а также с зарубежными литературами. Важными представляются исследования в области теории и практики художественного перевода.

Лексикографы Киргизии работают над составлением словарей различных типов: изданы однотомный толковый словарь киргизского языка, фразеологический и синонимический словари, составлен и сдан в печать словарь омонимов киргизского языка и двухтомный толковый словарь.

Диалектологами завершен «Атлас киргизских говоров», имеющий немаловажное значение для изучения истории киргизского языка. Они участвуют также в составлении «Диалектологического атласа тюркских языков».

Языковедами ведется изучение в сравнительно-историческом плане киргизского языка в его сопоставлении с языками Южной Сибири и Средней Азии. Учеными института создана на киргизском и русском языках научная грамматика киргизского языка (фонетика и морфология), готовится к печати «Синтаксис киргизского языка». Обобщены первые результаты работы лаборатории экспериментальной фонетики.

В 1977 году в институте был организован сектор русского языка, призванный исследовать функции русского языка в различных сферах общественно-экономической и культурной жизни республики, его роль как средства межнационального общения, вести сопоставительное изучение киргизского и русского языков.

Сотрудники института работают в тесном контакте с работниками вузов республики, координируя с ними свою научную деятельность, практикуя совместные обсуждения научных работ. Такие капитальные исследования, как «История киргизской советской литературы» и «Грамматика киргизского языка», были созданы при участии ведущих преподавателей Киргизского госуниверситета.

Тесная связь поддерживается со школами республики. Все разрабатываемые темы и публикуемые труды по проблемам языка и литературы, наряду с теоретическим, имеют и определенное практическое значение, так как рассчитаны не только на научных работников, аспирантов и преподавателей вузов, но и на учителей средних школ. Они служат также основой для подготовки учебных пособий и учебников по киргизскому языку и литературе для школ. Таким образом, силами ученых института было создано девять школьных учебников по киргизскому языку и литературе.

В ближайшие годы перед литературоведами Киргизии стоят большие задачи: необходимо подготовить и издать двухтомную «Историю киргизской советской литературы» на русском языке, ряд монографий о связях с другими литературами, о развитии отдельных жанров современной киргизской литературы, по истории киргизского фольклора и его взаимосвязям с фольклором других народов, продолжить исследование эпоса «Манас» и публикацию его отдельных вариантов, а также других образцов киргизского фольклора.

Языковедам предстоит осуществить монографическое исследование истории киргизского литературного языка, его отношений с диалектами, развития его общественных функций; разработать актуальные вопросы культуры речи, русско-киргизского двуязычия; продолжить изучение на основе экспериментальных данных звукового состава современного киргизского языка, его синтаксической фонетики; начать работу над словарем географических названий Киргизии и двухтомным русско-киргизским словарем.

Т. М. ГАРИПОВ, З. Г. УРАКСИН

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Современное башкирское языкознание продолжает углубленное исследование строя башкирского языка, его связей и взаимоотношений с родственными и контактирующими языками, решает актуальные вопросы развития литературного языка и культуры речи.

Характерной особенностью современной башкирской лингвистики является расширение круга разрабатываемых проблем*. Наряду с традиционными для отечественной тюркологии направлениями начинают развиваться сравнительно новые для башкирского языкознания социолингвистические исследования, выполняются работы, посвященные анализу языка письменных памятников XVII—XIX веков, их археографическому описанию.

Исследования социолингвистического плана ведутся учеными Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР и филологических факультетов Башкирского госуниверситета и Башкирского госпединститута¹. Результатом изысканий в этой области в последние годы стало завершение коллективной монографии о функциональном соотношении и взаимодействии языков народов БАССР (в том числе и русского).

Относительно недавно усилилось внимание языковедов к исследованию семантики языка. Этой проблеме посвящено уже девять ежегодных выпусков межвузовского сборника «Исследования по семантике»². Продолжаются исследования по башкирскому слову в его различных аспектах, по проблемам изучения апеллятивной лексики³, составлению различных типов ономастических словарей⁴, по структуре и этимологии названий местностей и личных имен⁵.

Объектом исследования стало и историческое развитие лексики. Особенно активно ведутся терминологические поиски, что находит отражение в тематических сборниках, кандидатских диссертациях, защищенных по терминологии общественно-политических и естественных наук⁶. Планомерно стала осуществляться подготовка и издание лексикографических пособий и справочников различных типов и профилей.

Завершена многолетняя работа над первым толковым словарем башкирского языка. Рукопись словаря готовится к выпуску в двух томах. Создается цикл терминологических сводов. Только за последние пять лет местным книжным издательством выпущено шесть русско-баш-

* Статья охватывает развитие башкирского языкознания за последние пять-шесть лет.

кирских терминологических словарей объемом от пяти до десяти листов. На ближайшие годы запланировано издание словарей лингвистических, сельскохозяйственных, педагогических терминов (с русскими переводами), а также словарей по химии, медицине, эстетике и т. д.⁷ Эта важная работа осуществляется под руководством Терминологической комиссии при Президиуме Верховного Совета БАССР.

В стадии завершения находится составление нового башкиро-русского словаря, создаваемого на базе материалов толкового словаря. Сдан в производство также русско-башкирский фразеологический словарь. На 1985 год планируется выпуск словаря синонимов башкирского языка. К сожалению, богатый опыт лексикографической работы все еще остается без обобщения. Исключением в этом смысле явился выход в 1983 году единственного сборника⁸.

Современная разговорная речь башкир все еще характеризуется диалектной пестротой, поэтому внимание к диалектологии не ослабевает. За последние годы вышли в свет тематический сборник⁹, монографические и отдельные издания¹⁰, защищены кандидатские диссертации по островным башкирским говорам¹¹. В текущем году в ИИЯЛ БФ АН СССР открыт самостоятельный сектор диалектологии и топонимии. Коллектив диалектологов ведет работу по международной научной программе «Лингвистический атлас Европы», завершает диалектологический атлас башкирского языка¹².

Для башкирского языка, имеющего сравнительно небольшое число письменных памятников, весьма актуальной и крайне сложной задачей является создание истории языка и его литературной формы. В 1983 году вышла в свет историческая грамматика башкирского языка А. М. Азнабаева и В. Ш. Псянчина¹³, читаются соответствующие вузовские курсы¹⁴, публикуются дискуссионные статьи¹⁵.

В периодической печати на башкирском, русском, реже на татарском языках публикуются списки новых терминов, рекомендуемые для употребления, обзорные статьи языковедов, журналистов по культуре речи. В декабре 1982 года Президиум Верховного Совета БАССР принял указ о частичных изменениях орфографии современного башкирского литературного языка, которые в основном касаются правописания заимствованных и сложных слов. Продолжается разработка отдельных вопросов совершенствования норм литературного языка¹⁶.

Следует отметить исследования, реализуемые в широком тюркологическом контексте: монографию Т. М. Гарипова о строевых элементах тюркских языков Урало-Поволжья, работы З. Г. Ураксина по тюркской фразеологии, археографические и филолого-текстологические публикации¹⁷.

Значительное внимание уделяется проблемам теории и практики языковых контактов народов Башкирии и их соседей, сопоставительной компаративистики и этнологической лингвистики. Изучаются взаимоотношения и взаимовлияние местных тюркских и восточнославянских¹⁸, финно-угорских (шире — уральских)¹⁹ и германских²⁰ языков. Расширяется круг языков, привлекаемых для сопоставления с башкирским (к примеру, украинский и белорусский)²¹, конкретизируется выдвинутая Б. А. Серебренниковым идея о реальности в прошлом и отчасти в настоящем Волго-Камского языкового союза (Волго-Уральской историко-этнографической области).

Изучение истории башкирского языка получило большой творческий импульс благодаря известным компе́нди́умам А. Н. Кононова, десятки страниц которых посвящены башкирскому языку, преимуще-

ственно дореволюционной эпохи²². Теперь мы располагаем систематически пополняемыми библиографическими указателями башкироведческой литературы, в том числе и зарубежной²³, большим числом опубликованных персоналий о видных языковедах прошлого и современности.

Многочисленны издания по башкирскому языку для высшей и средней школы, которые охватывают практически все основные уровни системы данного языка. Так, только по фонетике за последние годы вышло несколько книг, пособий и статей²⁴.

Наиболее значительным грамматическим изданием восьмидесятых годов является капитальная академическая грамматика башкирского языка²⁵, получившая положительную оценку в научной печати. Новый труд башкирских языковедов отличается от предшествующих полнотой описания строя языка, в нем нашли отражение изменения, происшедшие в башкирском литературном языке за последние тридцать-сорок лет, уделено много внимания разработке некоторых спорных и недостаточно исследованных вопросов фонетики, морфологии и синтаксиса, как, например, состав и природа аллофонов гласных и согласных, фономорфологические изменения основы слова при агглютинации, сложения и редупликации. По-новому подошли авторы к проблеме деепричастий, типологии синтаксической связи слов, классификации частей речи и т. д.

Вузовские публикации последних лет пополнились учебниками и пособиями по морфологии и лексике²⁶. Впервые появились популярные издания типа занимательных грамматик и разговорников, изданные в качестве учебных пособий для учащихся школ и учителей родного языка²⁷.

В республике много внимания уделяется подготовке лингвистических кадров.

Институт истории, языка и литературы БФ АН СССР совместно с русистами вузов республики ведет исследования по комплексной проблеме «Русский язык как язык межнационального общения и его взаимодействие с языками народов Башкирской АССР», в рамках которой ведутся изыскания социолингвистического характера, составляются двуязычные словари, изучаются проблемы культуры русской и родной речи, осуществляется подготовка научных кадров.

Перед башкирскими языковедами в настоящее время стоят следующие актуальные задачи, которые должны решаться в течение ближайших лет: усиление и углубление социолингвистических и билингвистических исследований живых процессов языкового взаимодействия; развертывание экспериментальной фонологии, что требует создания для этого соответствующей материальной базы и подготовки кадров; подготовка систематической истории башкирского языка с привлечением имеющихся письменных памятников и диалектных данных; дальнейшее совершенствование башкирского литературного языка путем изучения языка художественной литературы и фольклора, а также проблем культуры родной и русской речи; разработка курса сопоставительной грамматики башкирского и русского языков на основе современной теории сопоставительно-типологических исследований; улучшение системы подготовки специалистов по башкирскому языку и литературе в вузах.

¹ Т. М. Гарипов. Кыпчакские народы и их языки (Краткий социолингвистический очерк). — В кн.: «Язык и общество», вып. 5, Саратов, 1978, стр. 153—160; Л. Л. Аюпова и др. О двуязычии в Башкирии (социолингвистический очерк). — В кн.: «Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР», М., 1979, стр. 118—122; З. Г. Ураксин. Некоторые тенденции функционального развития языков Башкирии. — В кн.: «Социально-функциональный аспект социалистического образа жизни (Тезисы докладов)». М., 1981, стр. 62 и др.

² См., например: Т. М. Гарипов. К семантической природе тюркского изафета. — В кн.: «Исследования по семантике», Уфа, 1983, стр. 20—35; *его же*. Структурно-семантический глоссарий урало-поволжских языков. Уфа, 1979.

³ Я. А. Чанышев и др. Об историко-этимологических словарях отдельных тюркских языков. — В кн.: «Лексика и морфология тюркских языков», Новосибирск, 1982, стр. 27—33; Т. М. Гарипов. Создание словарей рифм отечественной поэзии в Башкирии. — В кн.: «Культура речи в различных сферах общения», Челябинск, 1982, стр. 112—113.

⁴ «Словарь топонимов Башкирской АССР». Составители: А. А. Камалов, З. Г. Ураксин, Р. З. Шакуров, М. Ф. Хисматов. Уфа, 1980; Х. Т. Кусимова. Башкирские имена. Уфа, 1982.

⁵ А. Шайхулов. Система антропонимов татарского и башкирского народов. Уфа, 1981; А. А. Камалов. Система обозначения, ареалы и терминология топонимии Башкирии. — «Советская тюркология», 1983, № 3, стр. 31—40; Р. Шәкүр. Ерҙең хәтер китабы. Өфө, 1984.

⁶ См. «Развитие терминологии башкирского литературного языка». Уфа, 1981; Г. Г. Кагарманов. Формирование и развитие общественно-политической терминологии башкирского литературного языка. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1979; Р. З. Сафарова. Источники, пути и принципы формирования ботанической терминологии башкирского языка. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1984.

⁷ См. «Русско-башкирский словарь терминов по анатомии и физиологии человека». Уфа, 1981; «Русско-башкирский, башкирско-русский словарь юридических терминов». Уфа, 1980; «Словарь башкирских терминов родства». — В кн.: «Н. В. Бикбулатов. Башкирская система родства». М., 1981, стр. 103—116; М. Х. Ахтямов, М. С. Ахтямова. Словарь математических терминов. Уфа, 1982; С. Иянтурин, Ф. Хисамов. Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдары һүзлегә. Өфө, 1981; Х. Х. Кадырметов. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь терминов по физике. Уфа, 1984; З. З. Абсаламов. Русско-башкирский, башкирско-русский словарь общественно-политических терминов. Уфа, 1984.

⁸ «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка». Уфа, 1983.

⁹ «Исследования и материалы по башкирской диалектологии». Уфа, 1981.

¹⁰ Н. Х. Ишбулатов. Башкорт диалектологияһы. Өфө, 1979 һәм 1980; Н. Х. Максютотова. Лингвогеографическое изучение башкирского языка (Диалектологический атлас). Уфа, 1983; С. Ф. Миржанова. Южный диалект башкирского языка. М., 1979.

¹¹ М. И. Дильмухаметов. Язык средне-уральских башкир. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980; У. Ф. Надереев. Язык башкир Саратовской и Куйбышевской областей. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1981.

¹² Н. Х. Максютотова. Башкирская диалектология (итоги и перспективы). — «Советская тюркология», 1984, № 2, стр. 76—81.

¹³ А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка. Уфа, 1983. См. рецензию: «Советская тюркология», 1984, № 4, стр. 98—100.

¹⁴ «Башкорт эзби теле тарихы курсынан программа», Өфө, 1982; В. Ш. Псянчин. Лекции о происхождении формообразующих аффиксов имени прилагательного башкирского языка. Уфа, 1978.

¹⁵ М. А. Ахметов. Залоги глагола в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку. — «Советская тюркология», 1978, № 4, стр. 9—20; А. А. Юлдашев. Историческое развитие взаимного залога тюркского глагола. — «Советская тюркология», 1980, № 4, стр. 7—21; Р. Г. Азнагулов. Реликтовые формы словообразования башкирского языка. — «Советская тюркология», 1983, № 5, стр. 57—63.

¹⁶ З. Г. Уразбаева. Вариантность слова в башкирском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980.

¹⁷ Т. М. Гарипов. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. М., 1979. — Рецензия: «Советская тюркология», 1980, № 1, стр. 84—86; *его же*. Урало-поволжский тюрки и современные кыпчакские языки Урало-Поволжья. — В кн.: «Проблемы взаимосвязи фольклора, литературных языков народов Приуралья и Поволжья», Уфа, 1978, стр. 19—22; *его же*. Относительно «булгарских» эпитафий Башкирии. — В кн.: «Письменные памятники Башкирии», Уфа, 1982, стр. 52—68; *его же*. К изучению тюркских названий населенных пунктов Башкирии. — В кн.: «Ономастика Востока», М., 1980; З. Г. Ураксин. Лексикографическая разработка фразеологии тюркских языков. — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 39—46 и др.; «Археография и источниковедение истории литературы на Южном Урале», Уфа, 1976; «Письменные памятники Башкирии (историко-филологические исследования)», Уфа, 1983 и др.

¹⁸ Л. Л. Аюпова. Особенности русско-тюркского междиалектного контактирования. — В кн.: «Актуальные проблемы лексикологии», Свердловск, 1984, стр. 4; Т. М. Гарипов. Связи тюркских языков Урало-Поволжья с русскими говорами. — В кн.: «Актуальные проблемы диалектологии и исторической лексикологии», Вологда, 1983, стр. 86—87; Н. Г. Охарева. Интерференция вокалических систем на материале башкирского и рус-

ского языков. Автореф. канд. дисс., Л., 1926; Р. Х. Халикова. Взаимодействие башкирского и русского языков после присоединения Башкирии к Русскому государству (XVII—XIX века). — «Советская тюркология», 1983, № 6, стр. 11—16 и др.

¹⁹ Р. Г. Кузеев и др. К истории этнокультурных связей тюркоязычных и финно-угорских народов в Волго-Уральском регионе. — В кн.: «Литературоведение и история», Ташкент, 1980, стр. 141—142; С. Ф. Миржанова. О древних этноязыковых связях башкир и венгров. — «Советская тюркология», 1981, № 1, стр. 37—48 и др.

²⁰ Л. З. Лапкина. Английские и башкирские акустические онематопы. Автореф. канд. дисс., Л., 1979; Н. Г. Вильданова. Нулевые формы башкирских падежей и их эквиваленты в иносистемных языках. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1984; З. Б. Мулюкова. Башкирские послелогичиски в сопоставительном освещении. Канд. дисс. Уфа, 1985.

²¹ Р. Г. Кузеев и др. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье. — В кн.: «Вопросы этнической истории Южного Урала», Уфа, 1982, стр. 3—17; *их же*. Волго-Уральская историко-этнографическая область. — В кн.: «Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований», Уфа, 1980, стр. 10—12 и др.

²² А. Н. Кононов. История изучения тюркских языков в России... Л., 1982, стр. 92, 256—258; «Библиографический словарь отечественных тюркологов». М., 1974, стр. 17—278 и др.

²³ «Башкирское языкознание (указатель литературы)», Уфа, 1980; «Библиография по башкирскому языкознанию (1967—1977)», Уфа, 1979.

²⁴ Т. М. Гарипов. Фонемика урало-поволжских языков. Уфа, 1979; *его же*. Фонетические процессы в башкирских именах собственных. — В кн.: «Вопросы топонимики Башкирии», Уфа, 1981, стр. 64—67; Н. Х. Ишбулатов. Ударение и система гласных башкирского языка. — «Советская тюркология», 1980, № 5, стр. 55—58; Ф. Г. Хисамитдинова. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный+глухой смычный» в историческом освещении. Автореф. канд. дисс., Уфа, 1980.

²⁵ «Грамматика современного башкирского литературного языка». М., 1981.

²⁶ М. В. Зайнуллин. Система лексических и лексико-грамматических средств выражения модальных значений в современном башкирском языке. Уфа, 1981; Ж. Ф. Кейекбаев и др. Башкорт теле. Өфө, 1983; «Хэзерге башкорт азби теленең морфологияһы». Өфө, 1979; М. Х. Әхтәмов. Хэзерге башкорт теле. Өфө, 1978; К. Г. Ишбаев. Инфинитив в башкирском языке. Уфа, 1982 и др.

²⁷ З. Ф. Ураксин. Тел күрке. Өфө, 1980; З. Ф. Ураксин, Э. Ф. Ишбирзин. Туған тел серзәре. Өфө, 1983; Г. Г. Кагарманов, К. А. Галиева. Русско-башкирский разговорник. Уфа, 1984.

Я. Р. ДАШКЕВИЧ

О СОЗДАНИИ КОРПУСА ДРЕВНЕРУССКИХ СООБЩЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ТЮРКСКИМ НАРОДАМ

В древнерусских письменных источниках сохранились уникальные сведения о культуре и быте, языке и истории тюркских народов IX—XIII и последующих веков. Многие из этих сведений не приводятся в источниках на других языках. Поэтому значение древнерусских источников в изучении вопросов истории, культуры, этнографии тюрков, прежде всего связанных с прошлым Восточной Европы и смежных областей, начиная примерно с IX века, особенно велико. Сказанное полностью относится и к изучению истории языка тех тюркских этносов, с которыми на протяжении ряда столетий контактировали и поддерживали тесные связи древние русы. Определенное количество тюркизмов вошло в восточнославянские языки еще в домонгольский период. Это подтверждается текстом и такого памятника, как «Слово о полку Игореве», значение изучения которого для освещения некоторых тюркологических проблем лингвистического аспекта теперь общепризнано¹. Однако, к сожалению, древнерусские источники в тюркологических исследованиях используются все еще недостаточно, что объясняется, по-видимому, определенными трудностями, связанными с распыленностью изданий памятников, их недостаточной текстологической изученностью, с отсутствием или низким качеством прилагаемого к ним научно-справочного аппарата. Причину этого следует видеть в том, что огромное большинство памятников было опубликовано примерно сто или более лет тому назад, когда принципы текстологической работы были далеки от совершенства. С другой стороны, за последние сто лет были обнаружены рукописи новых вариантов текстов, естественно, не использовавшихся при подготовке первоначальных эдичий. В XX веке в деле инвентаризации, каталогизации древнеславянских манускриптов и информации о них были достигнуты заметные успехи². Создаваемый в настоящее время кол-

¹ Ср. новейший обзор: *N. Poppe Jr. A Survey of Studies of Turkic Loan Words in the «Slovo o polku Igoreve»*. — «Central Asiatic Journal», Wiesbaden, 1984, vol. 28, № 1—2, стр. 89—99.

² См., например, своды каталогов рукописей: *D. Djaparidzé. Mediaeval Slavic Manuscripts. Bibliography of Printed Catalogues*. Cambridge, Mass., 1957; *Ю. К. Бегунов, Н. Ф. Бельчиков, Н. П. Рождественский. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей*. М.—Л., 1963. Наши дополнения к этим каталогам см.: «Научно-информационный бюллетень Архивного управления УРСР», Київ, 1962, № 5, стр. 78—79; 1965, № 2, стр. 79—80. Новейшие обзоры каталогов рукописей, хранимых в СССР, см.: *P. K. Grimsted. Archives and Manuscript Repositories in the USSR*. Vol. 1, Moscow and Leningrad, p. 1—2; vol. 2. Estonia, Latvia, Lithuania and Belorussia; vol. 3. Ukraine and Moldavia, p. 1. Princeton, N. J., 1972—1985.

лективными усилиями сводный каталог древнерусских рукописей хранилищ СССР будет способствовать дальнейшему расширению знаний в этой области³.

На использовании древнерусских источников в тюркологических исследованиях отрицательно сказался их избирательный анализ как в историческом, так и в литературоведческом плане. По сложившейся традиции в области исторического источниковедения главное внимание уделяется почти исключительно летописям. Сочинения других жанров привлекаются редко. Тексты, имеющие художественную ценность, используются только историками литературы. Произведения, не вошедшие ни в первую (историческую), ни во вторую (литературную) категории, то есть не имеющие выраженной историографической или художественной ценности, вообще выпадают из поля зрения большинства исследователей. К ним относятся, в частности, сочинения теологических и паратеологических жанров, в которых также можно отыскать интересные сведения о тюркских народах. Эти тексты не издаются и, следовательно, изучаются мало. Возникает насущная необходимость в создании корпуса, включающего обширные выдержки из текстов, содержащих сведения о тюркоязычных народах (для начала хотя бы домонгольского периода), имеющиеся в древневосточнославянских письменных памятниках как оригинальных, созданных на территории Древней Руси, так и в переводных, распространенных среди русов. Обязательным представляется включение текстов, в которых зафиксированы тюркские языковые вкрапления (тюркизмы). Создание подобного корпуса, как нам кажется, не только значительно облегчит сбор необходимой источниковой информации, улучшит возможности компаративистических анализов, представит сохранившиеся данные в критическом свете, в соответствии с современными требованиями текстологии и археографии, избавит исследователей от поисков изданий, давно превратившихся в раритеты, а заодно, несомненно, поднимет уровень научных исследований, будет способствовать их более оперативному проведению благодаря концентрации нужной тюркологической информации в пределах одного издания.

Имеются и другие положительные стороны подобного издания. Тюркологами обычно используются древнерусские источники давно установившегося круга. За пределами их внимания при этом часто остаются источники не менее ценные, однако малодоступные. Большей частью это письменные памятники небольшого объема, эпиграфика, глоссы, крайние записи.

Следует отметить также, что в последнее время в области изучения взаимосвязей Древней Руси и тюркских народов получили распространение некоторые фактографически мало обоснованные гипотезы. Представляется, что издание корпуса *Ruthenoturcica* (РТ) введет в

³ Н. Б. Шеламанова. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР. (Для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно»). — «Археографический ежегодник за 1965 г.», М., 1965, стр. 177—272; Л. П. Жуковская. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — «Советское славяноведение», 1969, № 1, стр. 57—71; М. Н. Воробьев, А. М. Рогов. К выходу «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в., хранящихся в СССР». (Для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР»). — «Археографический ежегодник за 1977 г.», М., 1978, стр. 49—55; «Проблема научного описания и факсимильного издания памятников письменности. Материалы всесоюзной конференции», Л., 1981. Не потеряла значения работа: Н. К. Никольский. Материалы для поременного списка русских писателей и их сочинений (X—XI вв.). Корректурное издание. СПб., 1906.

научный обиход данные источников, облегчит их сопоставление с высказываемыми предположениями и другими внеисточниковыми построениями.

Что касается содержания издания, то существуют, по крайней мере, два пути, которые можно избрать при подготовке корпуса. В одном случае можно ограничить его содержание исключительно лингвистической информацией, сохранившейся в источниках. Следовательно, корпус включал бы сведения следующего типа: 1) упоминания о языке и письме тюрков; 2) так называемые подлинные «языковые остатки» (*eigentliche Sprachreste* — по терминологии Д. Моравчика⁴), то есть тюркская ономастика, апеллятивы, а также тюркские вставки в древнерусские контексты и эпиграфические памятники — тюркские надписи славянской графикой; 3) из группы так называемых неподлинных «языковых остатков», в первую очередь наименования тюркских владетелей (титулы).

Типичным изданием подобного рода является классический на сегодня свод Д. Моравчика «*Byzantinoturcica*» («Языковые остатки тюркских народов в византийских источниках»), на достоинствах и недостатках которого мы остановимся ниже.

Этому, несколько узкому, иными словами, исключительно лингвистическому подходу к привлекаемым источникам можно противопоставить второй путь создания корпуса — комплексное включение в свод всех сведений о тюркских народах, встречающихся в древнерусских источниках. Практически это, помимо перечисленных выше трех видов информации лингвистического содержания, охватит также все другие сведения по культуре и быту, истории и этнографии тюркских народов. Преимущество такого издания заключается в том, что в нем будет значительно полнее отражена среда, способствовавшая сохранению тюркских языковых остатков, возникновению и развитию тюркско-древневосточнославянских языковых связей. Не говоря уже о том, что при изучении взятых из источников изолированных тюркских языковых остатков неизбежно возникнет необходимость в обращении к более обширному контексту для определения хотя бы правильной семантики этих остатков. В алтаистике имеется пример подобного издания — это свод П. Аалто и Т. Пекканена «Латинские источники по Северо-Восточной Европе» (т. 1—2, 1975—1980), о котором подробнее будет сказано дальше.

Думается, что для подготовки корпуса более оправданным является второй путь, то есть создание свода с максимально полным использованием всех сведений древнерусских источников о тюркских народах.

Подбор материалов, отражающих тюркскую тематику, в большинстве случаев не вызывает особых затруднений. Сложности, однако, могут возникнуть лишь тогда, когда тюркские народы упоминаются в источниках под другими искаженными или деформированными этнонимами (например, под влиянием византийской литературы с характерной для нее размытостью, архаизацией и стилизацией этнонимии, или же благодаря воздействию библейской символики, стимулируемому системой образов Ветхого и Нового заветов). Исследования в этом направлении еще не проводились, и только материал, собранный во время подготовительных работ для корпуса РТ, сможет послужить фактографическим основанием при рассмотрении данного вопроса.

⁴ Gy. Moravcsik. *Byzantinoturcica*. 2. *Sprachreste der Türkvolker in den byzantinischen Quellen* 2-e durchgearbeitete Aufl. Berlin, 1958. стр. 1—23.

Определенную трудность представляет включение в корпус всех случаев употребления тюркизмов в древнерусских текстах. Поиски подобного рода, правда, облегчаются большой литературой вопроса⁵, лексикографическими работами⁶, а также картотеками словарей, например «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Этимологии целого ряда слов все еще дискутируются: считать их тюркизмами или нет. Нам кажется, что для корпуса следует избрать оптимальный вариант, то есть включать в него не только «твердо доказанные», но и «подозреваемые» или спорные тюркизмы, конечно, с соответствующим комментарием.

Не подлежит сомнению, что в свод должен быть включен весь материал о тюрках, имеющийся в древнерусских сочинениях всех жанров (летописи, агиографические, юридические, литературно-художественные и другие памятники, эпиграфика). Подбор осложняется при рассмотрении переводной литературы (в основном это переводы с греческого или через посредство греческого), особенно при просмотре сочинений на древнеболгарском языке, которые, как известно, совершенно беспрепятственно (из-за общности для южных и восточных славян богослужебного, так называемого церковнославянского языка, в основе которого лежит древнеболгарский) трансплантировались на почву славянской Восточной Европы⁷. При формальном подходе, казалось, можно было бы безболезненно исключить две последние категории сочинений. В действительности же подобное решение не было бы вполне оправданным. Дело в том, что в X—XIII веках, естественно, никакой теории научного или литературного перевода не существовало. Переводы византийских сочинений на древнерусский ни в коем случае нельзя считать адекватными. Византийские произведения в Древней Руси сокращались, дополнялись, заново редактировались, и в результате этих превращений получался фактически не перевод, а пересказ (часто интерполированный) византийского оригинала — византийское сочинение в древневосточнославянской редакции. Обработке, часто в силу разумения и познаний переводчика, подвергались и места сочинений, отражавшие тюркскую тематику. Определенные изменения при этом претерпевали и этнонимы, употребляемые византийскими авторами для тюркских этносов, к тому же до предела запутанные и осложненные в византийском оригинале стилистическими соображениями и архаическими реминисценциями⁸. Например, глосса древнерусского переводчика «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия о соотношении печенегов и алан по-

⁵ См.: И. Г. Добродомов, Г. Я. Романова. Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках. — В кн.: К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979, стр. 211—238; И. Г. Добродомов. Из истории изучения тюркизмов русского языка. — «Тюркологический сборник. 1977», М., 1981, стр. 90—108.

⁶ Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

⁷ Справочные и библиографические сведения о древнерусской литературе в полном объеме см.: Л. Е. Махновец. Українські письменники. Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література XI—XVIII ст. Київ, 1960. Ср. также: И. У. Будовниц. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII в., М., 1969. Новая литература вопроса: Н. Ф. Дробленкова. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР в 1958—1967 гг. Т. 1—2, Л., 1977—1979.

⁸ О византийской этнонимии см., например: Н. Ditten. Der Russland-Exkurs des Laonikos Chalkokondyles. Berlin, 1968, стр. 7—8; Г. Г. Литаврин. Некоторые особенности этнонимов в византийских источниках. — В кн.: «Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев», М., 1976, стр. 198—217; М. В. Бибииков. К изучению византийской этнонимии. — В кн.: «Византийские очерки. Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византистов», М., 1982, стр. 148—159.

родила значительную литературу⁹. Перечисленные выше вопросы корреляции оригинала — перевода-пересказа, с точки зрения тюркологии, не подвергались систематическому изучению, тогда как их анализ может привести к неожиданным маленьким открытиям. Эти соображения дают все основания полагать, что весьма целесообразно включать материал древнерусских переводов-пересказов в свод, исходя при этом из индивидуальных особенностей каждого сочинения в отдельности.

Гораздо больше сложностей возникает при исследовании древнеболгарских сочинений, часто при их переписке в Древней Руси становившихся древнерусскими вариантами болгарского оригинала (который, в свою очередь, мог быть переводом с византийского). Лучшим примером подобных трансформаций может служить житие Константина Философа с очень заметным «тюркологическим» пластом (взять хотя бы описание миссии Константина к хазарам)¹⁰. Сочинения подобного типа располагают значительной специальной литературой, рассматривающей рецепцию болгарской письменности в Древней Руси, однако конкретно вопрос о деформации или подлинности сведений о тюркских народностях этой литературой не затрагивается. По-видимому, здесь также необходим индивидуализированный подход.

Монгольское нашествие на Русь явилось кардинальной цезурой в истории древнерусской литературы. Поэтому, думается, на первых порах свод следует ограничить домонгольским (до 1240 г.) периодом. Подобное ограничение, конечно, вовсе не означает того, что в последующей литературе восточнославянских народов не сохранилось о тюрках никаких уникальных сведений, заслуживающих публикации в виде отдельного свода.

Большинство древнерусских сочинений существует в нескольких (иногда даже многочисленных) списках. Вместе с тем первоначальные редакции и списки (домонгольского периода) ряда сочинений до нашего времени не дошли. Возникает вопрос, насколько правомерно включение в свод РТ текстов из более поздних копий, в которых возможны значительные деформации. Исходя из практики археографической работы, кажется целесообразным ограничиться использованием списков, созданных не позже XV века.

Создание корпуса ставит ряд вопросов методического характера, к решению которых необходимо подходить на основании накопленного к настоящему времени археографического и текстологического опыта. Свод «узкотюркологического» содержания в Советском Союзе еще не создавался. Однако накопился довольно значительный опыт публикации древних текстов как на славянских, так и на восточных языках, который может быть использован при решении методических вопросов. Здесь следует, в первую очередь, упомянуть подготавливаемый в настоящее

⁹ См.: В. Миллер. Осетинские этюды. Ч. 3, М. 1887, стр. 40—41; Н. А. Мещерский. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958, стр. 108, 454, 530; О. Pritsak. The Pečenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — «Archivum Eurasiae medii aevi», Lisse, 1975, т. 1, стр. 229. О. Прицак неправомерно интерпретирует слово «языкъ» в тексте глоссы в современном понимании этого термина (lingua); в действительности же слово «языкъ» в древнерусском тексте обозначает «народ, племя, этнос» (впрочем, так же как и в среднегреческом языке того же периода).

¹⁰ Лучшее научное издание: Constantinus et Methodius Thessalonicenses. Fontes. Rec. F. Grives et F. Tomšič. Zagreb, 1960 (Radovi Staroslavenskog Instituta. Kn. 4). При его составлении широко использовались древнерусские списки жития.

время «Корпус древнейших источников по истории народов СССР»¹¹, первые выпуски которого были изданы в 1977—1979 годах. Заслуживает внимания также опыт создания соответствующих «тюркологических» сводов за рубежом, особенно, упоминавшиеся выше фундаментальные работы Д. Моравчика и П. Аальто — Т. Пекканена¹².

«Byzantinoturcica» Д. Моравчика — результат почти сорокалетних усилий автора, который главное свое внимание сосредоточил на поисках наиболее достоверных рукописных текстов (он разочаровался в печатных изданиях византийских авторов), реконструировании первоначального звучания тюркских текстов, деформированных среднегреческой фонетикой и морфологией (эллинизацией), а также греческой графикой. Автор ограничился исследованием тюркской ономастики (включая также нетюркскую антропонию для лиц определенно тюркского происхождения), апеллятивов и связанных тюркских текстов, включенных в греческий контекст, а также тюркской эпиграфики, записанной греческим алфавитом. Приходится глубоко сожалеть о том, что автор с самого начала ограничил себя довольно узкой программой, хотя в его распоряжении были сотни византийских рукописей, хранившихся в десятках библиотечных и других собраний (некоторые из рукописей переменили свой «адрес» в период второй мировой войны; след других потерялся). Имея в своем распоряжении весь этот огромный рукописный материал, Д. Моравчик ограничился сбором узколингвистических сведений, оставив без внимания все историко-этнографическое обрамление тюркской ономастики, апеллятивов, словесных вкраплений. В приложении к своей работе Д. Моравчик упомянул (однако без детализации) отдельные южно- и восточнославянские источники по данной теме.

По другой программе (по-видимому, учитывая опыт работы Д. Моравчика) создавали свой свод «Латинские источники о Северо-Восточной Евразии» П. Аальто и Т. Пекканен. Ими были учтены рекомендации постоянных международных алтаистических конференций 1959 и 1960 годов. Свод, правда, составлялся на основании печатных изданий, что делает необходимым при пользовании корпусом, в соответствующих случаях обращаться с контрольной целью к рукописям. Однако при этом авторы включили в свой свод обширные выдержки из латинских текстов, содержащих сведения по истории и этнографии разных народов Севера Европы и Азии, то есть использовали источники комплексно. Хотя свод первоначально предполагалось создать как алтаистическое пособие, однако в него оказались включенными сведения также о нетюркских и неалтайских народах. Дело в том, что к IX—X векам (рубеж, который поставили перед собой авторы) в Европе успело побывать не так уж много тюркских народностей, быт, культура и язык которых могли найти отражение в латинских сочинениях (в своде Аальто—Пекканена главным образом собрана латиноязычная информация о гуннах и аварах¹³). Научный аппарат издания довольно скуп и далеко не исчерпывает (в отличие от труда Д. Моравчика) возможностей комментирования.

¹¹ В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбаков. Корпус древнейших источников по истории народов СССР. — «Вопросы истории», 1974, № 7, стр. 49—54; «Древнейшие источники по истории народов СССР. Тематика и состав выпусков (Материалы для обсуждения)», вып. 1—2. М., 1976—1980.

¹² P. Aalto, T. Pekkanen. Latin Sources on North-Eastern Eurasia. P. 1—2, Wiesbaden, 1975—1980 (Asiatische Forschungen. Bd. 44, 57).

¹³ Мы абстрагируемся здесь от ведущейся продолжительное время дискуссии вокруг тюркского или нетюркского происхождения этносов гуннов, аваров и других степных народов, придерживаясь, однако, мнения о преобладании в них тюркских этнических элементов, определявших основной облик упомянутых кочевых народностей.

Можно назвать также некоторые другие работы, примыкающие к упомянутым выше корпусам. Тюркологи, несомненно, могут использовать издаваемый, начиная с 1973 года, «Глоссарий к раннесредневековой истории Восточной Европы» (в двух сериях: А. латинские имена по 900 г., Б. греческие имена по 1025 г.)¹⁴. Хотя основной задачей издания является выявление источников по истории этногенеза восточных и южных славян, в него включаются также материалы, отражающие контакты славян с тюркскими народами. Согласно общему плану издания, предвидится подготовка дальнейших серий — «греческих имен» 1025—1200/1250 гг., а также «славянских имен» домонгольского периода. Издание несколько громоздко, сведения в нем даются в порядке алфавита имен, встречающихся в полном комплексе латинских или греческих источников, что сильно отражается на темпах его выхода в свет. Том 1 греческой серии, к примеру, охватывает только начало буквы «А». В подготавливаемом и издаваемом О. Прицаком своде источников по истории древнейшего периода истории Руси отдельный том будет посвящен византийским, западноевропейским, латиноязычным и древнерусским источникам. В нем предполагается поместить древнерусские тексты, отражающие взаимоотношения тюрков и русов по XI век включительно¹⁵.

Рассмотрение существующих изданий убеждает в том, что при создании корпуса РТ значительные трудности возникают (и будут в дальнейшем возникать) не только при составлении списка используемых источников (с указанием названия источника, места и времени его возникновения, публикаций текста, местонахождения рукописей и т. д.), но и при разрешении двух методически важных вопросов: 1) создавать корпус на основании только печатных текстов или обращаться к рукописям; 2) какую конкретно применить систему передачи текста.

В основу отбора текстов, как нам кажется, должны быть положены печатные издания, несомненно, с учетом их научно-археографического уровня. При возникновении малейших подозрений относительно искажений (что вполне возможно при тюркской ономастике, непривычной не только для средневековых копиистов, но и для издателей более позднего времени) необходимо обращение к рукописям, установление местонахождения которых при помощи создаваемой сейчас картотеки древнерусских рукописей не представляет особых трудностей. В корпус должны быть включены все разночтения, известные по публикациям. При обнаружении более исправных или более древних (по сравнению с опубликованными ранее) списков последние обязательно должны быть использованы.

Методика фонетически обоснованного декодирования тюркской ономастики, апеллятивов и другой лексики в комплексе на материале древнерусских текстов еще не разработана. Имеются, правда, довольно многочисленные, иногда весьма основательные, рекомендации о первоначальной фонетической структуре заимствованных тюркизмов, которые, однако, не сведены в систему. Фонетическое декодирование древнерусских записей, возможно, таит в себе не меньше неожиданностей, чем декодирование среднегреческих записей Д. Моравчиком. Это прежде всего свя-

¹⁴ «Glossar zur frühmittelalterlichen Geschichte im östlichen Europa», Ser. A. Lateinische Namen bis 900. Bd. 1. Wiesbaden, 1973—1979; Ser. B. Griechische Namen bis 1025. Bd. 1. Wiesbaden, 1974—1980. Издание продолжается.

¹⁵ О. Pritsak. The Origin of Rus'. Vol. 4. Byzantine, Latin and Old Rus' Sources. Cambridge, Mass. (Подготавливается). Вышел в свет т. 1, изданный в 1981 году, в который вошли тексты скандинавских источников, исключая саги. В этих изданиях нашел отражение также «тюркологический» материал.

зано с правильным реконструированием исконных звуков, передаваемых в древнерусских текстах при помощи еров, ятя и юсов. Не подлежит сомнению, что в текстах древнеюжнорусского (древнеукраинского) происхождения под графемой *г* следует понимать звук *h*, а не *g*¹⁶. По мере накопления конкретного материала подобных вопросов будет возникать, несомненно, больше. Особенности декодирования вынуждают выдвигать жесткие требования к передаче текстов с сохранением всех палеографических особенностей оригинала. Предлагаемые реконструкции должны быть сопровождены соответствующим научным комментарием.

Наиболее целесообразным нам кажется создание корпуса из томов единого жанрового профиля источников и алфавитным расположением материала внутри тома. Опыт показывает, что подготовка издания на основании использования полного комплекса источников с расположением всех сведений в едином алфавитном ряду растягивает подготовительный период на многие годы, если не на десятилетия. Обработка источников по жанрам намного ускорит издание отдельных томов. В пределах одного тома целесообразно разделение материала на две части: первую, состоящую из текстов, расположенных в порядке алфавита ведущих имен, разночтений текстов и текстологического комментария, а также соответствующих указателей; и вторую, состоящую из лингвистического и реального комментариев, библиографии, справочного аппарата и указателей. Деление материала на две части диктуется не только чисто практическими соображениями (подготовка первой текстологической части отнимет меньше времени), но и структурой издания. Создание отдельной второй части — научного комментария — позволит избежать дублирования комментариев, неминуемого при притекстовых примечаниях.

Комментировать следует только «тюркологическую» часть текста. В спорных случаях, например, при этимологизации тюркизмов, необходимо приводить также противоположную, так сказать, антитюркскую точку зрения. Комментарий должен быть предельно сжатым без распространенных экскурсов, однако насыщенный библиографическим аппаратом, облегчающим дальнейшие разыскания. Полноценный комментарий может быть создан только в результате совместной работы специалистов-тюркологов, славистов, а для некоторых видов древнерусской литературы (особенно переводной) также византинистов.

С точки зрения реальных сроков подготовки издания, можно предположить, что составление томов, включающих «тюркологический» материал историографических источников (летописей), а также «Слова о полку Игореве», может быть завершено раньше, чем составленных из материала других тематических разделов (агиография, патрология и другие оригинальные сочинения, переводная литература), которые, за отдельными исключениями (например, житие св. Бориса и Глеба и некоторые другие княжеские жития, Киево-Печерский патерик), еще не располагают критическими изданиями текстов.

Создание на соответствующем научном уровне корпуса древнерусских сообщений, содержащих сведения о тюркских народностях, поможет углубить изучение их языка, культуры, быта и истории в период IX—XIII веков. Одновременно такое издание явилось бы прочным фундаментом для изучения языковых и других взаимосвязей тюркских и славянских народностей Восточной Европы в один из важнейших периодов истории их разнообразных контактов.

¹⁶ См.: Я. Р. Дашкевич. До історії українського *г*. (Графема *г* у вірменській передачі першої половини XIII ст.). — *Slavia. Praha*, 1977, seš. 3, стр. 227—235.

РЕЦЕНЗИИ

Р. Г. СИБАГАТОВ. ТЕОРИЯ ПРЕДИКАТИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

ИЗД-ВО САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, 1984, 208 стр.

Монография Р. Г. Сибатова представляет собой первое в тюркологии специальное исследование категории предикативности, которая, по общему признанию, является основным (конституирующим) признаком предложения и занимает центральное место среди других категорий языка.

В последнее время понятие предикативности используется в научной литературе довольно часто. Однако, как справедливо отмечает автор рецензируемой работы, лингвистическая сущность категории предикативности далеко еще не раскрыта. Отсутствует единое понимание ее грамматического содержания. Не получил однозначного решения вопрос о членах предикативного отношения. Не определены языковые средства, формирующие это отношение. Не разработан также вопрос об отношении категории предикативности к другой очень важной и сложной категории — модальности. Эти две категории не всегда четко разграничиваются, более того, даже смешиваются. Все это, говорится во введении к книге, делает специальное исследование категории предикативности актуальной лингвистической задачей.

При постановке и решении проблемы предикативности Р. Г. Сибатов исходит из учета того, что явление предикации лежит в основе не только предложения (как категории языка), но и суждения (как категории мышления). Это объясняет, почему обращение к теории суждения неизменно сопровождало рассмотрение проблемы предикативности в языкознании. Опираясь в решении проблемы предикативности на положения логики, лингвистика прежде всего берет на вооружение атрибутивную теорию суждения, предполагающую подчинение по объему понятий, выражающих субъект и предикат. При этом обращается внимание и на то, что анализ структуры предикативного сочетания должен учитывать отношение субъекта и предиката не только по объему, но и по содержанию. И, наконец, отмечается, что необходимо принимать во внимание познавательную

ценность, коммуникативную нагрузку противопоставляемых в предикативной конструкции частей. Каждый из этих аспектов анализа приводит к новым выводам, позволяет говорить об определенной важной стороне указанного соотношения: 1) обобщении, 2) ограничении, конкретизации, 3) выражении нового.

Подобный подход к предикативному сочетанию, по мнению автора, должен быть дополнен исследованием модального аспекта соотношения членов предикативной конструкции.

Основная методологическая установка автора заключается в признании двуплановости структуры предложения, в которой объединены две частные структуры, соответствующие двум планам: объективному (выражение отношения между предметом мысли и присущим ему признаком) и субъективному (выражение отношения говорящего лица). Таким образом, с одной стороны, две основные лексико-грамматические части предложения вступают во взаимоотношение, образуя номинативную основу предложения, с другой стороны, номинативная основа предложения противопоставляется единицам модального, субъективно характеризующего значения. «Соответственно, явление предикативности может быть адекватно описано только при одновременном учете реальности обеих структур... Однако решение проблемы предикативности не сводится к выделению и описанию той или иной отдельной структуры. Решение ее следует искать в области взаимосвязи и взаимодействия двух указанных структур» (стр. 16). Подобный подход к проблеме предикативности отличается несомненной новизной.

Решая эту проблему главным образом в русле семантического синтаксиса, Р. Г. Сибатов исходит из основополагающей идеи о единстве объективного и субъективного в структуре языка и строит свою концепцию с учетом относительной самостоятельности двух названных аспектов и возможности теоретического их выделения. На

основе такого подхода предикативность коммуникативно расчленяемых предложений определяется как модально (субъективно) характеризующее отношение. При этом автор четко устанавливает соотношение предикативных и собственно атрибутивных сочетаний. По его словам, атрибутивное сочетание — это тесное, непосредственное сцепление частей, а предикативное сочетание, в своей основе являющееся атрибутивным, отягощено модальной характеристикой.

В описании способов выражения предикативности Р. Г. Сибигатов придает принципиальное значение тому, что актуальное членение предложения является той базой, на которой устанавливаются предикативные отношения: содержание предложения относится к действительности через взаимоотношение компонентов актуального членения. Вместе с тем теория актуального членения предложения, по мнению автора, освещает лишь одну сторону акта предикации — выделение и противопоставление двух коммуникативно (логически) значимых частей. Вне поля зрения остается вторая сторона акта предикации — модально (субъективно) характеризующее отношение их. Именно эту сторону автор объявляет основным предметом исследования.

Предикативные конструкции в татарском языке Р. Г. Сибигатов, в зависимости от взаимоотношения актуального и синтаксического членений, подразделяет на три группы: 1) конструкции с совпадающими актуальным и синтаксическим членениями (предложения, подлежащее и сказуемое которых выражают **соответственно тему и ремю**, хотя при переносе логического ударения соотношение между темой и подлежащим, и ремой и сказуемым может измениться); 2) конструкции с несовпадающими актуальным и синтаксическим членениями (случай логического выделения иных, кроме сказуемого, членов предложения); 3) конструкции, актуальное и синтаксическое членения которых не противопоставляются (имеются в виду конструкции, возникшие в результате перестройки первичных построений с целью привести в соответствие актуальное и синтаксическое членения предложения; перенос логического ударения со сказуемого для таких предложений не характерен, хотя и возможен). Каждая группа предложений характеризуется особым набором присущих ей модальных средств.

Рассматривая вопрос о роли логического ударения в формировании предикативного отношения, автор включается в дискуссию о роли логического ударения в предложении. Он разделяет мнение о том, что логическое ударение присутствует в любом предложении, но при этом особо оговаривает, что признание обязательного характера логического ударения в предложении предполагает признание неразрывной связи понятий «логическое ударение» и «логически выделяемый член предложе-

ния» — рема, предикат. Сказуемое (группа сказуемого) в таком случае становится предикативным членом не потому, что оно сказуемое (то есть главный член со всеми присущими ему лексико-грамматическими характеристиками — признаковое значение, лицо, время, модальность), а потому, что на него падает логическое ударение. Категоричность формулировки вызвана стремлением обосновать общую авторскую установку, в соответствии с которой предикативная часть, в том числе выражаемая сказуемым, как таковая формируется прежде всего логическим ударением (стр. 74). Если сказуемое может выражать или не выражать ремю (предикат), причем в последнем случае основным средством перераспределения коммуникативной нагрузки является логическое ударение, то, казалось, можно было бы заключить, что и в первом случае предикативный член оформляется благодаря логическому ударению. Однако в монографии отмечается, что логическое ударение на сказуемом (в конце предложения), характеризующее пониженным тоном, не обладает достаточной акустической определенностью (стр. 73). Даже признавая справедливость тезиса об обязательности логического ударения в предложении, едва ли можно при этом считать его основным средством формирования предикативного члена. Думается, что средства, предназначенные для слухового восприятия и вместе с тем обладающие недостаточной акустической определенностью, вряд ли могут претендовать на роль основного маркера предикативного члена. Представляется более вероятным предположение, что позиция сказуемого при нейтральном порядке слов и интонации является все же основным фактором формирования ремы (предиката). Нам кажется неслучайным, что язык прибегает к конструктивным перестройкам предложений с нарушенным соотношением актуального и синтаксического членений — перестройкам, преследующим цель привести в соответствие актуальное и синтаксическое членения, в результате которых предикативная часть занимает позицию сказуемого. Это, на наш взгляд, естественно, поскольку, как отмечает и Р. Г. Сибигатов, «есть основания полагать, что подлежащее и сказуемое (или группы их) являются первичными формами выражения соответственно субъекта и предиката» (стр. 69), так что функция ремы (предиката) для предикативного члена, выраженного сказуемым, оказывается предопределенной его синтаксической позицией (однако в особых условиях, в частности при логическом ударении на другом члене предложения, предопределенность эта может и не реализоваться). Таким образом, если рассматривать все факты во взаимосвязи, то нужно будет признать наличие недооценки позиционного фактора формирования предикативного отношения.

Автор выделяет три группы предложений. В первой в формировании отношений меж-

ду компонентами предикативного сочетания участвуют средства как объективно-модального (формы времени и наклонения в их синтаксическом понимании), так и субъективно-модального содержания (логическое ударение, частицы, модальные слова). Этот способ расценивается как наиболее оптимальный, генетически первичный. «При этом отношение говорящего к связи явлений, обозначенных составами подлежащего и сказуемого, выражается максимально полно, настолько полно, насколько позволяет грамматическая структура языка вообще» (стр. 58). Это тот случай, когда понятие предикативности совпадает с известным в языкознании понятием сказуемости.

Во второй группе предложений рема-предикат выражается не сказуемым, а другими членами предложения, и сфера действия объективно-модальных средств, обнаруживаемых в составе сказуемого, не распространяется на характеристику отношения между выделяемыми логико-грамматическими составами; отношение между ними оформляется в качестве предикативного (субъективно характеризуемого) именно благодаря субъективно-модальным средствам (логическому ударению, частицам, модальным словам). Автор при этом показывает, что в предикативных конструкциях данного типа грамматические категории имеют объективно-модальное содержание (наклонение, время), однако с ограниченной сферой действия; они характеризуют сказуемое отношение, то есть отношение между подлежащим и сказуемым, входящих в этом случае в один из двух основных логико-грамматических составов. При этом, как видно, понятия предикативности и сказуемости не совпадают. Эти два явления функционируют самостоятельно, как два аспекта, два особых механизма предложения. В работе раскрывается сложность логико-грамматической структуры конструкций данного типа.

В монографии подробно описывается инвентарь и особенности функционирования в предложениях данных типов модальных средств татарского языка, показываются на большом материале их сложные взаимоотношения, в частности характер взаимодействия частиц и модальных слов, с одной стороны, и логического ударения — с другой.

Третий способ выражения предикативного отношения рассматривается в связи с предыдущим, как его дальнейшее развитие. Р. Г. Сибгатов пишет, что сложность предикативной структуры предложений, актуальное и синтаксическое членение которых не совпадают, усиливает тенденцию к созданию и употреблению целого ряда их синонимических форм, где рема-предикат, выраженный не сказуемым, а другими членами предложения, переоформляется как сказуемое. В результате такой трансформации противопоставление пред-

цируемого члена и сказуемого, характерное для предложений второй группы, исчезает. Выделяются два случая: 1) рема-предикат ставится в положение сказуемого путем перераспределения синтаксических функций членов предложения (ср. *Моны эйткэн — тимерче Магдэн абзый иде* 'это сказал кузнец Магдан-абзый' и *Моны тимерче Магдэн абзый эйтте*); 2) совмещение ремы-предиката и сказуемого осуществляется посредством эллипсиса: в предложении опускается глагольное сказуемое, и его место занимает другой (именной) член предложения (ср. *клуб үз урнында* 'клуб на своем месте' и *клуб үз урнында тора* 'клуб находится на своем месте').

Принципиально важным представляется следующая замечание автора: «...нельзя представлять дело так, будто каждое конкретное предложение, рассматриваемое как трансформированное, в своем образовании обязательно проходит два этапа: сначала имеет обычную конструкцию, представленную как исходная, а потом преобразуется, трансформируется» (стр. 134). Трансформированные предложения, как и предложения других типов, создаются в ходе речи по готовым схемам (моделям). Речь идет, таким образом, о трансформированном характере общей схемы (модели) однотипных предложений, а не каждого конкретного предложения в отдельности.

Одна из глав монографии посвящена описанию способов и средств выражения полупредикативного отношения. О полупредикативности автор считает целесообразным говорить применительно к конструкциям с второстепенным сказуемым, в качестве которого выступают условная форма глагола или же формы причастий, имен действий и т. п. (при совпадении субъектов действий, выраженных глаголом в личной форме и неличной формой/условной формой). Полупредикативность получает в работе следующее определение: «Полупредикативность... это такое же двучленное, содержащее модально-временные характеристики отношения, как и полная предикативность. Эти два проявления предикативности в логико-семантическом плане однотипны. Различие состоит лишь в языковых способах их выражения» (стр. 152).

В работе рассмотрены наиболее часто встречающиеся в татарском языке структурные схемы простого предложения с второстепенным сказуемым, вступающими в дополнительные предикативные отношения с подлежащим. Во всех рассматриваемых случаях констатируется двучленность предиката, расчлененность его; говорить о двух самостоятельных предикатах автор не считает возможным. Хотелось бы особо отметить вывод Р. Г. Сибгатова о том, что предложения с второстепенным сказуемым заметно устойчивы, для них обычно наличие соответствия между актуальным и синтаксическими членениями (таким образом, второстепенное сказуемое, подобно ос-

новному, сообщает новое). Тем самым автор стремится определить реальные критерии установления предикативности нелично-глагольных оборотов.

Выявление полупредикативных конструкций простого предложения позволяет по-новому ставить некоторые другие вопросы синтаксической теории. Р. Г. Сибгатов пишет, что «положение о выражении полу-предикативности в простом предложении, на первый взгляд, как будто ведет к размыванию границ между деепричастными, причастными и другими глагольно-именными оборотами, с одной стороны, и придаточными предложениями синтетического типа — с другой. В действительности же это может произойти тогда, когда их различение будет основано лишь на противопоставлении по признаку „выражает предикативность или же не выражает ее...” Различие сопоставляемых оборотов и придаточных предложений заключается в способах выражения в них предикативности и, пожалуй, в степени проявления данного признака» (стр. 162).

Автор приходит к выводу, что в простом предложении может быть не одно, а два или несколько предикативных ядер, неравноценных как по грамматической структуре, так и по коммуникативной значимости. Предикативное ядро может входить в другое как его часть, и, наоборот, предикативное ядро может включать в себя другое, что в конечном итоге «приводит к ступенчатому, разностепенному выражению предикативности» (стр. 163).

Значительное место в монографии уделено изучению особенностей функционирования модальных средств в предложении,

решению вопроса о структуре модальных значений. Автор исходит из того, что модальные средства обслуживают механизм предикации. Особенности функционирования в предложении таких модальных единиц, как частицы и модальные слова, Р. Г. Сибгатов определяет на основе принципа связи и взаимодействия их с логическим ударением.

Проблема модальных значений, по словам автора, выходит за рамки собственно лингвистической теории и решать ее необходимо комплексно, основываясь на положениях логики и философии. «При этом неизбежно возникают вопросы о принципиальной возможности раздвоения единиц языка (и сознания в целом) на объективные и субъективные компоненты, о характере и сущности каждого из этих компонентов и, наконец, об их реальном взаимоотношении — вопросы, имеющие методологическое значение» (стр. 180). На основе теоретического осмысления этих вопросов Р. Г. Сибгатов разрабатывает новую концепцию о модальном конституенте предикативной конструкции.

Работу Р. Г. Сибгатова можно с полным основанием квалифицировать как поисковую, предлагающую решение проблемы предикативности и отличающуюся основательностью, глубиной анализа исследуемой категории.

Работа выполнена на широкой логико-философской основе, в русле современных направлений языкознания и относится к исследованиям сугубо теоретического плана.

Е. А. Поцелуевский, Г. Ц. Пюрбеев

Ж. М. ГУЗЕЕВ. ПРОБЛЕМАТИКА СЛОВНИКА ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗД-ВО «ЭЛЬБРУС», НАЛЬЧИК, 1984, 158 стр.

В последние десятилетия проводится большая работа по собиранию и систематизации лексического богатства тюркских языков нашей страны и составлению их многотомных толковых словарей. К настоящему времени частично или полностью опубликованы толковые словари азербайджанского, казахского, татарского, туркменского, киргизского, узбекского языков, завершается составление трехтомных толковых словарей башкирского и карачаево-балкарского языков.

Для создания каждого из этих словарей лексикографами предварительно были разработаны специальные подробные инструк-

ции¹. Казалось бы, все это должно было способствовать выработке единых принципов создания толковых словарей и накопле-

¹ См.: «Руководство для составления „Толкового словаря башкирского языка“» (на башк. яз.), Уфа, 1966; «Словарь узбекского языка. Макет», Ташкент, 1970; И. Х. Ахматов. Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка» (в 3-х томах), Нальчик, 1976; «Инструкция для составления „Толкового словаря татарского языка“» (на татар. яз.), Казань, 1964 и др.

нию большого лексикографического опыта. Однако ознакомление с этими инструкциями и созданными на их основе толковыми словарями тюркских языков показывает, что в решении многих важных вопросов, связанных с проблематикой составления словарика, тюркологи придерживаются различных, часто противоположных точек зрения. Это свидетельствует о том, что в тюркологии пока отсутствуют единые критерии отбора слов словариков толковых словарей, тогда как от них во многом зависит качество создаваемых словарей.

Поэтому появление монографии Ж. М. Гузеева «Проблематика словарика толковых словарей тюркских языков» более чем своевременно. На основе изучения существующей теоретической литературы и анализа материалов толковых и двуязычных словарей тюркских языков автором впервые в тюркологии делаются важные обобщения по спорным вопросам составления словарика. Так, например, Ж. М. Гузеев приходит к выводу, что в толковые словари тюркских языков должна быть включена и определенная часть ненормативной лексики (стр. 9). Отвечая на вопрос, какая же часть ненормативной лексики должна быть включена в словарь, автор подробно останавливается на диалектизмах, историзмах, архаизмах, просторечных словах, заимствованной терминологии, не вошедшей в литературную норму, окказиональных словах. Анализ каждой из этих категорий слов посвящен самостоятельный раздел монографии.

В разделе «Диалектизмы» рассматриваются отличительные признаки диалектизмов и регионализмов, выявляются причины их появления, определяются критерии их отбора и включения в словарь толкового словаря. Автор справедливо отмечает, что регионализмы принадлежат к литературному языку и поэтому они должны быть включены в словники толковых и двуязычных словарей и снабжены пометами, указывающими на их ареал.

Ж. М. Гузеев подразделяет диалектизмы на группы: а) собственно-лексические, б) фонетические, в) лексико-семантические и др. Каждая из этих групп подробно характеризуется. Поскольку процесс проникновения диалектизмов в литературный язык является постоянным, лексикографы считают допустимым их включение в словарь. Однако, как показали исследования автора, «принципы отбора диалектизмов не разработаны с достаточной четкостью» (стр. 13). Ж. М. Гузеев подробно останавливается на этом вопросе и убедительно показывает, что усвоение диалектных слов литературным языком определяется многими факторами. По его мнению, фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы не должны включаться в словари, так как они не вносят ничего нового в словарный состав литературного языка и поэтому не могут быть им усвоены (стр. 16). Что же касается собственно-

лексических диалектизмов, то они обязательно должны включаться в словарь с соответствующей пометой. Этнографические диалектизмы являются общепонятными словами, поэтому они приводятся в словаре без каких-либо помет (стр. 18).

Историзмы и архаизмы Ж. М. Гузеев считает самостоятельными лексическими разрядами слов. К историзмам он относит слова, вышедшие из употребления в связи с исчезновением обозначаемых ими реалий.

Приведенный Ж. М. Гузеевым материал подтверждает мысль автора о том, что «толковые словари тюркских языков в вопросе отбора историзмов часто непоследовательны» (стр. 20). В них включаются часто малоупотребительные или вовсе не встречающиеся в литературном языке историзмы, даже их фонетические варианты и редко употребляемые производные. Имеются и другие недостатки. Так, например, составители указанных словарей часто не разграничивают историзмы и архаизмы. Нередки случаи, когда историзмы приводятся в словарях без стилистических помет, что противоречит принципу нормативности.

Как известно, принято считать, что толковые словари являются единственным источником, в котором можно найти толкование значений всех выпавших из языка слов (стр. 25). Ж. М. Гузеев выступает противником такой точки зрения. Он считает, что толковые словари современных литературных языков должны быть составлены на основе принципа нормативности. Анализируя собранный им материал, он приходит к выводу, что в существующих словарях при отборе историзмов и архаизмов «допускается произвол и субъективизм» (стр. 25) и четко определяет ту часть нормативной лексики, которую нужно включить в словарь толкового словаря.

Значительное внимание в работе уделено разграничению типов ненормативной лексики, раскрытию сущности окказиональных слов. Выявляя и описывая основные признаки последних, Ж. М. Гузеев утверждает, что окказионализмы относятся к ненормативной лексике: «Окказионализм — это неправомерность, т. е. нарушение грамматических, словообразовательных, семантических норм», — пишет автор и, отстаивая принцип нормативности, считает, что эта категория слов не может быть включена в словарь толкового словаря, ибо она засоряет язык (стр. 44). Что же касается существующих толковых словарей, «то почти в каждом из них имеются окказионализмы» (стр. 44). Ж. М. Гузеев указывает, что в эти словари включается ряд слов с аффиксом *-лык*, которые «сочинены самими составителями словарей по аналогии с литературными словами типа азерб. *адамлык* 'человечность', казах. *балалык*. 1. 'детство', 2. 'ребячество', татар. *байлык* 'богатство'. К числу слов, сочиненных самими составителями, автор ошибочно относит и такие, как *аклык* 'белизна', *бахачылык* 'бахче-

водство' (стр. 45). Нам кажется, что эти слова нельзя считать искусственно созданными, окказиональными словами. Вопрос о необходимости включения таких слов в словарь остается спорным², и автор монографии не дает его четкого решения.

В разделе, посвященном заимствованной терминологии, дан обзор специальной литературы. Ж. М. Гузеев отмечает, что предлагавшиеся до сих пор принципы и критерии отбора терминологической лексики для толковых словарей по существу сводятся к учету частотности употребления терминов в общелитературном языке. Однако некоторые слова-термины, известные и понятные носителям языка, могут и не употребляться в общелитературных источниках. Поэтому автор придерживается мнения, что при решении вопросов отбора терминов в общий словарь следует исходить не из принципа общепотребительности, а из принципа общеизвестности, то есть того положения, что носители языка знают значение данного слова, оно им понятно» (стр. 51). К таким общеизвестным терминам он предлагает относить слова, имеющие помимо своего основного терминологического значения еще и другое значение — нетерминологическое, а также термины, образующие производные слова, свидетельствующие об их словообразовательной активности. Термины второго рода и их производные также могут быть отражены в словаре в том случае, если они являются общеизвестными. Отсюда следует, что в общих словарях может быть отражена лишь нормативная и общеизвестная ненормативная лексика. Раздел монографии, посвященный вопросу о лексикографической разработке терминологической лексики, почему-то назван автором «Заимствованная терминология, не вошедшая в литературную норму». На наш взгляд, здесь имеется определенное несоответствие.

Вторая часть монографии «Производные формы» содержит подраздел «Регулярные словообразовательные формы», в котором рассматривается вопрос о лексикографировании слов с аффиксами *-лы, -сыз, -чы, -чан, -рак, -гыч, -дагы* и др. Этот вопрос является одним из самых сложных, что объясняется целым рядом причин. Во-первых, почти все эти аффиксы присоединяются не только к словам, относящимся к какой-либо одной части речи, но и к словам различных частей речи и их разнообразным формам. Например, аффикс *-ча* может быть присоединен практически ко всем именным частям речи. Ко всем именам существительным присоединяется аффикс *-лы*: *башилы* 'имеющий голову', *аякылы* 'имеющий ногу', *кыулакылы* 'имеющий ухо', *кёзю* 'имеющий глаза' и т. п. Безусловно, включение в словарь всех этих слов будет

загромождать его. Поэтому вопрос о том, в каких случаях следует отражать в словаре слова с указанными аффиксами, а в каких не следует, весьма актуален.

Наиболее полно и научно обоснованно этот сложный вопрос впервые был рассмотрен А. А. Юлдашевым на материале тюркско-русских словарей³. Ж. М. Гузеев, исходя из богатого материала толковых словарей тюркских языков, показывает, что составители этих словарей при отборе слов для включения в словарь часто придерживаются различных точек зрения. Указанные словоформы автор делит на две группы: а) нелексикализованные и б) лексикализованные. Рассматривая слова с указанными аффиксами в этом аспекте, он приходит к выводу, что наряду с лексикализованными формами слов, «ставшими самостоятельными лексическими единицами», в толковых словарях «нашли место сотни и тысячи регулярных словообразовательных форм с типовой структурой, значение которых легко выводится из производящей основы: казах. *абажурлы* 'имеющий абажур', *аллеялы* 'имеющий аллею'...» (стр. 61). Автор отмечает, что эти словообразовательные формы чрезвычайно продуктивны и все имеют одно типовое производное лексическое значение. Поэтому отражать их в словарях просто невозможно и к тому же представляется нецелесообразным (стр. 58), так как этот большой материал ничего ценного в себе не содержит и просто загромождает словарь. Задача лексикографа, указывает далее автор, заключается в том, чтобы выявить и отразить в словаре такие словоформы, которые, лексикализовавшись, выступают в роли полнокровных лексических единиц. В монографии рассматриваются подобные случаи лексикализации. С этой целью Ж. М. Гузеев анализирует слова с каждым из указанных аффиксов и устанавливает условия их лексикализации. Это позволяет ему сделать весьма интересные выводы и дать ряд рекомендаций, которые, безусловно, будут учитываться лексикографами тюркоязычных республик страны.

Не менее интересным и ценным является подробное описание в работе лексикализации различных грамматических форм слов, проведенное с привлечением богатого языкового материала тюркских языков. В этой части своей работы Ж. М. Гузеев рассматривает соотношение таких важных понятий, как «слово» и «часть речи», «формообразование» и «словообразование». С нашей точки зрения, автор при рассмотрении указанных вопросов допускает некоторые неточности в употреблении терминов. Так, аффиксы *-лы, -сыз, -чы, -чан, -рак, -гыч, -дагы* он называет деривационными, словообразующими, а слова с этими аффиксами «регулярными словообразовательными фор-

² А. А. Юлдашев. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972, стр. 102—121.

³ См.: А. А. Юлдашев. Указ. раб.

мами» (см., например, стр. 57). Когда же выясняется, к какой части речи относятся эти «словообразовательные формы», Ж. М. Гузев называет их уже «грамматическими формами слов». Об этом свидетельствует следующее его высказывание: «По сравнению с первыми грамматиками, в новых грамматиках тюркских языков словообразование и словоизменение более дифференцированы. Но тем не менее в них многие грамматические формы слов (разрядка наша. — И. А.) выдаются за слова, ср., например, кар.-балк. *кёзлю* 'имеющий глаза', *йюсюз* 'бездомный', казах. *кэарлы* 'снежный', *атасыз* 'не имеющий отца'...» (стр. 59).

Как известно, в языке встречаются различные варианты слов. Вопрос о принципах их отражения в тюркских общих словарях до сих пор не был предметом специального исследования и при лексикографировании вариантов слов допускается большой разноречивости. В связи с этим самостоятельную часть книги составляет раздел «Варианты слов». Здесь определяется понятие «варианты слова», дается их классификация, разрабатываются принципы их отбора для отражения в толковых словарях тюркских языков, что имеет большое научное и практическое значение.

Анализируя толковые словари тюркских языков, Ж. М. Гузев приходит к выводу, что в большинстве из них проблема разграничения фразеологических единиц, парных слов, повторов, сложносоставных глаголов, пословиц и поговорок разрешена неудовлетворительно. Точно так же обстоит дело и с разграничением фразеологической полисемии, омонимии, определением состава и формы фразеологических единиц. Все эти вопросы автор подробно рассматривает и разрешает на должном теоретическом уровне.

Как видно из вышеизложенного, в рецензируемой работе поставлены и решены многие важные вопросы тюркской лексикографии. Спорность ряда положений монографии нельзя ставить в упрек ее автору, который не идет проторенными путями и стремится найти самостоятельное решение рассматриваемых проблем.

Работа Ж. М. Гузеева «Проблематика словника толковых словарей тюркских языков» — это исследование, написанное на уровне современного языкознания, и положения его с большой пользой могут быть использованы составителями толковых и других словарей тюркских языков.

И. Х. Ахматов

Г. Е. КОРНИЛОВ. ИМИТАТИВЫ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ ЧУВАШСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, ЧЕБОКСАРЫ, 1984, 184 стр.

Рецензируемая книга включает предисловие, написанное редактором издания Н. А. Баскаковым, введение, три главы: «Учение Н. И. Ашмарина о мимемах и теории имитативов», «Обзор и опыт встречного исследования проблем имитативики в советском языкознании», «Опыт встречного исследования звуконазывающих корней с позиции чувашеведения и теории имитативов» и заключение.

Не повторяя оценок и частных выводов, сделанных нашими предшественниками, остановимся только на некоторых моментах рецензируемой монографии, предварительно отметив своеобразие ее стиля, многоплановость содержания, многоаспектность анализа, богатство использованного материала разносторонних языков и т. д. Мы ограничим свою задачу рассмотрением того основного, что отличает исследование Г. Е. Корнилова от других аналогичных по тематике работ, то есть сугубо теоретических вопросов.

Отметим прежде всего, что автор высказывает несколько необычные или, пожалуй, даже экстравагантные суждения относительно изначального состояния языка:

«По нашей теории все исконные корни всех языков по происхождению не слова, а имитативы, единицы качественно иного состояния речи» (стр. 67). «То, что мы называли... имитативом, соответствует предикативно-атрибутивной синтагме, то есть в конечном счете — предложению!» (стр. 12), и далее: «Первичный корень, как правило... не является и никогда не был словом, т. е. лексической единицей в современном понимании... Звуки, составляющие первичный корень, по происхождению являются не фонемами, а идеофонами, функционально равнозначными современному слову» (стр. 181).

Так, например, имитатив *КАП-* 'хватать' или 'цап!' состоит, по мнению Г. Е. Корнилова, из идеофонов *К-*, *-А-*, *-П*, несущих каждый сам по себе единицу смысла или смысловыразительную функцию (а ведь предшественники автора весь комплекс *КАП-* считают единым сложным звуком), в то время как количественно равный ему антиимитатив *кап* 'свиляватый наплав на дереве', состоит не из идеофонов, а из фонем */к/*, */а/*, */п/*, лишенных в отдельности смысловыразительных функций, нужных

лишь для совокупной символизации смысла и значения всей лексической единицы сразу и для различения смысла квазиомонимов (например: *кап* и *кан* 'емкость' и т. д.). При этом антиимитатив *кап* является словом (лексической единицей с единственно возможным ударением на вокалическом компоненте), а имитатив *КАП*-, характеризующий особым мелодическим рисунком, допускающий выделение силой голоса любых составляющих компонентов-идеофонов (*ККАП*-, *КААП*-, *КАПП*-) и, следовательно, характеризующий подобием фразового ударения и интонацией актуального членения, допускает рассмотрение его в качестве предложения (синтаксической единицы).

Таким образом, если предположить низшую стадию развития человеческой речи, представленную только имитативами, и условно противопоставить ее высшей стадии развития языка, представленной преимущественно антиимитативами, и если заняться поисками функциональных соответствий, то окажется, что современная фонема-звук соответствует только конкретному артикуляционному компоненту былого идеофона. Функции этого идеофона в современном языке выполняет слово. То, что Г. Е. Корнилов называет имитативом, соответствует предикативно-атрибутивной синтагме, то есть предложению!

С учетом того, что высокоразвитые приматам свойственна звуковая сигнализация (отдельные виды различают до ста звуко-сигналов), автор выделяет четыре качественно различных этапа развития человеческой речи: доимитативный (звуковая сигнализация, еще в какой-то степени аналогичная обезьяньей), имитативный (отразился в погашенном виде в составе производящих корней-радиксондов обычных современных «национальных» слов), постымитативный (продолжается по сей день), неизвестный будущий (предельно формализованный?).

Начало конца имитативного этапа, по Г. Е. Корнилову, относится ко времени уже первых актов взаимодействия выделившихся наречий, результатом чего были односторонние, двусторонние и многосторонние заимствования, вызвавшие оппозицию, — «наследуемые **непроизводные и производные имитативы**: **заимствованные непроизводные и производные имитативы**». Накопление непрозрачных заимствований, абсолютизация практики произвольного использования мотивированных по происхождению звуко сочетаний и т. п. — привели к тому, что возникло новое, более глубокое, противопоставление — «**имитативы : антиимитативы**», а это, в свою очередь, — к сосуществованию идеофонии имитативов и синхронной фонетики антиимитативов, та или иная степень унификации которых достигалась за счет ослабления позиций имитативов, число и употребительность которых все более сокращались.

Опуская очень интересные доказательства автора, объясняющие почему естественную человеческую речь следует считать в конечном счете искусственным созданием (стр. 53—58), являющимся одновременно и следствием, и результатом деятельности коллективного разума, остановимся на авторском понимании термина «имитатив». Термин «идеофон», как мы видели выше, в теории Г. Е. Корнилова закрепился в качестве базисной единицы низшего порядка и поэтому не может быть эквивалентом ашмаринского термина «мимема» (идеофон относится к имитативу как нефункционально фонема-звук относится к слову-антиимитативу); термин «мимема» не несет необходимой для теории Г. Е. Корнилова стержневой идеи абсолютной противоположности явлений в сфере подражаний: всему тому, что выходит за пределы этой сферы, поскольку Н. И. Ашмарин функционально и как объект разных дисциплин, требующих неодинаковых методов исследования, не противопоставлял мимемы «немимемам» в том плане и в тех аспектах, в которых противопоставляются имитативы и антиимитативы; терминологическое словосочетание «образные слеза» не только имеет второй, чисто литературоведческий смысл и традиции употребления, но — самое важное — с позиции теории имитативов подражания вовсе и не слова; традиционный термин «звукоподражание» абсолютным большинством авторов понимается узко, как подражание различным звукам и звучаниям, в то время как под термином имитатив автор рецензируемой монографии понимает подражание с помощью звуков объектам живой и неживой природы, а также их различным свойствам и качествам, отдельным событиям и явлениям; имитативы состоят из идеофонов, также выражающих единицу смысла; если в современных постымитативных языках имитативы низведены до статуса слов одной из частей речи, то в предыдущую, имитативную, эпоху это были единственно возможные максимальные отрезки речи, несущие в себе зародышевые состояния категорий предикативности, модальности, времени.

Согласно наблюдениям и умозаключениям автора монографии, имитатив — это и музыкальный образ, включающий в себя понятие о характерном признаке или свойстве, качестве отображаемого; это результат мысленного и художественного, эмоционального восприятия объекта или явления одновременно.

Имитатив исторически является фактом первобытного творчества человечества тем, из чего позднее возникнут в качестве самостоятельных элементов:

- 1) ритм, положенный в основу относительно изолированных от речи музыкальных мелодий;
- 2) воспринимаемая зрением характерная деталь явления или объекта, положенная в

основу почти полностью изолировавшейся от речи живописи;

3) эмоциональная окраска слова, положенная в основу поэтического творчества и прозаической стилизации;

4) чистое понятие или чистый смысл, положенные в основу логических умозаключений представителями конкретных наук и философии;

5) звуковые комплексы вторичных имитативов и производных имен, глаголов, служебных элементов и т. п., положенных в основу синтаксически нормированного постымитативного языка конкретных племен и народов.

Сказанное приводит Г. Е. Корнилова к мысли, что с изучением имитативов следует начинать не только попытки решения проблем глоттогенеза, но также и исследования в области истоков музыки, живописи, поэзии, философии.

С изложенным тесно связаны положения автора монографии, согласно которым компаративисты сближают преимущественно цельнооформленные слова; их не интересует история вообще, а занимает история конкретных языков; при этом ими не учитывается, что история отдельного языка в ретроспективе предельна и каждое слово имеет свое время возникновения и свою историю употребления и распространения, поэтому антиисторично восстановление архетипов для всех слов отдельного языка или семьи языков в единый хронологический срез так называемого праязыка. Ретроспективный выход за хронологические пределы новых языков современных и древних народов должен иметь целью не бесконечное реконструирование архетипов инвентаризованных на сегодня лексико-грамматических единиц, а восстановление давно изжитого качественно иного состояния речи вообще. Поэтому автор отвергает декларированное компаративистикой понимание древнейших корней в качестве лексических единиц, допускающих дальнейшее морфологическое членение, так как согласно его теории все исконные (или первичные) корни всех языков по происхождению — не слова, а имитативы, единицы качественно иного состояния речи (см. выше).

Тем не менее теория имитативов как наука в целом не противопоставляется Г. Е. Корниловым традиционному сравнительно-историческому языкознанию и не призвана его заменить. Имитативика, по мысли автора, должна дополнить компаративистику, четко разделив с ней объекты

исследования: хронологически имитативнику интересуют этап, предшествующий тому, рамками которого ограничены интересы компаративистики. Материально имитативнику интересуют главным образом первичный корень слова и живой имитативный фонд, в то время как компаративистику интересуют в первую очередь историческое словообразование и словоизменение, то есть суффиксы, префиксы, флексии, основы, слова-антиимитативы — в совокупности их исторических значений и функций. Из сказанного закономерно вытекает, что автор делает заявку на существование и утверждение нового направления в чувашеведении, тюркологии и языковедении вообще.

Исследователю, приверженному к методам сравнительно-исторического языкознания, монография Г. Е. Корнилова покажется, возможно, несколько «странный», но суть проблемы, поднятой им, сложнее, шире и глубже, и она сознательно выведена автором за пределы сравнительно-исторического языкознания. Идет ли эта работа в ногу со временем, когда основной костяк языковедов занимается историческими исследованиями национальных языков, — покажет время, однако любой отрицательный наскок при оценке книги Г. Е. Корнилова будет неуместен. При всем этом пока нет оснований полагать, что рецензируемая работа приблизила то время, когда будут раскрыты истоки возникновения языка и, следовательно, мышления.

Г. Е. Корнилов в своей книге вступает в острую полемику чуть ли не со всеми положениями своих предшественников, часто без упоминания имен последних.

Объем этимологий и сравнений в книге таков, что только в третьей главе (стр. 68—180) одних чувашских примеров приведено больше, чем в «Этимологическом словаре» В. Г. Егорова.

Само собой разумеется, наша рецензия не исчерпывает основных теоретических положений книги и не подвергает анализу собственно этимологическое ее содержание, ибо множество приводимых автором сравнений должна быть посвящена специальная критическая статья. Считаем монографию Г. Е. Корнилова «Имитативы в чувашском языке» событием, заслуживающим внимания как в чувашском языкознании, так и в тюркологии в целом, тем более что она способна стимулировать развитие ряда смежных дисциплин.

М. Р. Федотов

М. Б. БАЛАКАЕВ. КАЗАК ӘДЕБИ ТІЛІ ЖӘНЕ ОНЫҢ НОРМАЛАРЫ

КАЗАК ССР-інің «ҒЫЛЫМ» БАСПАСЫ, АЛМАТЫ, 1984, 184 стр.

Одной из наиболее дискуссионных не только в тюркологии, но и во всей лингвистической науке проблем является, как известно, проблема литературного языка. Немало сделано в ее разработке и казахскими языковедами. Недавно вышедшая в свет рецензируемая монография члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР М. Б. Балакаева, автора многочисленных работ по синтаксису, стилистике и культуре речи казахского языка, ряда учебников и учебных пособий для средних школ и вузов, представляет в этом отношении значительный интерес.

Монография М. Б. Балакаева состоит из предисловия и четырех глав.

В первой главе дан обстоятельный обзор имеющейся по данной проблеме литературы. Вопросов истории и развития литературного языка касались в своих работах почти все казахские лингвисты, однако специального исследования, посвященного этой проблеме, до сих пор еще не было. По мнению М. Б. Балакаева, это связано с недостаточной изученностью проблемы. Так, до настоящего времени нет более или менее обоснованного определения казахского литературного языка, не охарактеризованы его истоки, основные признаки, выполняемые им функции. Не разработана также научная периодизация истории казахского литературного языка.

Данные, приведенные М. Б. Балакаевым, свидетельствуют о том, что мнения казахских лингвистов о литературном языке, главным образом о его опорном диалекте, и периодизации его истории во многом расходятся.

Некоторые исследователи предлагают следующую периодизацию истории казахского языка: древний, новый, современный периоды, или родоплеменной, племенной периоды и период образования народности и нации (Г. Г. Мусабаев, Б. Кенжебаев). Отдельные ученые (Т. Р. Кордабаев) считают, что историю казахского литературного языка следует начинать со времени Великой Октябрьской социалистической революции; другие полагают, что литературный язык у казахов существовал еще до появления письменности (Р. Г. Сыдыкова).

По мнению С. А. Аманжолова, казахский литературный язык сложился на базе северо-восточного диалекта, на котором якобы писал великий поэт и просветитель прошлого столетия Абай Кунанбаев. Против этого категорически возражают М. О. Ауэзов, С. К. Кенесбаев и автор рецензируемой монографии М. Б. Балакаев, утверждающие, что казахский литературный язык формировался на основе общенародного казахского языка, имеющего не-

значительные местные различия лишь на уровне малых говоров. Ближе к этой точке зрения стоит и А. И. Искаков. Однако он, как считает М. Б. Балакаев, верно указывая три основных источника формирования казахского литературного языка (разговорный язык, язык фольклора, язык письменной литературы), в то же время необоснованно относит первые два источника к сфере литературного языка.

М. Б. Балакаев, сопоставляя различные точки зрения на статус казахского литературного языка, приходит к заключению, что причина расхождений кроется все же в недостаточной разработанности проблемы в целом.

Литературный язык рассматривается М. Б. Балакаевым как общественная категория, продукт социального и экономического развития общества. Подробно анализируя язык фольклора и народно-разговорный казахский язык, автор выявляет присущие им специфические особенности, противопоставляет им нормированность литературного языка, обязанного этим и другими своими достоинствами, по мнению М. Б. Балакаева, прежде всего тому, что он является письменным. Последнее обстоятельство способствует развитию стилистики и общественных функций языка. Основываясь на этом, автор предлагает следующее определение литературного языка: «Литературным языком называется высшая форма общенародного языка, в которой на основе письменной литературы сложились и утвердились определенные нормы; эта форма обладает разнообразными стилевыми системами и выполняет разнообразные общественные функции» (стр. 29). На наш взгляд, это определение достаточно полно характеризует сущность литературного языка, его структурные компоненты, функции.

В последующих главах автор пишет о путях пополнения лексики языка и формировании норм литературного языка. В книге содержится много интересного и полезного для преподавателей и студенчества, работников литературы и печати, способствующего овладению литературными нормами родного языка, повышению культуры устной и письменной речи.

Книга не лишена, на наш взгляд, некоторых недостатков. В ней имеются повторы, трудные для восприятия читателем места, отдельные высказывания и мысли автора порою не выглядят достаточно убедительными и аргументированными. Некоторые суждения автора представляются излишне категоричными. Так, в частности, выглядит не совсем правомерным вывод о том, что уровень исследований в области казахского литературного языка почти не

повысился за последние три десятилетия. Хотя проблема, конечно, окончательно и не решена, однако, все же имеются определенные успехи в ее изучении. Критикуя исследователей, считающих, что казахский литературный язык имеет многовековую историю, М. Б. Балакаев объясняет существование такого мнения опять-таки недостаточной изученностью самого объекта. В монографии неполно раскрыты призна-

ки разговорного языка, не совсем четко разграничиваются лексические дублеты и варианты и т. д.

Однако все это не снижает общего значения рецензируемой работы, являющейся единственной на сегодняшний день в казахской лингвистике монографией, посвященной проблеме литературного языка.

У. А. Айтбаев, Ф. Ф. Алиев

Х. ГУЛЯМОВ. УЗБЕКСКО-ТАДЖИКСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ (ЛЕКСИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ИЗД-ВО «ФАН», ТАШКЕНТ, 1983, 168 стр.

В формировании и развитии узбекского языка большую роль сыграли языки иранской группы — предшественники современного таджикского и сам таджикский язык. Языки ираноязычных племен — аборигенов территории современного Узбекистана, — населения с довольно развитой земледельческой культурой, искусством, ремеслами, не могли не повлиять на язык местных тюркских племен, которые вели тогда кочевой образ жизни. Таким образом, связи тюркоязычных и ираноязычных племен и народностей уходят в глубь истории. Об этом свидетельствуют хотя бы такие факты, как приезд послов из городов Согд и Бухара на похороны Кюльтегина, походы тюркских войск на левобережье Сырдарьи и др. Массовая миграция тюркоязычных кочевников в VI—IX веках в Среднюю Азию, совместная жизнь на общей территории упрочили и увековечили связи предков узбекского и таджикского народов. Уже в X веке существовало тюрко-согдийское двуязычие, о чем писал еще Махмуд Кашгари: «В городах Тираз, Мадина-тубайза (Акшахр) население говорит по-тюркски и по-согдийски»¹.

Поэтому влияние таджикского языка охватывает весь строй узбекского языка — от фонетики и лексики до синтаксиса. Однако результаты взаимодействия этих разностемных, но сосуществующих на общей территории языковых групп, влияние этого фактора на их историю и формирование диалектов изучены далеко не полностью.

Рецензируемая монография Х. Гулямова посвящена исследованию части этой большой проблемы. Автор рассматривает в семантико-этимологическом плане значительное количество слов узбекского языка, содержащих компоненты *sar* 'голова', *хуш* 'приятный', *каг* 'дело', 'работа', широко функционирующих в качестве аффиксидов и словообразующих элементов. Монография

состоит из краткого введения и трех глав, посвященных соответственно словам с указанными элементами. Главы делятся на гнезда, аналогичные гнездам историко-этимологических словарей. При этом автор анализирует не только морфологический состав слова, но и его семантическое развитие, широко используя материалы узбекского и таджикского литературных языков, их говоров, а также письменных памятников. Х. Гулямов показывает, с одной стороны, сочетаемость определенного слова со словообразующими аффиксами узбекского языка, семантические изменения его при этом, а с другой — таджикские омоаффиксы при каждом компоненте, приводит сведения об употреблении этих аффиксов в составе других таджикских слов, вошедших в узбекский язык. Например, в гнезде слова *сардари* 'главство, начальствование' рассматривается функционирование элементов *-sar*, *-karda*, *-kardalik* и др. (стр. 12—14). Представляют интерес, на наш взгляд, и семантико-этимологические исследования автора. Например, этимология *сарқит* (*салқут*) от *саҳл-қут*, 'остатки еды' (стр. 21—24), *бозор* 'базар, рынок' (стр. 27—37), *сарсари*, *сакалту* 'бродяга' (стр. 55—58), *сартия* 'сарты, страна сартов' (стр. 59), *авсар* 'глуповатый, придурковатый' (стр. 76—78), *хуштор* 'влюбленный, возлюбленный' (стр. 105—108), *чақ-чақ* 'беседа, разговор' (стр. 115—118) и др.

Анализируя слова с таджикскими компонентами, автор показывает пути развития семантики слова, взаимосвязь их различных оттенков и лексико-семантических вариантов. Однако некоторые этимологические связи, устанавливаемые Х. Гулямовым, могут вызвать возражения [ср., например, тюрк. *она* 'мать' и иранский аффикс прилагательных и наречий — *-она* (стр. 121)]; отдельные исторические явления толкуются автором недостаточно обоснованно, например, автор возражает против возможности произношения — *нохуш* так же как и *ноҳаш* в произведениях Али-

¹ Махмуд Кашгарий. Девону луготит турк. I том, Тошкент, 1959, стр. 66.

шера Навои (стр. 122), в то время как современное таджикское *хуш* (خوش) в языке дари (предшественник современных таджикского и персидского языков) произносилось *хваš*, поэтому рифмовка *хваš* и *хаš* в классическом персидском распространена широко, что и нашло частичное отражение в языке произведений Алишера Навои.

В рецензируемой работе семантико-этимологическому исследованию подвергнуто не около двухсот слов, как об этом пишет во введении автор, а значительно больше — свыше тысячи, ибо многие из них анализируются внутри этимологических словарных

гнезд. Однако отсутствие указателя затрудняет пользование книгой.

Работа Х. Гулямова является серьезным исследованием функционирования иранских лексических и словообразовательных средств в современном узбекском языке. Она соответствующим образом дополняет «Толковый словарь узбекского языка» и является первым шагом к созданию этимологического словаря узбекского языка и углубленному специальному изучению вопросов узбекско-таджикских языковых связей на конкретном фактическом материале.

Х. Г. Нигматов, Н. Раджабов

И. Ф. ФАРМОНОВ. НЕКОТОРЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОШСКО-УЗГЕНСКОГО ДИАЛЕКТА УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО ТАШКЕНТСКОГО ГОСПЕДИНСТИТУТА им. НИЗАМИ,

ТАШКЕНТ, 1983, 98 стр.

Рецензируемая книга посвящена изучению ошско-узгенского диалекта, сыгравшего наряду с другими диалектами важную роль в формировании и развитии узбекского литературного языка. Следует отметить значение работы для изучения языковых фактов в плане диахронии.

Книга включает предисловие, введение, описание особенностей и словарь ошско-узгенского диалекта узбекского языка.

На наш взгляд, представляют интерес приведенные в книге данные по топонимии Ферганской долины, о многочисленных городах и населенных пунктах Узбекистана и Киргизии. Особо следует отметить сведения об истории городов Ош и Узген. По собранному в книге материалу видно, что автор широко использовал имеющуюся литературу по проблеме и письменные памятники, что позволило ему интерпретировать многие топонимы, раскрыть значения и предложить этимологию отдельных лексических единиц.

На основе обширного теоретического и фактического материала И. Ф. Фармонова

удалось выявить основные лексические особенности ошско-узгенского диалекта в сравнительно-историческом аспекте и осветить такие вопросы, как отношение диалекта к языку памятников XI века, к лексике памятников XV века, к узбекскому литературному языку и т. д.

В работе приводятся и анализируются материалы, связанные с влиянием и взаимодействием диалектов узбекского и киргизского, узбекского и уйгурского языков.

Новые данные приведены автором по топонимии населенных пунктов, расположенных на территории Ошской области Киргизской ССР. Словарь, включенный в книгу, может быть использован диалектологами и историками языка для правильного толкования многих слов.

Монография И. Ф. Фармонова, представляет несомненный интерес для диалектологов-тюркологов, преподавателей и студентов вузов филологического профиля.

Т. Тургунов, А. Мамажанов

ЮСУФ БАЛАСАГУНСКИЙ «БЛАГОДАТНОЕ ЗНАНИЕ»

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛ С. Н. ИВАНОВ

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1983, 557 стр.

*Рожденные смертны, и жизнь быстротечна,
А доброе слово бессмертно и вечно.*

(Юсуф Баласагунский «Благодатное знание»)

Издательство «Наука» в серии «Литературные памятники» выпустило под редакцией академика А. Н. Кононова первый

полный поэтический перевод на русский язык уникального памятника тюркской литературы XI века — поэмы Юсуфа Бала-

сагунского «Благодатное знание» — «Кутадгу билиг». Поэтический перевод выполнен с оригинала С. Н. Ивановым¹.

«Кутадгу билиг» — дидактическая поэма, жанр ее уходит в глубокую древность. Это — философское произведение, в котором поднимаются так называемые «вечные вопросы» смысла и назначения человеческой жизни, определяются этические нормы поведения человека в обществе. Поэма Юсуфа Баласагунского остается пока еще первым, старейшим и единственным дошедшим до нас тюркоязычным сочинением, основанным на мусульманской идеологии. Она по праву входит в бесценную сокровищницу культурного наследия народов Средней Азии.

Юсуф Баласагунский был удостоен высокого придворного звания *улуг хасс-хаджиб*, то есть главы всего придворного штата. Это был высокообразованный человек, выдающийся ученый-энциклопедист, поэт-философ, владевший всем арсеналом технических средств арабской и персидской поэзии, и знаток тюркского фольклора. Поэтому в его «Благодатном знании», совершенном по форме, глубоко по содержанию и обширном по объему (13434 рифмующихся строк), нашли яркое и высокохудожественное воплощение общечеловеческие устремления и идеалы, близкие людям всех времен².

Все прежние, так называемые филологические, переводы на русский язык поэмы Юсуфа Баласагунского, в том числе переводы отрывков из нее С. Е. Малова, А. А. Валитовой, Г. А. Абдурахманова, а также фрагменты, включенные в «Древнетюркский словарь», представляют собой фактически лишь квалифицированные подстрочники. В них отсутствует главное — эстетика и художественность оригинала³. Последнее относится и к вольной версификации немецкого подстрочника (отдельных частей перевода В. В. Радлова), выполненной Н. Гребневым⁴ вне связи с оригинальным текстом. Переводчику не удалось до конца постигнуть и адекватно воссоздать средствами русского языка художественные особенности оригинала Юсуфа Баласагунского, соединившего в своей поэме самобытную тюркскую и грабо-персидскую поэтическую традиции. Для этого от переводчика требуются глубокие специальные и фоновые знания⁵. Перевод С. Н. Иванова представляет собой поэтическое, художественное истолкование текста, сочетая точность филологического перевода с адекватным воссозданием художественных особенностей оригинала.

Перед переводчиком поэтического текста стоит, как известно, триединая задача: во-первых, точно передать смысл, адекватно воспроизвести поэтическую мысль подлинника; во-вторых, сохранить особенности его формы, то есть воссоздать поэтику; в-треть-

их, добиться, чтобы перевод стал явлением родной национальной литературы.

Составляющее предварительный этап художественного воссоздания оригинала истолкование оригинального текста по содержанию, уяснение «вербального» смысла текста подлинника, извлечение смысла из «темных» для современного читателя мест поэмы, осуществленные С. Н. Ивановым, отличаются точностью и ясностью в отношении как предметно-логического, так и коннотативного содержания. С. Н. Иванов, глубоко изучивший тюркскую духовную и материальную культуру, во многих спорных случаях дает свое толкование текста, часто в рамках контекста наиболее удачное и мотивированное, как произошло, например, с бейтом № 622, который разными учеными (В. В. Радлов, С. Е. Малов, К. К. Каримов, Р. Р. Арат) переводился по-разному⁶. С. Н. Иванов предложил свой перевод, правильность которого подтверждается контекстом бейтов № 647, 661 и 662, также по-разному переведившимися исследователями.

№ 647: *topik yastadig emdi oldurguka ne oldrug yiri bu ma könglün uka*⁷.

1) Перевод В. В. Радлова:

«Ты давил на глину (?),
чтобы усесться напротив,
Ты не слушал моих слов,
склонялся ко сну»⁸.

2) Перевод С. Е. Малова:

«Ты растянул свои ноги (колени)
теперь для сиденья.
Что за место сидения (у тебя), —
скажи это мне»⁹.

Перевод С. Н. Иванова открывает читателю простой, но скрытый смысл этого бейта:

«И ноги ты выпятил здесь не по чести,
Ответствуй: тебе ли сидеть в этом месте?»

Дальнейшее развитие эта тема получает в бейтах № 661 и 662:

№ 661: *topik yirde urdum bu söz berkitü özüм yangzagını sanga körkütü.*

№ 662: *netek kim orunsuz topik yuvlunur ani teg me devlet özüм yолunur.*

1) Перевод В. В. Радлова:

№ 661: «Глину (?) я клал на землю,
чтобы подтвердить это слово,
Чтобы показать тебе,
что мой образ — таков».

№ 662: «Как каждый, у кого нет места,
накапливает для себя глину (?),
Так за ним сам следует каждый
успех»¹⁰.

2) Перевод С. Е. Малова:

№ 661: «Я расположил
к (соответствующему) месту
(букв. на земле) свои коленные
чашечки (стихи?).
Я укрепляю так эти слова.
Я показываю тебе свое
изображение».

№ 662: «Подобно тому, как если кто
без места, то колени (его)

просверливаются (натруждаются
от голого пола).

Подобно этому и счастье,
и я сам изменяюсь (вращаюсь)¹¹.

С. Н. Иванов проникает в символику
текста и окончательно проясняет смысл про-
исходящего, вводя одновременно читателя
в образный мир древних тюрков:

№ 661: «Хотел я сказать, протянувши
ступни,

Что вот, мол, с чем схож я, —
на это взгляни».

№ 662: «Как ноги всеместно, бессменно
идут,

Так мне, знаку Счастья,
неведом приют».

Ограничиваясь только этими примерами,
число которых можно было бы умножить,
необходимо отметить, что творческим прин-
ципом С. Н. Иванова является не буква-
лизм, а функциональная, «поэтическая»
адекватность перевода оригиналу при мак-
симально близком истолковании вербально-
го смысла подлинника. Это соответствует
основным теоретическим установкам и луч-
шим традициям советской школы поэтиче-
ского перевода. С. Н. Иванову, таким обра-
зом, во многих случаях удается успешно
преодолеть трудности, связанные с много-
вековой отдаленностью текста, со знанием
дела его истолковать и адекватно воспроиз-
вести авторскую поэтическую мысль.

Основной принцип С. Н. Иванова-пере-
водчика заключается в «художественном
истолковании текста», обоснованный им в
его теоретических работах¹².

С. Н. Иванов-переводчик сумел передать
особенности эвфонии оригинала, на-
пример, ярко выраженную тенденцию к на-
чальной, междусловной и междустиховой
аллитерации, характерной для древнего
тюркского стиха, что легко обнаруживает-
ся в следующих примерах:

№ 142: üçi yazkı yıldız üçi yaykı bil
üçü küzki yıldız üçü kışkı bil.
«Три знака весенних, три —
связаны с летом,

Три знака — осенним,
три — зимним приметам».

№ 2300—2301:

Siyaset yoritgu kerek sü başı
Siyasetka aşığ bolur sü işi
Siyaset yoritısa sü başlıg bolur
Süsi başlıg erse er aşığ bolur.
‘Глава над войсками

для власти — опора,
Где лад в ратном деле —
правление споро.

Где сильная власть,
там и рать для защиты,
Где войско возглавлено —
воины сыты’.

Особо следует отметить удачную переда-
чу переводчиком особенностей рифмовки
подлинника, в частности, глубокой рифмы
с редифом и омонимической рифмы:

№ 254: бүгү beg kim erse biligke yakır
biliglig kişig kılınış özke yakır.

‘Властитель, что правит
в законах разумных,
К себе приближает ученых,
разумных’.

№ 897: bu edgüg bilir ol kişi edgü tip
asığlıg erürin munı kılgu tip.

‘О том, что лишь добрый —
радатель добра,
И чем для людей добродетель
добра’.

Что касается поэтической лек-
сикки, то перевод С. Н. Иванова весьма
близок «духу» подлинника, сохраняет в
пределах возможного его художественно-
стилистическое единство. В первую очередь
это относится к характеру изобразительных
средств перевода, в основном относящихся
к автологическому типу словоупотребления
(сравнение, эпитет, олицетворение, лишен-
ное в контексте поэмы металоогического ха-
рактера). С. Н. Иванов избегает «пышной»,
нарочито цветистой метафоричности поэти-
ческих выражений, якобы традиционно
характеризующих «восточную поэзию», тог-
да как на самом деле для средневековой
восточной поэзии было характерно отсут-
ствие подобных «поэтических красот». Осно-
ву образа составляла рационалистическая
окрашенность бейта, контраст или гармо-
ния смыслов, содержащихся в нем¹³. Труд-
нодостижимая простота — вот главное до-
стоинство и мерило художественной цен-
ности поэтического стиля с точки зрения
восточной теории поэтической речи¹⁴, обо-
начавшей этот стиль специальным терми-
ном — *сахле мумтани*¹⁵. В рамках именно
такой поэтической эстетики написана и поэ-
ма «Кутадгу билиг». Ее художественные
средства отличаются отсутствием остроты,
выраженной автологичностью и сдержан-
ностью. С. Н. Иванов стремится строго
следовать эстетике средневековой тюркской
поэзии и — что особенно важно — автор-
скому замыслу. К. И. Чуковский писал: «Ка-
залось бы, нетрудное дело — переводить
данного автора дословно, не украшая, не
улучшая его, а между тем это до такой
степени трудно, что этому надо прилежно
и долго учиться... Лишь путем долгого
искусства переводчик научится обуздывать в
себе стремление к личному творчеству,
чтобы стать верным и честным товарищем,
а не беспардонным хозяином переводимого
автора»¹⁶.

С. Н. Иванову удалось воссоздать в пе-
реводе особенности структуры оригинально-
го текста, обусловленные наличием в нем
поэтических фигур арабо-персидской поэти-
ки. Переводчик создает русские модели та-
ких, например, фигур, как *таддад*, *тенасюб*
(*мураат ан-назир*), разные виды *таджни-
са*, *иштикак*. Пример моделирования фигу-
ры *иштикак* можно видеть в переводе бейта
№ 1106:

tü nimet yiding me tiriglik
yiding
ölüm yir sini sen usanma öküş.

Здесь указанную фигуру образуют разные

формы и значения глагола *je- jiding* 'вкусил (блага)', (*tiriglik jiding* 'пользовался (жизнью)', *jig* 'съест, поглотит'. Точный филологический перевод данного бейта в «Древнетюркском словаре» не дает необходимого представления об этом эстетически важном поэтическом явлении, что обедняет перевод, лишая его своеобразия оригинала: «вкусил ли ты всяческие удовольствия и пользовался жизнью (или нет), смерть унесет тебя, не проявляй излишнюю беспечность»¹⁷. Используя одно из значений глагола *je-* 'поглощать', С. Н. Иванов на основе его форм реконструирует фигуру *иштика* и тем самым — своеобразную архитектуру стиха:

«Глотавшему блага вся жизнь —

что глоток,

Поглотит и смерть тебя — час недалек».

В поэтическом синтаксисе наиболее отчетливо проявляется специфика индивидуального словесно-художественного стиля писателя. Поэтому воссоздание в художественном переводе синтаксических особенностей оригинала имеет первостепенное значение. С. Н. Ивановым в переводе сделано многое для сохранения основных типичных конструкций поэтического синтаксиса оригинала и фигур арабо-персидской поэтики, например, в бейте № 1621 моделируются две фигуры — *радд ал-аджуз ала-с-садр* и *иаде*. Характерной для оригинала является предельно сжатая форма синтаксических конструкций, стремление автора к афористичности — основному критерию при оценке художественности бейта¹⁸. Сохранение этой важной особенности оригинала¹⁹ переводчик считал одной из своих главных задач²⁰.

Для этого переводчик подбирал в русском синтаксисе конструкции, функционально аналогичные оригинальным, в частности — эллиптические. Благодаря этому переводчику удалось во многом сохранить выразительность изречений «Кутадгу билиг» в естественной для русского языка форме. Примером может служить бейт № 176:

*tilig ked küdezigil küdezdildi baş
sözünge kisurgil uzatildi yaş.*

В «Древнетюркском словаре» дан следующий перевод этого бейта: «Следи хорошенько за языком и (тогда скажешь, что) сохранена голова. Говори покороче и (скажешь, что) жизнь продлена»²¹. Вместе с пояснительными словами перевод включает 17 слов против 9 в оригинале плюс «утраченное» синтаксиса и утрата выразительности. Отвергая формалистически-буквальное следование подлиннику, С. Н. Иванов создает свой вариант перевода, вполне адекватный оригинальному бейту:

«Язык придержал — и цела голова,
И долго твой век, если кратко слова».

Разрабатывая принципы передачи ритма тюркоязычной поэзии средствами русской просодии, С. Н. Иванов приходит к

заклучению, что больше других для этого подходят трехсложные русские размеры. Заметное выделение ударного слога в этих размерах и, соответственно, протяженности ударного гласного создает эффект имитации долгот тюркского оригинала²². Поэтому для передачи размера подлинника (*мутакариб*) переводчик избрал четырехстопный амфибрахий, который наилучшим образом средствами русского стиха передает «напевность» и «свободное дыхание» размера *аруз* — квантитативной системы стихосложения²³. Хотя в русской поэтической традиции «напевными» считаются трехсложники²⁴, использование четырехсложного амфибрахия в данном случае оправдано в связи с его семантическим ореолом в классической русской поэзии, его нетрадиционностью, что благоприятствует передаче этим размером иноязычной поэзии. Кроме того, внешние системные связи указанного метра сразу настраивают читателя на нужный круг образов, мотивов и эмоций²⁵. Благодаря удачно подобранному метрическому размеру переводчику удалось верно передать основную тональность поэзии Юсуфа Баласагунского и максимально приблизиться к оригиналу его поэмы.

«Благодатное знание» — полностью соответствует основной методической установке советской школы поэтического перевода, заключающейся в стремлении донести до читателей национальный характер переводимого художественного произведения, избегнув какой бы то ни было его русификации²⁶.

Большое эстетическое и художественное значение имеет созданная переводчиком при помощи архаизмов дистанция времени. Архаизация лексики перевода, не имеющая формального соответствия в оригинале, обусловлена архаичностью содержания религиозных и схоластических представлений эпохи, а не языковой формой их воплощения в оригинале²⁷. Однако при этом перевод сделан на безукоризненно правильный современный русский литературный язык. Архаичная лексика используется переводчиком лишь для дополнительной стилистической нюансировки. В основе лексического богатства перевода лежит, в частности, мастерское и щедрое применение переводчиком синонимов.

От переводчика требуется умелое применение функционально-стилевого расслоения современной русской лексики. Образующиеся при этом в границах единства стиля всего перевода тонкие стилистические нюансы и переходы заметно влияют на непосредственное художественное впечатление, сообщая ему разнообразие, рельефность и эмоциональную насыщенность. Осуществленная С. Н. Ивановым экспрессивно-стилистическая конкретизация древнетюркской лексики выглядит убедительно и представляет значительный интерес с точки зрения исторической тюркской лексикологии.

Творчески развивая богатые традиции замечательных переводов с восточных языков И. Бичурина, К. Коссовича, О. Сенковского и М. Салье, С. Н. Иванов знакомит русского читателя с одним из лучших образцов средневековой тюркоязычной поэзии.

М. С. Фомкин

¹ Основой для перевода послужил сводный транскрипционный текст сочинения, составленный турецким ученым Р. Р. Аратом по трем известным спискам «Благодатного знания» (см. *Resid Rahmeti Arat. Kutadgu bilig. I. Metin, Istanbul, 1947*).

² См.: А. Н. Кононов. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание». — В рецензируемой кн.: Юсуф Баласагунский. «Благодатное знание», стр. 496, 501, 502, 505—507, 517.

³ Подробнее об этом см.: С. Н. Иванов. О «Благодатном знании» Юсуфа Баласагунского. — В рецензируемой кн.: Юсуф Баласагунский «Благодатное знание», стр. 531—543 (в дальнейшем: Иванов. О «Благодатном знании»).

⁴ Юсуф Хас-Хаджиб. Наука быть счастливым. Избранные главы. Перевод Наума Гребнева. Ташкент, 1963; Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский. Наука быть счастливым. Перевод Наума Гребнева, М., 1971.

⁵ Подробнее об этом см.: А. В. Федоров. Искусство перевода и жизнь литературы. Очерки. Л., 1983, стр. 14.

⁶ См.: С. Н. Иванов. О «Благодатном знании», стр. 533.

⁷ Примеры приведены в упрощенной транскрипции по указанному выше изданию Р. Р. Арата, нумерация бейтов которого соответствует нумерации перевода С. Н. Иванова.

⁸ W. Radloff. Das Kutadgu Bilik des Jusuf Chass-Hadschib ans Balasagun. T. II. Text und Übersetzung nach dem Handschriften von Wien und Kairo. St. Petersburg, 1900, стр. 61. Этот и последующие примеры из В. В. Радлова переведены на русский язык нами.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.—Л., 1951, стр. 284.

¹⁰ W. Radloff. Указ. раб., стр. 62.

¹¹ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 284—285.

¹² См.: С. Н. Иванов. Лирика Насими и вопросы ее переводческого истолкования. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 22—23; его же. Поэма Алишера Навои «Язык птиц». — Сб. «Мастерство перевода», № 10. 1974. М., 1975, стр. 136, 144 (в дальнейшем: Иванов. Поэма А. Навои); Иванов. О «Благодатном знании», стр. 533—534.

¹³ Иванов. О «Благодатном знании», стр. 535.

¹⁴ Н. И. Пригарина. Образное содержание бейта в поэзии на персидском языке. — «Восточная поэтика. Специфика художественного образа», М., 1983, стр. 89.

¹⁵ Н. Ю. Чаликова. Трактат «Хадаик ас-сикр фи даканк аш-шир» Рашид ад-Дина Ватвата. Исследование и перевод текста. Канд. дисс., М., 1980, стр. 101.

¹⁶ К. Чуковский. Высокое искусство. М., 1941, стр. 82.

¹⁷ «Древнетюркский словарь», Л., 1969, стр. 562.

¹⁸ Иванов. Поэма А. Навои, стр. 153; Иванов. О «Благодатном знании», стр. 527.

¹⁹ А. А. Валитова. О некоторых поэтических особенностях «Кутадгу билиг». М., 1960, стр. 8.

²⁰ Иванов. О «Благодатном знании», стр. 534.

²¹ «Древнетюркский словарь», стр. 324, 620.

²² Иванов. О «Благодатном знании», стр. 535; Иванов. Поэма А. Навои, стр. 150.

²³ Подробнее об этом см.: А. Джафар. Теоретические основы аруза и азербайджанский аруз. Автореф. докт. дисс., Баку, 1968, стр. 34, 36; Л. Тимофеев. Стихосложение. — «Словарь литературоведческих терминов», М., 1974, стр. 380.

²⁴ В. М. Жирмунский. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977, стр. 71; Б. М. Эйхенбаум. Мелодика стиха. Пг., 1922, стр. 95.

²⁵ М. Л. Гаспаров. Семантический ореол метра (К семантике русского трехстопного ямба). — «Лингвистика и поэтика». М., 1979, стр. 283.

²⁶ К. Чуковский. Высокое искусство, стр. 74—80.

²⁷ См.: А. В. Федоров. Искусство перевода и жизнь литературы, стр. 320.

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОГО УЙГУРОВЕДЕНИЯ. МАТЕРИАЛЫ 1-й РЕСПУБЛИКАНСКОЙ УЙГУРОВЕДЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ»

ИЗД-ВО «НАУКА», АЛМА-АТА, 1983, 272 стр.

Советские тюркологи всегда уделяли большое внимание проблемам уйгуроведения. Как известно, уйгурская культура оказала большое влияние на культуру и языки многих тюркоязычных народов. Поэтому интерес к ее изучению никогда не ослабевал.

Первая Республиканская уйгуроведческая конференция, состоялась в Алма-Ате 29—31 мая 1979 года. Она была организована президиумом Академии наук Казахской ССР и отделом уйгуроведения Института языкознания Академии наук Казахской ССР. В работе конференции принимали участие ученые Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Ташкента, Фрунзе, Новосибирска и многих других городов страны. Издание материалов этой конференции имеет, несомненно, важное значение как для дальнейшего развития уйгуроведения, так и для тюркологии в целом.

Структура рецензируемого издания соответствует программе работы конференции. Первый раздел составляют сообщения и доклады пленарного заседания, затем следуют материалы заседаний секций: 1) языкознания, 2) литературоведения и искусствоведения, 3) истории и этнографии. Завершают сборник резолюция конференции «Актуальные проблемы советского уйгуроведения» и рекомендации по разделам.

Заслушанный на пленарном заседании доклад Н. А. Баскакова (Москва) «Основные вехи развития советского уйгуроведения» посвящен главным направлениям исследований по уйгуроведению, проводившихся после Октябрьской революции, а также различным их этапам и ближайшим задачам в этой области. Коллективное сообщение Э. Н. Наджила (Москва), А. Т. Кайдарова и Г. С. Садвакасова (Алма-Ата) «Уйгурское языкознание в СССР на данном этапе. Итоги и проблемы» убедительно показывает, что уйгурское языкознание получило подлинно широкое развитие только в советское время. Причем в довоенный период преобладали разработки практического характера, в послевоенный же период основное место заняли теоретические исследования. В сообщении дается обзор работ по истории и диалектологии уйгурского языка, по его грамматическому строю, лексикологии, фонетике, терминологии, намечаются основные задачи, стоящие перед уйгурским языкознанием.

В сборнике публикуются совместные доклады К. Тохтамова, М. Алиевой (Алма-Ата) и У. Маматахунова (Ташкент) «Развитие литературы и искусства советских уйгуров», Г. М. Исакова (Алма-Ата), С. Г. Кляшторного, А. М. Решетова (Ленинград)

и Т. Р. Рахимова (Москва) «Достижения советских ученых в историко-этнографическом изучении уйгуров».

В сообщении Т. Талипова (Алма-Ата) «К вопросу о тенденции соноризации анлаута в истории тюркских языков на материале уйгурского языка» рассматривается тенденция к трансформации звуков *й*, *ж* и *ж*. Сообщение М. И. Трофимова (Ош) «О явлениях палатализации гласных в русизмах современного уйгурского языка» посвящено отражению различных вариантов русской фонемы *а* и русской, редуцированной фонемы *о* в уйгурском языке.

В ряде сообщений рассматриваются различные вопросы грамматического строя современного уйгурского языка: К. Мелиева (Ташкент) «Деепричастные формы на -гил (-гини), -геч (-гечи) в современном уйгурском языке», А. Хамитова (Ташкент) «К вопросу о степенях сравнения имен прилагательных в современном уйгурском языке», К. А. Шарипова (Ташкент) «Аффиксальная синонимия в системе имен существительных, обозначающих название лица, в современном уйгурском языке», А. Х. Дугашева (Алма-Ата) «Ласкательно-уменьшительные слова в уйгурском языке».

Ряд публикаций посвящен проблемам лексикологии и лексикографии. В сообщении Ш. В. Кибирова (Алма-Ата) «Некоторые вопросы составления толковых словарей тюркских языков» рассматриваются общие проблемы составления толковых словарей тюркских языков. Проблемам лексикологии посвящены сообщения: И. Исмаилова (Ташкент) «Изучение современного состояния терминов родства у уйгуров», О. А. Султаньяева (Кокчетав) «Титулы и чины Восточного Туркестана в сочинениях Ч. Валиханова», Ш. Баратова (Алма-Ата) «Термины, выражающие меру длины в уйгурском языке». Фразеологии посвящено сообщение Э. А. Умарова (Ташкент) «История двух уйгурских идиом».

Большое место в материалах конференции заняли вопросы взаимодействия уйгурского языка с другими языками, которым были посвящены доклады: Х. А. Насырова (Ленинабад) «О некоторых грамматических особенностях таджикско-персидских заимствований в системе уйгурской фразеологии», А. Б. Ибрагимовой (Ташкент) «Уйгурские слова в „Келур-наме“ Мухаммеда Якуба Чинги». В сообщении О. Накисбекова и А. Иманбаева (Алма-Ата) «Уйгурские лексические элементы в казахском языке на уровне юго-восточного говора казахского языка» рассмотрен один из аспектов взаимодействия уйгурского языка с другими тюркскими языками. Авторами сопоставля-

ются те группы уйгурских слов, которые были заимствованы казахами для выражения понятий и названий предметов, употребляемых в специфических условиях быта уйгуров, относящихся к отсутствовавшим у казахов отраслям хозяйства.

В уйгурском языке в результате лексических заимствований появилось большое количество омонимов. Этой проблеме посвящено сообщение О. А. Мизина (Елабуга) «Проблема омонимов как результат лексических заимствований в уйгурском языке». В языке уйгуров Синьцзяна основным источником омонимов являются заимствования из китайского.

В материалах конференции значительное место занимают проблемы истории уйгурского и других тюркских языков, в той или иной мере с ним связанных. Сюда относится сообщение Д. М. Насилова (Ленинград) «Транслитерация? Транскрипция? Трансграфика? (К изданию древнеуйгурских текстов)», в котором рассматриваются способы графической передачи древнеуйгурского текста. В условиях отсутствия единой и общепринятой схемы фонологических решений для древнеуйгурского языка, наиболее приемлемым способом, с точки зрения автора, является метод интерпретирующей транскрипции, или трансграфики, сочетающий принципы транслитерации и транскрипции.

В сообщении В. У. Махпирова (Алма-Ата) «„Дивану лугат-ит-тюрк“ Махмуда Кашгарского и проблемы тюркской антропоники» анализируются факторы, оказавшие влияние на формирование системы личных имен тюрков в XI веке.

Сообщение А. К. Калыбаевой (Алма-Ата), посвящено развитию глагольных форм в уйгурском, казахском и других тюркских языках.

В материалах конференции нашли отражение и общетюркологические проблемы. В сообщении Г. Ф. Благовой (Москва) «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении» говорится о наличии базисной системы склонения в каждом исследуемом памятнике тюркских языков. Сообщение Е. З. Кажобекова (Алма-Ата) «Реконструкции тюркского синкретизма» посвящено вопросу совпадения именных и глагольных основ в тюркских языках. Автор считает, что данное явление не может рассматриваться как реликтовое, ибо оно наблюдается и в современных тюркских языках.

Общие проблемы развития современного уйгурского языка изложены в сообщении М. Заиди (Ташкент) «Единый уйгурский литературный язык на пути развития». Автор подчеркивает, что уйгурский литературный язык остается единым, хотя условия, в которых он функционирует в СССР и в Китае, различны.

Второй раздел рецензируемой книги посвящен литературоведению, драматургии и музыкальной культуре уйгуров.

Вопросы современной уйгурской литературы рассматриваются в сообщениях: М. Абдурахманова (Алма-Ата) «Влияние русской литературы на развитие новых традиций в уйгурской литературе», П. Сабитовой (Алма-Ата) «Тема национально-освободительного движения в творчестве З. Самади», И. Розыбакиева (Ташкент) «Отражение освободительной борьбы уйгурского народа в творчестве Зунуна Кадыри», Р. Кадыри (Ташкент) «К проблеме национального и интернационального в уйгурской литературе (на примере творчества Л. Муталлипа, Б. Азизи, З. Самади)», А. Алахунова (Алма-Ата) «Уйгурская народная лирика советского периода».

В сообщении У. Маматхунова (Ташкент) «К вопросу изучения истории уйгурской классической литературы» дается обзор работ, посвященных этой проблеме. Автор указывает, что уйгурская классическая литература по стилю, форме и содержанию развивается в русле традиций литератур народов Средней Азии и Казахстана. По его мнению, историю уйгурской литературы целесообразно изучать в связи с литературой Средней Азии и Казахстана.

Общие вопросы истории уйгурской литературы нашли отражение в сообщениях: Д. Рузиевой (Ташкент) «Влияние традиций Навои на уйгурскую литературу первой половины XIX в.», М. М. Алиевой (Алма-Ата) «Взаимовлияние уйгурской классической литературы и фольклора», С. Моллаудова (Алма-Ата) «Идеи патриотизма в уйгурской поэзии XVIII в.». В ряде сообщений рассматривается творчество отдельных выдающихся деятелей уйгурской литературы. Доклад М. М. Хусайнова (Фрунзе) «Свободомыслие прогрессивных уйгурских поэтов первой половины XIX в.» посвящен творчеству таких крупных поэтов, как Абдурахим Нихари, Турди Гариби, Норузахун Зияи. Творчество выдающихся уйгурских поэтов анализируется в сообщениях: А. Джалилова (Ташкент) «Новые сведения о Хушхале Гариби» и И. Сайдуллаева (Алма-Ата) «Социальные мотивы в поэзии Мухаммеда Садыка Кашгари».

В сообщении О. Сабитова (Алма-Ата) «О жанре чак-чак» рассматривается один из весьма интересных и своеобразных уйгурских фольклорных жанров.

Проблемам уйгурского театра посвящены сообщения А. Кадырова (Алма-Ата) «Современность на сцене уйгурского театра» и Р. К. Хасановой (Алма-Ата) «К истории уйгурского музыкального театра (уйгурские синеблзники)».

Значительный интерес представляют сообщения, касающиеся музыкальной культуры уйгуров: А. Хашимова (Ташкент) «О некоторых проблемах изучения уйгурских „Двенадцати мукамов“», К. Кириной (Алма-Ата) «Профессиональное музыкальное искусство советских уйгуров», Т. Алибакиевой (Алма-Ата) «К вопросу о связи уйгурской народной и профессиональной музыки уст-

ной традиции», А. Шкловской (Алма-Ата) «Явление стабильности в структуре мукам-ного цикла», С. Н. Кибировой (Алма-Ата) «Уйгурские народные музыкальные инструменты».

Искусствоведческая тематика нашла отражение в сообщении И. Тухтиева (Ташкент) «„Мин уй“ как источник по изучению истории и культуры народов Восточного Туркестана» и Р. Каримовой (Алма-Ата) «Современная уйгурская чеканка по металлу».

В третьем разделе книги напечатано шестнадцать докладов и сообщений по истории и этнографии.

Один из старейших советских уйгуроведов Д. И. Тихонов (Ленинград) характеризует основные этапы развития культуры уйгуров, отмечая при этом, что цинское завоевание Восточного Туркестана в середине XVIII века затормозило, но не прервало ее поступательного развития. Находившиеся в постоянных контактах с соседними народами, уйгуры испытали впоследствии животворное воздействие Великой Октябрьской социалистической революции, способствовавшей дальнейшему расцвету их культуры.

Л. П. Потапов (Ленинград) в докладе «Древнеуйгурские элементы в традиционной культуре алтае-сайанских народов» впервые осветил вопрос о связи уйгуров с тюркоязычными алтае-сайанскими народами. Привлечение значительных этнографических материалов, письменных уйгурских и китайских источников древнетюркского времени, лингвистических и археологических данных, позволило автору выявить большой пласт древнеуйгурских элементов, особенно в шаманских верованиях алтае-сайанских народов. Автору удалось установить параллели и показать полную аналогию ряда свадебных обычаев, шаманских обрядов,

ритуальной терминологии древних уйгуров с обрядами и обычаями, существовавшими у тувинцев, алтайцев, шорцев и хакасов в недалеком прошлом.

Этнографии уйгуров посвящен доклад А. Ш. Кадырбаева (Алма-Ата) «О культурной роли уйгуров в империи Юань. XIII—XIV вв. (по китайским источникам)».

В. С. Кузнецов (Москва) в докладе «Вклад русских ученых в изучение материальной культуры уйгуров» подчеркнул актуальность данной темы в современных условиях, когда в зарубежной историографии делаются попытки замолчать или уменьшить вклад русской науки в изучение цивилизации народов Центральной Азии, в частности уйгуров, в том числе А. Э. Регеля, Н. Ф. Петровского, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Л. Б. Громбчевского и др.

Опубликованные материалы конференции свидетельствуют об успехах уйгуроведения в СССР. Особо следует отметить, что уйгуроведение в настоящее время развивается также силами самих уйгурских ученых (отдел уйгуроведения Института языкознания Академии наук Казахской ССР), что является ярким свидетельством торжества ленинской национальной политики в нашей стране.

Конференция привлекла внимание и зарубежных ученых. В ее работе принял участие известный шведский уйгуровед Г. Ярринг — автор многих словарей и исследований по языку, истории и культуре уйгуров.

Выход в свет «Материалов конференции» наглядно свидетельствует о постоянном внимании советских тюркологов к проблемам уйгуроведения.

В. Г. Кондратьев, А. А. Свиридов

PERSONALIA

БУБИЙНА ОМУРЗАКОВНА ОРУЗБАЕВА

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научной, педагогической и общественной деятельности академика Академии наук Киргизской ССР, доктора филологических наук, профессора Бубийны Омурзаковны Орузбаевой.

Б. О. Орузбаева родилась в декабре 1924 года в семье крестьянина-бедняка в селе Чолпон Тюпского района Иссык-Кульской области. Среднее образование она получила в г. Пржевальске. В 1945 году она окончила факультет языка и литературы Киргизского госпединститута им. М. В. Фрунзе. Затем последовательно работала младшим и старшим научным сотрудником, заместителем директора и директором Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. С 1976 года Б. О. Орузбаева главный редактор «Киргизской Советской Энциклопедии» и с 1981 года одновременно руководит сектором тюркологии названного Института языка и литературы.

В 1952 году Б. О. Орузбаева успешно защитила кандидатскую диссертацию «Формы прошедшего времени в киргизском языке», а в 1964 году — докторскую «Словообразование в современном киргизском языке». Она первая киргизская женщина, удостоенная ученой степени доктора филологических наук. В 1967 году ей было присвоено звание профессора.

В 1974 году Б. О. Орузбаева была избрана членом-корреспондентом, а в 1980 году — действительным членом Академии наук Киргизской ССР.

Научные интересы Б. О. Орузбаевой связаны с проблемами морфологии и словообразования, лексикологии и лексикографии, истории киргизского языка, памятников письменности, киргизской терминологии, с вопросами взаимоотношений общенародного и литературного языков, киргизско-русских языковых взаимосвязей.

В 1955 году вышла в свет монография Б. О. Орузбаевой «Формы прошедшего времени в киргизском языке», основные положения которой были использованы при разработке соответствующих разделов учебни-

ков, учебных пособий для вузов и средней школы, а также академической грамматики киргизского языка.

В другой монографии «Словообразование в киргизском языке» (1963) Б. О. Орузбаева, основываясь на теоретических разработках отечественной тюркологии, на большом фактическом материале киргизского языка раскрыла наиболее общие закономерности механизма словообразования, выделила основные группы словообразовательных средств и приемов, определила масштабы их распространения в современном киргизском языке. Впервые ею была предпринята попытка установления функционально-генетической связи исторически развившихся словообразовательных морфологических средств. В работе классифицированы сложные слова и установлены способы образования синонимических пар.

Итоги изучения структуры киргизского слова, особенно его корневой основы, подведены в опубликованных статьях и сообщениях.

В книге «Об общенародных основах киргизского литературного языка» (1968) Б. О. Орузбаева изложила критерии определения понятия «литературный язык» применительно к младописьменным языкам.

Проблемам изучения киргизской лексикологии в сравнительно-историческом плане посвящены многочисленные выступления Б. О. Орузбаевой на международных и всесоюзных симпозиумах и конференциях.

С 1966 года Б. О. Орузбаева занимается изучением киргизской терминологии. При ее непосредственном участии сектором терминологии ИЯЛ АН Киргизской ССР подготовлено «Руководство для составления терминологических словарей и упорядочения научно-технической и общественно-политической терминологии» (1971), организовано издание киргизско-русских терминологических словарей по отраслям знаний. Ряд статей Б. О. Орузбаевой посвящен теоретическим проблемам современной киргизской терминологии. При участии и под редакцией Б. О. Орузбаевой изданы четыре сборника «Вопросов киргизской терминологии» (1968—1976).

Б. О. Орузбаева уделяет большое внимание изучению взаимодействия языков, в особенности благотворного влияния русского языка и развития двуязычия.

Б. О. Орузбаева является одним из составителей и членом редколлегии «Русско-киргизского словаря» (1957), автором «Рус-

ско-киргизского словаря лингвистических терминов» (1972).

Последние годы деятельности Б. О. Орузбаевой связаны с «Киргизской Советской Энциклопедией», издание которой она возглавляет в качестве главного редактора.

Б. О. Орузбаева активно участвует в подготовке высококвалифицированных кадров киргизских лингвистов. Она является заместителем председателя Терминологического комитета АН Киргизской ССР, членом редколлегий журналов «Советская терминология» и «Известия АН Киргизской ССР», членом Советского комитета тюркологов, ряда ученых советов и т. д.

За плодотворную научно-исследовательскую деятельность и активную общественную работу Б. О. Орузбаева награждена медалью и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Киргизской ССР».

В 1984 году Б. О. Орузбаевой была присуждена Государственная премия Киргизской ССР в области науки и техники за организацию и руководство изданием «Киргизской Советской Энциклопедии».

Коллеги, друзья и многочисленные ученики Бубиной Омурзаковны Орузбаевой желают ей в связи с шестидесятилетием доброго здоровья и новых успехов в научной и общественной работе.

Т. К. Ахматов, А. Иманов

АБДУ-АЛИ ТУГАНБАЕВИЧ КАЙДАРОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения директора Института языкознания

Академии наук Казахской ССР, академика Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Казахской ССР Абду-Али Туганбаевича Кайдарова.

А. Т. Кайдаров родился 13 декабря 1924 года в селе Талды-Булак Энбекши-Казахского района Алма-Атинской области Казахской ССР в семье служащего. В 1942 году он ушел добровольцем на фронт. Закончив в 1945 году годичные курсы в Ленинградском военно-инженерном училище, он продолжает служить в действующей армии в звании младшего лейтенанта. А. Т. Кайдаров награжден боевыми орденами: Славы III степени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и несколькими медалями.

В 1946 году после демобилизации, проработав один год начальником административно-хозяйственной части Энбекши-Казахского райвоенкомата, А. Т. Кайдаров экстерном заканчивает десятый класс казахской средней школы в городе Иссык (около Алма-Аты) и поступает на казахское отделение филологического факультета Казахского государственного университета им. С. М. Кирова. В 1951—1954 годах он

учится в аспирантуре Академии наук Казахской ССР, специализируясь в области уйгурского языка.

В 1955 году А. Т. Кайдаров защищает кандидатскую диссертацию «Парные слова в современном уйгурском языке», изданную в 1958 году отдельной книгой.

С 1959 года по настоящее время он работает в Институте языкознания Академии наук Казахской ССР в должностях: заведующего отделом, заместителя директора и директора.

В 1962 году А. Т. Кайдаровым издан первый в уйгуроведении аннотированный библиографический указатель «Уйгурский язык и литература». В 1969 году вышла в свет монография А. Т. Кайдарова «Развитие современного уйгурского литературного языка: уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка», составившая основу его докторской диссертации, защищенной в 1970 году. В этом труде дан подробный фоно-морфологический анализ и проведена систематизация всех диалектных проявлений общенародного уйгурского языка в их взаимосвязи с современным уйгурским литературным языком советских и синьцзянских уйгуров. В 1971 году за эту книгу А. Т. Кайдаров был удостоен премии им. Ч. Ч. Валиханова первой степени.

В 1972 году А. Т. Кайдаров был утвержден в звании профессора и избран членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР. В 1982 году ему присуждается почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР, а в 1983 году он избирается действительным членом Академии наук Казахской ССР.

А. Т. Кайдаров внес значительный вклад в разработку актуальных проблем казахского и уйгурского языкознания, общей тюркологии и алтаистики. Его перу принадлежат статьи по истории языка, этимологии, исторической лексикологии, фразеологии, терминологии, этнолингвистике, диалектологии, культуре речи, многоязы-

чию и билингвизму, социоллингвистике и ономастике.

В последнее время А. Т. Кайдаров уделяет особое внимание вопросам структуры слога/слова, различным аспектам бытования и эволюции гомогенных лексических комплексов на моносиллабическом уровне, морфемному членению тюркского корня, природе глагольно-именных оморфов. Итогом многолетних разысканий в этой области явилась его монография «Структура односложных корней и основ в казахском языке» (находится в печати). В ней впервые выявлена и подвергнута фонетико-морфологическому и семантическому анализу базисная лексика казахского языка.

А. Т. Кайдаров является одним из авторов «Уйгурско-русского словаря» (1961). Им написан грамматический очерк и составлен перечень уйгурских имен.

Под редакцией и при участии А. Т. Кайдарова издан ряд сборников, статей, коллективных монографий и словарей. Он автор ряда учебников и учебных пособий по уйгурскому языку и литературе для школ республики. Им подготовлено более десяти докторов и кандидатов наук по казахскому, уйгурскому, каракалпакскому, хакасскому и монгольскому языкам.

Научную работу А. Т. Кайдаров сочетает с большой организаторской и общественной работой. Он является членом бюро Советского комитета тюркологов, членом ряда научных и редакционных советов, заместителем главного редактора журнала «Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая», заместителем председателя Государственной терминологической комиссии при Совете Министров Казахской ССР и т. д.

Свое шестидесятилетие юбиляр встречает в расцвете творческих сил. Многочисленные коллеги и друзья Абду-Али Туганбаевича Кайдарова желают ему крепкого здоровья и дальнейших успехов в научной работе.

Н. А. Баскаков, Е. З. Кажобеков

АЮБ ГУЛЯМОВИЧ ГУЛЯМОВ

(К семидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось семьдесят лет со дня рождения и пятьдесят лет научно-педагогической деятельности заведующего кафедрой узбекского языкознания Ташкентского государственного университета, доктора филологических наук, профессора Аюба Гулямовича Гулямова.

А. Г. Гулямов родился 14 мая 1914 года в Ташкенте в семье ремесленника. Окончив среднюю школу, рабфак и факультет языка и литературы Вечернего педагогического института, в 1936 году он был принят в

аспирантуру. В 1940 году А. Г. Гулямов первым среди словесников-узбеков защитил кандидатскую диссертацию «Определение в узбекском языке». В 1957 году им была защищена докторская диссертация «Проблемы исторического словообразования узбекского языка».

А. Г. Гулямов — ученый широкого научного профиля. Для него характерно стремление к проникновению в сущность языковых явлений, к поиску новых исследовательских приемов.

Уже первая монография А. Г. Гулямова «Определение в узбекском языке» (1940) получила высокую оценку специалистов. А. К. Боровков в своем отзыве на монографию писал: «Работа чрезвычайно актуальна... Исследование очень интересно и оригинально... Впервые в узбекской грамматической литературе вопрос об определении получает подробное и систематическое освещение».

В 1941 году была издана работа А. Г. Гулямова «Падежи в узбекском языке». В ней на основе материалов современного узбекского языка, народных говоров, произведений классической литературы были прослежены литературные, диалектные и исторические формы узбекских падежей, их семантика, синтаксические, стилистические и другие особенности. Вслед за этой работой были изданы монографии «Категория множественного числа в узбекском языке» (1944) и «Ударение в узбекском языке» (1947). В последней работе автор высказал новую точку зрения на роль ударения в тюркских языках, показав, в частности, что следствием распада сингармонизма в узбекском языке было развитие ударения, выполняющего в нем семантическую и грамматическую функции. Выводы ученого были впоследствии подтверждены результатами проводившихся исследований по экспериментальной фонетике¹ и другими работами².

Научные работы А. Г. Гулямова по сло-

вообразованию, морфологии, синтаксису сыграли важную роль при создании академической грамматики современного узбекского языка. Перу А. Г. Гулямова принадлежит около ста опубликованных работ. В настоящее время ученым готовится к изданию исследование о русско-узбекском двуязычии и закономерностях его развития.

А. Г. Гулямов известен как один из ведущих авторов двухтомной академической грамматики узбекского языка (1973), многих школьных и вузовских учебников, пособий, словарей по родному языку, в том числе (в соавторстве): учебника для университета и педвузов республики «Современный узбекский язык», учебников узбекского языка для пятого-шестого (1973—1984) и девятого (1977—1984) классов средней школы, «Морфемного словаря узбекского языка» (1977).

А. Г. Гулямов ведет большую научно-организационную и общественную работу. Возглавляя с 1942 года кафедру узбекского языкознания Ташкентского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени В. И. Ленина, он отдаст много сил воспитанию высококвалифицированных научных кадров. Под его руководством подготовлены и защищены свыше тридцати кандидатских и десять докторских диссертаций. А. Г. Гулямов — председатель Секции языкознания в Министерстве высшего и среднего специального образования Узбекской ССР, член Топонимической комиссии Верховного Совета Узбекистана и ряда ученых советов.

За свою научно-педагогическую деятельность А. Г. Гулямов награжден медалями СССР, Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Президиума Верховного Совета Каракалпакской АССР и Союза журналистов СССР.

Коллеги и ученики Аюба Гулямовича Гулямова, знающие и любящие его как человека высоких нравственных идеалов, доброжелательного и принципиального, желают ему доброго здоровья, счастья и больших успехов в научной и педагогической работе.

А. Нурманов, Н. Ахмедов,
Э. Дадаходжаев

¹ А. А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Автореф. канд. дисс., Ташкент, 1957.

² См.: А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 115—116.

ВИКТОР ИОСИФОВИЧ ФИЛОНЕНКО

(К столетию со дня рождения)

Творческое наследие Виктора Иосифовича Филоненко отличается широтой охвата фактов и проблематики тюркского, русского

иранского и финно-угорского языкознания, а также фольклористики, литературоведения и этнографии. Основными регионами

многолетних исследований ученого были: Поволжье и Урал (Башкирия, 1908—1915), Крым (Симферополь, 1915—1935), Средняя Азия (Каракалпакия, Турткуль, 1935—1936) и Северный Кавказ (Нальчик, 1936; 1945, Пятигорск, 1945—1977).

Научно-педагогическая работа В. И. Филоненко в Башкирии ознаменовалась изданием ряда монографий и статей, посвященных языкам, фольклору, литературе и этнографии башкир, марийцев, удмуртов и других народов Поволжья и Урала.

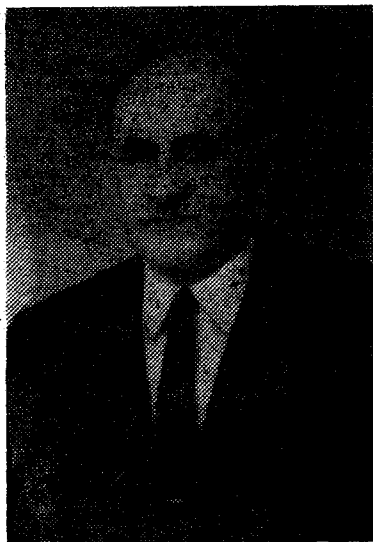
За время двадцатилетней своей деятельности в Симферополе в качестве преподавателя гимназии, а затем приват-доцента Крымского Таврического государственного университета и научного сотрудника Крымского научно-исследовательского института В. И. Филоненко организовал несколько экспедиций по изучению этнографии и фольклора народов Крыма и опубликовал ряд статей и монографий о народном творчестве и быте крымских татар, крымчаков и каранмов.

В период своего пребывания в 1935—1936 годах в г. Турткуле (Каракалпакия) В. И. Филоненко был избран действительным членом Каракалпакского комплексного научно-исследовательского института и руководил специальной экспедицией по изучению каракалпакских, узбекских и туркменских национальных школ, создал методические разработки по преподаванию родного и русского языков в национальных школах Каракалпакской АССР.

В 1937 году В. И. Филоненко приглашается заведовать кафедрой русской литературы в Кабардино-Балкарском педагогическом институте. Переехав в связи с этим в Нальчик, ученый наряду с преподаванием русской литературы пишет ряд исследований по карачаево-балкарской грамматике, диалектологии, лексикологии и фольклору, получивших высокую оценку крупнейших советских и зарубежных тюркологов.

С 1945 года В. И. Филоненко — профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Пятигорского педагогического института иностранных языков. Работая в этом институте, В. И. Филоненко одновременно продолжал свои тюркологические исследования и изучение тюркских языков Кавказа. В период с 1945 по 1977 год им были изданы монографии и опубликованы статьи, в том числе о творчестве крупнейших русских писателей, публицистов и поэтов. Не менее ценны его труды по русскому языку, предназначенные для учащихся и преподавателей русского языка национальных школ.

Многогранная деятельность В. И. Филоненко неоднократно отмечалась отечественными и зарубежными историографами¹.

В. И. Филоненко оставил значительный след в отечественной тюркологии не только благодаря множеству ценных научных публикаций, но и как прекрасный педагог, подготовивший многочисленных учеников, ныне продолжающих начатые им тюркологические исследования в регионах Поволжья, Урала, Крыма, Кавказа и Средней Азии.

Имя В. И. Филоненко, неутомимого труженика науки, внимательного и терпеливого педагога, необыкновенно мягкого, отзывчивого и скромного человека, останется навсегда в памяти его друзей, коллег и учеников, а также в памяти истории нашей науки. И на изречение греческого философа Гераклита, высеченное на граните могильного памятника В. И. Филоненко: *Panta rhei, panta kineitai kai ouden menei* 'Все течет, все движется, и ничего не остается неизменным', мы ответим изречением римского поэта Овидия: *Omnia mutantur, nihil infert* 'Все меняется, но ничего не пропадает'. Не исчезнет на долгие годы и добрая память о достойном представителе науки, нашем друге и добром человеке В. И. Филоненко.

Н. Б.

¹ Подробнее об этом см.: Я. Дашкевич. Сходознавець В. І. Філоненко. — «Архіви України», № 2, Київ, 1967; «Бібліографічний словарь отечественных тюркологов», М., 1974; Н. А. Баскаков. Виктор Иосифович Филоненко. — «Советская тюркология», 1977, № 5 и др.

Х Р О Н И К А

ДЕСЯТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

9—10 октября в г. Чебоксары на базе историко-филологического факультета Чувашского госуниверситета им. И. Н. Ульянова и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР состоялось десятое расширенное выездное пленарное заседание Советского комитета тюркологов. В нем приняли участие ученые Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Бельцов, Кишинева, Львова, Москвы, Новосибирска, Ташкента, Чимкента, Фрунзе, Якутска; особенно широко были представлены тюркологи Поволжья — городов Казани, Уфы, Брежнева и Саратова. В заседании участвовали также монголисты из Элисты.

Заместитель председателя Советского комитета тюркологов Э. Р. Тенишев (Москва) в вступительном слове сказал, что первое выездное пленарное заседание не случайно проводится в столице Чувашской АССР: в центре обсуждения — современное состояние исследований тюркских языков Поволжья, спорные вопросы булгароведения.

По этой проблематике с докладами выступили И. А. Андреев и В. И. Котлеев (Чебоксары) — «Основные проблемы чувашского языкознания», З. Г. Ураксин и Т. М. Гарипов (Уфа) — «Основные проблемы башкирского языкознания»*, М. З. Закриев (Казань) — «Основные проблемы татарского языкознания», В. Ф. Каховский (Чебоксары) — «Основные этапы этнической истории чувашей», Н. И. Егоров (Чебоксары) — «Булгаро-чувашско-кыпчакские этноязыковые взаимоотношения»**.

На заседании обсуждалось также состояние исследований по киргизскому языку, литературе и фольклору по докладу дирек-

тора Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР А. С. Садыкова (Фрунзе)* и по гагаузоведению по сообщению Г. А. Гайдаржи (Бельцы) и С. С. Курогло (Кишинев). Д. А. Павлов (Элиста) доложил участникам пленума об актуальных проблемах современной монголистики. К. Б. Бектаев (Чимкент) поделился опытом применения математических методов и кибернетической техники (ЭВМ) в тюркологических исследованиях, сообщил о полученных при этом статистических и информационных характеристиках, с помощью которых различаются типы языков, а также стили языка; он внес также предложения о координации исследований в этой области. Х. Г. Короглы (Москва) рассказал о работе над многотомным изданием «Фольклорное наследие народов СССР», которое предпринято Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

С проблемным докладом, вносящим уточнения в классификацию тюркских языков, выступил Н. А. Баскаков (Москва). Ж. Гужев (Нальчик) прочитал доклад «Тюркская фразеология и ее лексикографическая разработка»*. К. Конкобаев (Фрунзе) рассказал об архивных материалах Е. Д. Поливанова по киргизскому и дунганскому языкам, по вопросам общего языкознания, а также по исследованию и переводу фрагментов эпоса «Манас», хранящихся в рукописных фондах Института языка и литературы Академии наук Киргизской ССР. Сообщение Т. Тачмурадова (Ашхабад) было посвящено 95-летию со дня рождения туркменского языковеда М. Гельдыева, автора первых учебников по туркменскому языку.

И. А. Абдуллин (Казань) информировал собравшихся о работе над «Корпусом армянских письменных памятников кыпчакского языка XVI века», проводимой по плану работ Советского комитета тюркологов: в настоящее время транскрибируемые тексты переводятся на русский язык, составляется картотека для глоссария. Я. Р. Дашкевич (Львов) выступил с докладом «Корпус

* Доклады, отмеченные звездочкой, публикуются в настоящем номере журнала.

** Двум последним проблемам был посвящен изданный в октябре с. г. в Чебоксарах сборник НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР «Болгары и чуваш».

древнерусских сообщений о тюркских народностях (до монгольского нашествия)»* и предложил включить составление этого корпуса в план работ Советского комитета тюркологов на будущую пятилетку.

Директор Института языка и литературы Академии наук Туркменской ССР Б. Ч. Чарыяров (Ашхабад) рассказал о подготовке к проведению IV Всесоюзной тюркологической конференции, намеченной на сентябрь 1985 года в Ашхабаде. Б. Ч. Чарыяров особо подчеркнул, что оргкомитет не будет принимать к публикации тезисы, не соответствующие объявленной проблематике конференции.

С отчетным докладом о работе Советского комитета тюркологов в 1983 году выступил Э. Р. Тенишев. Он остановился на основных направлениях работы тюркологов, главным образом имеющих общетюркологическое значение. Среди перечисленных монографий и сборников Э. Р. Тенишев особо выделил монографию Д. Д. Васильева «Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского региона (опыт систематизации)» (М., 1983), выпущенный под грифом Советского комитета тюркологов «Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея» (Л., 1983, составитель Д. Д. Васильев), работы по этногенезу, этнической и гражданской истории тюркских народов, осуществленные сибирскими тюркологами, а также многочисленные исследования по истории тюркских языков, проведенные языковедами Алма-Аты, Казани и Ташкента. Он отметил успешное обследование синтаксиса карачаево-балкарского и тувинского языков, киргизской топонимии, изучение монгольско-тюркских языковых параллелей.

Касаясь выполнения плана работ Советского комитета тюркологов за отчетный год, Э. Р. Тенишев сказал, что в ходе разработки и составления «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР) проведено совещание исполнителей в Риге (февраль — март 1983 г.). Э. Р. Тенишев участвовал в ежегодной рабочей встрече членов главной редакции ЛАЕ в Лейпциге (ГДР) (апрель 1983 г.). В июне 1983 года в Чебоксарах проведено второе рабочее совещание тюркологов-этимологов (см. «Советская тюркология», 1983, № 5). В октябре 1983 года в Уфе состоялось совещание по вопросам каталогизации тюркоязычных, арабоязычных, ираноязычных и монголоязычных рукописей. Таким образом, заключил Э. Р. Тенишев, план работы Советского комитета тюркологов на 1983 год можно считать полностью выполненным.

План работы Советского комитета тюркологов на 1984 год был принят по докладу Г. Ф. Благовой (Москва) (см. ниже).

По прослушанным докладам развернулись прения.

Е. И. Убрятова (Новосибирск) рассказала о проблемах, возникающих перед со-

ставителями регионального атласа тюркских языков Сибири. Завершена работа «Язык долган». Подготовлены переводы на русский язык трудов О. Бётлингга «Über die Sprache der Jakuten» и В. В. Радлова «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen». Продолжая исследование сложного предложения в алтайских языках Сибири, характеризуемого полипредикативностью, сибирские языковеды выпустили коллективную монографию «Предикативное склонение причастий в алтайских языках» (Новосибирск, 1984). Подготовлен ряд учебников для средней школы (в том числе — букварей) по языкам народов Сибири и Севера. Экспериментально-фонетическая лаборатория заканчивает изучение звукового состава языков народов Сибири, в том числе тюркских.

Н. Н. Широбокова (Новосибирск) остановилась на трудностях, связанных с заключительным этапом работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков СССР», включенным в план ИИФиФ СО АН СССР на 1985—1986 гг.

Б. А. Абиляхасимов (Алма-Ата) охарактеризовал наиболее значительные исследования, ведущиеся в Институте языков Академии наук Казахской ССР в последние годы, остановился на некоторых спорных вопросах истории казахского литературного языка.

В выступлении М. З. Закиева дискутировались положения о языковой истории чувашей, высказанные в докладе Н. И. Егорова и И. А. Андреева.

Дискуссию по этноглоттогенезу чувашей завершил И. А. Андреев, который считает неверным исключение чувашей из древней истории Поволжья.

С. Байчоров (Черкесск) сообщил о булгароязычных надписях, обнаруженных им на Северном Кавказе.

И. К. Кучкартаев (Ташкент) предложил уделять больше внимания теории и исследовательским методам на проводимых тюркологических конференциях и заседаниях Комитета.

Г. А. Гайдаржи остановился на трудностях, с которыми сталкиваются гагаузоведы при сборе материалов для «Лингвистического атласа Европы».

Р. П. Дораева (Элиста) рассказала о деятельности языковедов Калмыкии.

Директор НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашии В. Д. Димитриев высказался за одобрение практики проведения выездных пленумов Советского комитета тюркологов, первым из которых является заседание в Чебоксарах, способствовавшее укреплению научных связей ученых Поволжья с тюркологами страны.

Х пленарное заседание Советского комитета тюркологов приняло резолюцию (публикуется ниже).

Г. Ф. Благова, М. И. Скворцов

ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ
НА 1984 ГОД

1. Проведение научно-методической конференции «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе» в г. Чебоксары.

Исполнители: Чувашский Госуниверситет им. И. Н. Ульянова (И. А. Андреев).

Срок: октябрь 1984 г.

2. Заседание, посвященное 90-летию со дня рождения А. П. Потебневского.

Исполнители: Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР, Институт языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР.

Срок: май 1984 г.

3. Подготовка IV Всесоюзной тюркологической конференции.

Исполнители: Институт языка и литературы АН Туркменской ССР, Отделение литературы АН Туркменской ССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Советский комитет тюркологов, сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок проведения конференции: сентябрь 1985 г.

4. Составление макета пробного тома «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

Исполнители: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широкова, Т. А. Андреева), научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородина.

Срок: 1985—1986 гг.

5. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы Европейской части СССР).

Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Чувашской АССР, Башкирской АССР, Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО.

Срок: 1978—1987 гг.

6. Подготовка третьего и четвертого томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» и «Рунические памятники Средней Азии».

Исполнители: III том — Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный). IV том — Отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев) и АН Киргизской ССР.

Срок: 1979—1986 гг.

7. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).

Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).

Сроки: 1980—1985 гг.

8. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Сроки: 1981—1986 гг.

9. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: секция литературоведения и фольклористики СКТ (Х. Г. Короглы).

Сроки: 1981—1986 гг.

10. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнитель: Э. Р. Тенишев.

Сроки: 1981—1986 гг.

11. Координация работы по тюркской полевой, камеральной и эдиционной археографии Урало-Поволжья. Составление схемы описания тюркоязычных рукописей (объем — 5 а. л.).

Исполнители: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин), ИИЯЛ Башкирского филиала АН СССР (И. Г. Галяутдинов), ЛО Института языкознания АН СССР (С. Н. Муратов).

Сроки: 1981—1985 гг.

12. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований.
Исполнитель: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.
Сроки: 1981—1986 гг.
13. Проведение расширенного выездного X Пленарного заседания Советского комитета тюркологов в г. Чебоксары.
Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова), Чувашский Госуниверситет (И. А. Андреев).
Сроки: октябрь 1984 г.
14. Подготовка очередного XI Пленарного заседания Советского комитета тюркологов.
Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).
Срок: март 1985 г.*

РЕЗОЛЮЦИЯ

ДЕСЯТОГО ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Чебоксары, 10 октября 1984 г.

X пленум Советского комитета тюркологов работал 9—10 октября 1984 года в столице Чувашской АССР в г. Чебоксары на базе историко-филологического факультета Чувашского госуниверситета им. И. Н. Ульянова и НИИЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР.

В центре внимания участников пленума стояли вопросы о состоянии тюркологических исследований в поволжском регионе.

Пленум СКТ проходил в условиях осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Тюркологи Советского Союза принимают посильное участие в составлении учебников для общеобразовательной и высшей школы тюркоязычных республик, краев, областей. В настоящее время языковедами Сибирского Отделения АН СССР подготовлены буквари для народов Сибири, в том числе для ранее бесписьменных долган.

Проведение реформы общеобразовательной и профессиональной школы требует неустанного совершенствования подготовки кадров учителей, в том числе в вузах тюркоязычных республик, краев, областей. В этих целях СКТ совместно с Чувашским госуниверситетом им. И. Н. Ульянова проводит научно-методическую конференцию «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе», приуроченную к X пленуму СКТ (11—12 октября 1984 г., г. Чебоксары).

X Пленум СКТ, одобряя в целом деятельность Комитета за период с марта 1983 г. по октябрь 1984 г., постановляет:

1. Создать специальную рабочую группу при Бюро СКТ, поручив ей следующее:
 - а) подвести итоги работы тюркологов в XI пятилетке, проверив при этом степень исполнения принятых ранее рекомендаций и решений СКТ;
 - б) разработать в течение 1985 года перечень основных направлений развития тюркологии на будущую XII пятилетку;
 - в) в соответствии с этим предусмотреть в XII пятилетке проведение пленарных заседаний СКТ по узловым и спорным вопросам тюркской грамматики и шире — тюркского языкознания в целом, строго подходу к отбору докладов, содокладов и сообщений только по запланированной для данного заседания тематике.
2. В целях усиления координации и кооперации проводимых в стране тюркологических исследований практиковать впредь выездные пленарные заседания СКТ по тюр-

* Научно-методическая конференция «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе» проведена в г. Чебоксары 11—12 октября 1984 г.

Заседание, посвященное 90-летию со дня рождения А. П. Поцелуевского, проведено 31 мая 1984 г. (см.: «Советская тюркология», 1984, № 3).

язычным регионам страны с подведением итогов работы тюркологов данного региона.

3. Бюро Советского комитета тюркологов уделять больше внимания развитию научных контактов советских тюркологов с зарубежными научными тюркологическими центрами.

4. Отмечая определенные успехи, достигнутые в изучении гагаузского языка и фольклора, этнической истории гагаузов, СКТ полагает необходимым активизировать научную деятельность в области гагаузоведения в СССР.

В этих целях рекомендовать следующее:

а) просить соответствующие институты АН СССР и АН Молдавской ССР предусмотреть в перспективных планах подготовки специалистов-тюркологов прием в аспирантуру Института языкознания АН СССР, АН Молдавской ССР и других научных центров специалистов по гагаузоведческим дисциплинам;

б) обратиться в Президиум АН Молдавской ССР с ходатайством о создании специального подразделения в системе АН МССР с целью концентрации научных сил и координации исследований по проблемам гагаузоведения.

5. Учитывая неослабевающий интерес к тюркскому фольклору и диалектологии среди специалистов как в нашей стране, так и за рубежом, рекомендовать фольклористам и диалектологам тюркоязычных республик следующее:

а) шире практиковать двуязычные издания эпических памятников тюркского фольклора в оригинале и с переводом на русский язык;

б) оснащать русским переводом толкования значений слов в диалектных и толковых словарях тюркских языков, издающихся в республиках.

6. Просить республиканские институты оказывать действенную помощь в подготовке и осуществлении многотомного издания «Фольклорное наследие народов СССР», предпринятого Институтом мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

7. Провести в 1986 году по договоренности с научными центрами Татарии и Чувашии в Казани, Чебоксарах или Уфе симпозиум специалистов по комплексной проблеме болгарского наследия.

8. Признавая математический метод одним из важных методов исследования тюркских языков, просить Чимкентский государственный педагогический институт принять на себя координацию региональных исследований тюркских языков математическим методом (исполнитель — проф. К. Б. Бектаев).

9. В осуществление соответствующего постановления СО АН СССР обратиться в Президиум СО АН СССР с ходатайством об издании выполненных научных работ по тюркским языкам Сибири.

10. Учитывая большое научно-теоретическое значение атласа для истории не только чувашского, но и других тюркских языков, обратиться в Совет Министров Чувашской АССР с ходатайством об издании «Диалектологического атласа чувашского языка» Л. П. Сергеева.

11. Способствовать организации работ по составлению больших двуязычных словарей — «Алтайско-русского словаря», «Хакаско-русского словаря», «Чулымскотюркско-русского словаря», «Крымскотатарско-русского словаря», а также больших диалектных словарей (с особым вниманием к этнографизмам, с переводами значений слов на русский язык). Обратиться к соответствующим организациям и заинтересованным лицам с тем, чтобы работы над указанными словарями были включены в план.

12. Обсудить возможность составления исторических словарей тюркских языков как общих, так и по отдельным периодам развития литературных языков: словарь языка тюркских рунических памятников, древнеуйгурский, караханидско-уйгурский, чагатайский и т. д. — с привлечением специалистов как академических учреждений, так и вузов страны, ведущих подготовку тюркологов.

Призвать заинтересованных лексикографов страны подготовить фотомеханическое переиздание «Сравнительного словаря турецко-татарских наречий» Л. Будагова, оснастив его ключом-указателем заглавных слов в общепринятой транскрипции.

Войти с ходатайством в РИСО об издании уже подготовленного к печати Э. Н. Наджилом «Исторического словаря тюркских языков с XI века», в Госкомиздат — об ускорении типографского набора II и III томов «Историко-сравнительного словаря тюркских языков XIV века» Э. Н. Наджила.

13. Учитывая всеобщий интерес к лингвистическому наследию проф. Е. Д. Поливанова, просить Институт языка и литературы АН Киргизской ССР принять на себя составление и последующее издание тома избранных работ ученого, в первую очередь — по тюркологии, из числа архивных материалов, хранящихся в рукописных фондах института.

14. Продолжая линию регионального обсуждения деятельности тюркологов в текущей пятилетке, просить И. Х. Ахматова подготовить вопрос о возможности проведения XII Пленума СКТ на базе кавказского региона в г. Нальчике и доложить о результатах подготовки на XI Пленуме СКТ в г. Москве.

15. Выразить искреннюю признательность руководству Обкома Чувашской АССР, руководству и коллективам историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова и НИИЯЛИЗ при Совете Министров Чувашской АССР за обеспечение плодотворной работы X пленарного заседания СКТ.

«СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ОБЩЕТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ВУЗЕ»

11—12 октября 1984 года в Чебоксарах состоялась научно-методическая конференция «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе», организованная по инициативе Министерства просвещения РСФСР, Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР, Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова. В работе совещания приняли участие сотрудники научных учреждений и вузов Белгорода, Брежнева, Елабуги, Казани, Москвы, Ленинграда, Нальчика, Уфы, Чебоксар, Ташкента, Якутска.

Открывая конференцию, ректор ЧГУ им. И. Н. Ульянова П. А. Сидоров (Чебоксары) отметил актуальность задач, поставленных перед участниками конференции и выразил надежду, что обсуждение проблем тюркологии в методически-практическом плане стимулирует развитие тюркологических исследований в Чувашской АССР.

Со вступительным словом выступил Э. Р. Тенишев (Москва). Он подчеркнул, что повышение научно-методического уровня преподавания общетюркологических дисциплин в вузе, обеспеченность учебниками и учебными пособиями вузовского учебного процесса приобретают сейчас особую актуальность в связи с осуществляемой реформой общеобразовательной и профессиональной школы.

О значении общепилологической и тюркологической подготовки специалистов в университетах РСФСР говорил в своем докладе И. А. Андреев (Чебоксары). Касаясь учебного плана, докладчик отметил, что преподавание общепилологических и тюркологических дисциплин в вузах РСФСР ведется не по единому плану и не по единому перечню дисциплин. Преподавание русского языка, русской и зарубежной литературы на однопрофильных отделениях ведется почти без учета специфики контингента учащихся этих отделений. Преподавание таких дисциплин, как «Введение в тюркологию» (или «Основы тюркологии»), а также курса «Сравнительной грамматики тюркских языков» должно вестись во всех тюркоязычных вузах РСФСР и СССР по единым учебным программам. Подготовка

специалиста-тюрколога должна обязательно включать и преподавание второго тюркского языка (иной классификационной группы, чем родной язык).

М. И. Скворцов (Чебоксары) в докладе «Структура, содержание и преемственные связи дисциплин общетюркологического цикла» остановился на проблеме дублирования основных лингвистических понятий (фонема, различительный признак, морфема, лексема, полисемия, метонимия и ряда других) в процессе чтения таких курсов, как «Современный родной язык», «Современный русский язык», «Введение в языкознание». Он отметил, что объединение некоторых дисциплин общепилологического и тюркологических циклов, например, «Введения в языкознание» с «Введением в тюркологию», а также изложение разделов «Фонетика» и «Лексикология», курса «Современный русский язык» преимущественно в сопоставлении с материалами родного языка способствует более экономной и рациональной реализации принципа межпредметных связей, более логичной структурной организации дисциплин общетюркологического цикла.

В докладе Э. А. Груниной (Москва) «Структура и содержание курса истории тюркского языка и сопутствующих ему спецсеминаров» подробно излагалось предлагаемое содержание курса истории языка, который можно понимать, с одной стороны, как чисто лингвистический курс истории языка, включающий разделы исторической фонетики и исторической грамматики, с другой — как курс истории литературного языка. В последнем случае необходимо проследить характер реализации языковой системы в памятниках письменности, то есть должен быть широко представлен историко-культурный фон. Освоение общепилологического подхода к памятникам тюркской письменности может быть достигнуто только посредством анализа фактического материала. При ограниченности времени, отводимого на ведение данной дисциплины, предпочтительнее читать курс истории литературного языка, а изучение собственно истории языка компенсировать системой спецсеминаров.

Д. Г. Тумашева (Казань) подчеркнула, что качественное улучшение уровня преподавания общетюркологических дисциплин предполагает совершенствование учебных планов, составление единых программ, учебников и учебных пособий, подготовку квалифицированных кадров. В связи с реформой общеобразовательной и профессиональной школы вузовское образование должно будет, по-видимому, педагогизироваться, значение тюркологических дисциплин исторического цикла, несомненно, возрастет. Преподавание общетюркологических дисциплин в Казанском государственном университете им. В. И. Ленина основывается на богатых традициях казанской школы тюркологии.

В докладе Н. И. Егорова (Чебоксары) «Булгаро-чувакско-монгольские языковые параллели и алтайская теория (в вузовских тюркологических курсах)» были рассмотрены разные точки зрения на алтайскую проблему: теория исконного родства, теория конвергенции на основе типологического сходства, теория заимствований. Курс истории чувашского языка, как одно из древнейших тюркских языков, изложенный в алтаистической перспективе, позволяет углубить реконструкцию прабулгарского и пратюркского языкового состояния. Докладчик придерживается мнения о необходимости введения курса основ алтаистики в вузах, готовящих специалистов по тюркологическим и монголоведческим дисциплинам, хотя бы в виде спецкурса или составной части дисциплин сравнительно-исторического цикла.

Г. Х. Ахатов (Брежнев) в своем докладе обосновывал необходимость более широкого системного подхода к анализу основных лексических категорий (полисемия, синонимия, омонимия, паронимия и других) в процессе чтения курса языка.

По мнению М. В. Федоровой (Белгород), последовательное использование понятия нулевых морфем при анализе грамматической категории падежа позволяет избежать ряда противоречий, которые отмечаются в трактовке данной грамматической категории в существующих учебниках и учебных пособиях по конкретным тюркским языкам. Докладчик также остановилась на вопросах о статусе основного (неоформленного) падежа, о количестве падежей в морфологической системе тюркских языков.

Н. К. Антонов (Якутск) рассказал о преподавании тюркологических дисциплин в Якутском государственном университете. Докладчик отметил, что дисциплина «Введение в тюркологию» должна читаться в течение двух семестров, а не одного, как это практикуется в настоящее время. Обязательными дисциплинами в ряду общетюркологических должны также быть курсы «Древнетюркский язык» и «Сравнительная грамматика тюркских языков».

В сообщении В. А. Андреева (Ленинград) была рассмотрена категория падежа в курсе современного родного языка. Привлечение сравнительных данных из других тюркских языков позволяет углубить анализ особых случаев употребления падежных форм.

Ф. А. Ганиев (Казань) отметил, что синхронное словообразование имеет свою собственную проблематику и методику анализа, что позволяет считать его самостоятельным разделом полного курса современного тюркского языка наряду с фонетикой, лексикологией, морфологией и синтаксисом. Однако это обстоятельство редко учитывается при составлении учебного плана, программ и пособий.

Обсуждению программ и пособий по дисциплинам общетюркологического цикла посвящались стендовые доклады А. П. Хузангая, М. И. Скворцова, Н. И. Егорова, Н. П. Петрова (все — Чебоксары). В них рассматривалось учебно-методическое обеспечение таких курсов, как «Введение в тюркологию», «Сравнительная грамматика тюркских языков», «История чувашского языка» и «История чувашского литературного языка». Докладчики особо отметили заслуги профессора М. Р. Федотова, впервые начавшего читать в Чувашском государственном университете дисциплины сравнительно-исторического цикла и создавшего по ним ряд учебных пособий.

В докладе Н. П. Петрова (Чебоксары) «Курс истории литературного языка в системе лингвистических дисциплин» излагались предложения по содержанию курса и структуре его программы. Докладчиком было отмечено, что до сих пор эта дисциплина не имеет четко сформулированного содержания и разработанных принципов исследования. История литературного языка должна быть наукой о формировании, функционировании и развитии нормализованной письменной разновидности общенародного языка на уровнях языкового строя и функциональных и индивидуальных стилей. Она тесно соприкасается с диалектологией, историей языка, стилистикой и культурой речи, историей народа и его культуры. Одна-

¹ Обсуждались, в частности, следующие пособия: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969; Н. К. Антонов. Лекции по тюркологии. Вып. 1—4, Якутск, 1976—1984; Дж. Г. Киекбаев. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972; М. Р. Федотов. Введение в тюркологию. Чебоксары, 1976; его же. Сравнительная грамматика тюркских языков. Чебоксары, 1975; его же. История чувашского языка. Часть I. Звуки. Чебоксары, 1979; Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979 и др.

ко привлекают их данные по мере необходимости для выявления и описания закономерностей развития литературного языка в процессе его функционирования.

А. П. Хузангай (Чебоксары) в докладе «Содержание университетского курса „Введение в тюркологию“ и проблемы чувашского глотто- и топонимеза» доказывал, что генетический, ареальный и типологический подходы к изучению языкового материала, представляющего собой континуум тюркских языков, взаимно дополняют друг друга. Поэтому данный курс следует рассматривать как частную отрасль сравнительного языкознания со своей проблематикой и методикой. Сравнительно-генетическое исследование тюркских языков должно быть дополнено (в рамках этого курса) топонимезом, то есть учением о языковой прародине основных классификационных групп. Применение методов ареальной лингвистики способствует более точной реконструкции древних языковых состояний и может быть использовано для восстановления черт исчезнувших языков (например, хазарского, древнебулгарского). Метод целносистемной типологии позволяет установить иерархию признаков языкового типа, с одной стороны, и вероятные пути и направления языковых изменений относительно праязыка — с другой.

А. Г. Шайхулов (Уфа) изложил содержание и структуру программы спецкурса «Введение в изучение ономастических систем тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона». Данные ономастики являются важным лингвистическим источником при решении отдельных вопросов истории башкирского, татарского и чувашского языков, а также периодизации этапов этногенеза их носителей. Одной из важных задач является хронологическая стратификация онимов (антропонимов, топонимов и антропотопонимов)

с последующей лексико-тематической классификацией.

В сообщении Х. Х. Салимова (Елабуга) обсуждались некоторые вопросы применения результатов спектрального анализа гласных при изучении звукового состава языка как в сопоставительном, так и в сравнительном плане. В частности, установлено различие формантных характеристик татарских гласных по сравнению с русским и общетюркским вокализмом. Данные спектрального анализа могут быть представлены в виде таблиц и схем, используемых как наглядные пособия на практических занятиях по фонетике.

В. Г. Родионов (Чебоксары) остановился на содержании курса «Поэтика тюркского и чувашского стиха». Данный курс считается сравнительно-исторической дисциплиной, изучение которой позволяет привести в единую систему разрозненные факты, излагаемые отрывочно в отдельных разделах университетских дисциплин. Этим же определяется и междисциплинарный характер курса. Комплексный анализ тюркского стиха позволит выявить генетические, типологические и контактные параллели отдельных видов национального стиха.

Прослушанные доклады и сообщения вызвали оживленный обмен мнениями. Выступавшие обсуждали содержание программ и структуру учебных пособий по общетюркологическим дисциплинам, говорили о необходимости целевой подготовки студентов в рамках национальных филологий, других актуальных вопросов вузовского преподавания.

Участниками научно-методической конференции были приняты и одобрены рекомендации по дальнейшему усовершенствованию преподавания общетюркологических дисциплин в вузах страны.

А. П. Хузангай

«ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ РЕСПУБЛИКИ»

В настоящее время изучение азербайджанского языка занимает важное место в учебных программах университета и педагогических институтов Азербайджана. Однако, к сожалению, уровень преподавания азербайджанского языка в вузах далеко не всегда отвечает высоким современным требованиям, и с этой точки зрения научно-методическая конференция «Проблемы совершенствования изучения азербайджанского языка в вузах республики», проведенная Азербайджанским ордена Трудо-

вого Красного Знамени педагогическим институтом им. В. И. Ленина 21—22 ноября 1984 года, явилась весьма знаменательным событием.

Конференцию открыл вступительным словом министр высшего и среднего специального образования Азербайджанской ССР К. Г. Алиев. На пленарном заседании было заслушано три доклада. В докладе ректора АПИ им. В. И. Ленина профессора А. М. Курбанова «Состояние и основные задачи изучения азербайджанского языка в

вузах республики» освещалось состояние преподавания родного языка в вузах, анализировались основные недостатки работы в этой области. Академик М. Ш. Ширалиев посвятил свой доклад обзору развития современного азербайджанского языкознания. Профессор Азгосуниверситета им. С. М. Кирова А. З. Абдуллаев остановился на вопросах связи морфологии и синтаксиса в разделе о членах предложения.

На конференции выступили многие ведущие языковеды республики, посвятившие свои доклады ряду важных теоретических и практических вопросов азербайджанского языкознания. В ряде докладов характеризовались новые направления в азербайджанском языкознании, изучение которых в вузах представляет весьма актуальную задачу. Так, например, отмечалось, что преподавание в вузах проблем поэтического синтаксиса способствовало бы изучению лингвистической поэтики, теории лингвистического анализа текста, а также исторической поэтики и поэтической семантики и т. д. Особо подчеркивалось значение преподавания специального курса «Лингвистическая поэтика», введенного в качестве спецкурса в учебные планы филологического факультета Азгосуниверситета им. С. М. Кирова и некоторых других вузов. В последние годы резко возрос интерес к проблемам синтаксической семантики. Ознакомление студентов вузов с научными проблемами синтаксиса связано с изучением теории

семантического (актуального) членения предложения. Исследование закономерностей семантического членения предложения стимулирует развитие новой области в азербайджанском языкознании — синтаксиса текста.

Перспективной является и морфонология, находящаяся в азербайджанском языкознании пока в стадии становления. В русском и европейском языкознании морфонологии посвящены капитальные монографии, тогда как в Азербайджане опубликованы лишь отдельные статьи. Преподавание в вузах курса морфонологии способствовало бы уточнению алломорфов и инвариантов аффиксальных морфем, выяснению путей восстановления корневых морфем, установлению основных принципов этимологического анализа и фономорфологической природы корня и аффикса.

В целях ознакомления учащихся с достижениями и перспективами развития азербайджанского языкознания очевидна необходимость преподавания на филологических факультетах вузов курса «История азербайджанского языкознания».

Конференция наметила пути совершенствования преподавания родного языка в вузах республики, способствовала выявлению наиболее актуальных направлений в лингвистических и лингво-методических исследованиях.

З. И. Будагова, Ю. Мамедов

КОЛЛОКВИУМ В СТРАСБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

В период проведения дней Азербайджана во Франции — с 10 по 20 декабря 1984 года — в Страсбургском университете состоялся коллоквиум, продолжавшийся в течение трех дней. Большой интерес ученых Франции к развитию культуры, литературы и искусства, к различным областям социальной жизни Советского Азербайджана получил яркое выражение в докладах видных французских ученых — тюркологов и востоковедов. Участниками коллоквиума были заслушаны доклады: проф. Ирен Меликовой «Азербайджанский поэт Хатаи», проф. Сарвара Танилли «Физули», Франсуа Жоржона «Дебюты азербайджанского интеллигента Ахмеда Агаоглу во Франции», Лауры Меликовой-Саяр «Азербайджанская женская литература», Мона Робела «Произведения Чингиза Гусейнова и русиография», Белкиса Филоненко-Саяра «Александр Дюма. Кавказский период», Илбера Ортайлы «М. Ф. Ахундзаде и Танзимат» и др.

Одной из главных проблем, обсуждавшихся на коллоквиуме, была проблема языка и языковой политики, которой посвятили свои доклады Бернард Уттиер — «Тюркские заимствования в будугском и удинском языках» и проф. Луи Базен — «Азербайджан и Турция — две языковые политики». С большим вниманием был выслушан доклад специалиста по иранской и турецкой филологии Лондонского института восточных наук проф. Турхана Гянджи о «Грамматике турецкого языка», написанной в 1684 году священником Р. дю Мансом. Французские ученые с живым интересом прослушали доклады, посвященные вопросам истории, музыки и экономики Азербайджана.

Внимание слушателей привлекли доклады Жана-Луи Баске-Граммонта «Падишахи и ширваншахи XVI века», Марселя Базена «Баку: развитие от мусульманской деревни до комплекса деревня-город», Жоржа Ша-рашидзе «Албанская культура в Дагеста-

не», Хавьера де Планоль «Об азербайджанцах Хорасана», Сержа Афанасона «Демографическое развитие Советского Азербайджана в 1959—1979 годах», Жана-Клода Табрие «Азербайджанские мугамы».

Приехавшие во Францию ученые — представители науки Советского Азербайджана, тоже выступили с рядом докладов и сообщений: член-корр. АН Азерб. ССР Т. Велиев рассказал о советско-французских экономических взаимосвязях; Р. Исмаилов говорил о роли издающегося во Франции журнала «Азиатика» в деле ознакомления французского читателя с азербайджанскими писателями и просветителями, в частности с М. Ф. Ахундовым; член-корр. АН Азерб. ССР З. Самед-заде остановился на ряде социально-экономических и демографических проблем, искаженно толкуемых западными советологами. Доклад проф. А. Наджафова был посвящен проводимой в Азербайджане ленинской национальной политике. Член-корр. АН Азерб. ССР З. И. Будагова говорила о расширении общественных функций азербайджанского языка, его обогащении и совершенствовании в годы Советской власти. Доклад проф. И. Г. Селимханова был посвящен освещению состояния

технических знаний в древнем Азербайджане. О достижениях советской тюркологии в Азербайджане рассказал в своем докладе проф. Г. Алиев. Писатель Анар говорил о преемственности и традициях азербайджанской советской литературы. Об азербайджанских коврах рассказала К. Алиева. С сообщением о богатом собрании республиканского рукописного фонда АН Азерб. ССР выступила К. Кулиева.

Свое выступление на заключительном заседании коллоквиума профессор кафедры тюркологии Страсбургского университета Ирен Меликова закончила следующими словами: «Мы лучше узнали и глубоко полюбили своих друзей, приехавших из Азербайджана, и смогли в полной мере выразить свои симпатии».

Встреча французских ученых с их коллегами из Советского Азербайджана способствовала ознакомлению научной общественности Франции с достижениями нашей республики в области науки, литературы и искусства, внесла определенную лепту в сближение и взаимопонимание представителей интеллигенции обеих стран.

З. И. Алиева

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1984 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	стр.
Информационное сообщение о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза	2	3—4
Константин Устинович Черненко	2	7—8

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Об интонации и фразовом ударении в тюркских языках	1	3—14
<i>Кулиев Г. К.</i> (Баку). Глагол sā-/sa- и его дериваты в тюркских языках	3	3—10
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара), <i>Абдуллаев К. М.</i> (Баку), <i>Банару В. И.</i> (Кишинев), <i>Махмудов Н. М.</i> (Ташкент), <i>Мухамедова Д. А.</i> (Ташкент), <i>Нурманов А.</i> (Андижан). Структура предложения и актуальные вопросы синтаксиса тюркских языков	5	3—9
<i>Нигматов Х. Г.</i> (Бухара). О классификации грамматических категорий в тюркских языках	4	3—9
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва), <i>Бирюкович Р. М.</i> (Саратов). Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка	6	3—14
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). К проблеме истории гласных чувашского языка	2	9—14

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Аракин В. Д. (Москва). О некоторых тюркизмах в русских былинах киевского цикла	1	15—28
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). О тюркских лексических заимствованиях в русском языке	4	10—16
<i>Благова Г. Ф.</i> (Москва). Языковое контактирование в тимуридских государствах по данным ареального исследования	3	16—26
<i>Будагова З. И.</i> (Баку). К истории азербайджанско-армянских языковых контактов	3	11—15
<i>Дрон И. В.</i> (Кишинев). Тюркско-восточнороманские языковые взаимосвязи	4	17—26
<i>Мамедов Н. Х.</i> (Баку). Значение данных талышского языка в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода	6	15—22
<i>Сетаров Д. С.</i> (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях рыб	5	10—18
<i>Юналеева Р. А.</i> (Казань). О семантических моделях тюркизмов в лексической системе русского языка	2	15—24

№ стр.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- Абдуллатипов А. Ю.* (Махачкала). О формах реализма в кумыкской дореволюционной литературе 4 27—31
- Софронова А. В.* (Москва). Из истории развития турецкого исторического романа 6 23—29

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Габышева Л. Л.* (Москва). Цвето- и зоосимволика в якутском эпосе олонхо 3 27—30
- Екшембеева Л.* (Алма-Ата). Некоторые особенности развития эпического образа женщины в тюркоязычном эпосе 5 19—23
- Унгвицкая М. А.* (Абакан). Проблема фольклоризма в хакасской литературе на современном этапе 1 29—34
- Урманчиев Ф.* (Уфа). Героико-арханческое сказание «Алтаин Саин Суме» 2 25—32

ОНОМАСТИКА

- Камалов А. А.* (Уфа). Система обозначения, ареалы и терминология топонимии Башкирии 3 31—40
- Моллазаде С. М., Кулиева Г. Э.* (Баку). Азербайджанская топонимия в русских письменных источниках 4 32—38
- Надергулов У. Ф.* (Уфа). О гидрониме «Соран», правом притоке Самары . 2 33—35
- Саттаров Г. Ф.* (Казань). Синонимия, антонимия и омонимия в татарской антропонимии 5 24—31
- Хисамитдинова Ф. Х.* (Уфа). Этнонимы в ойконимии Башкирии XVII—XIX веков 6 30—34

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Абдуллаев А. З.* (Баку). К вопросу г~з в тюркских языках 2 36—42
- Ахметов М. А.* (Уфа). Неаффиксальные средства выражения грамматических значений в башкирском языке 5 32—39
- Закиев М. З.* (Казань). О тюркской морфологии 1 35—43
- Зейналов Ф. Р., Новрузов М. Д.* (Баку). Об этимологии слова altun . 5 45—51
- Садыхов А. Ш.* (Баку). Происхождение и синтаксическая сущность вводных слов и вводных предложений 5 40—44
- Ходжиев А.* (Ташкент). Словообразование или заимствование? 4 39—43

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Валеев Р. М.* (Казань). Г. С. Саблуков — тюрколог 6 35—41
- Кононов А. Н.* (Ленинград). Борис Яковлевич Владимирцов — тюрколог 4 44—52
- Луниц Б. В.* (Ташкент). Александр Константинович Боровков 2 43—48
- Чарыяров Б., Куренов С.* (Ашхабад). А. П. Поцелуевский и вопросы туркменского языкознания 3 41—46

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Абдуллаев А. Б.* (Бухара). Конструкции с билатеральной чужой речью в узбекском языке 4 53—59
- Ахатов Г. Х.* (Брежнев). О природе двойного отрицания в тюркских языках кыпчакско-булгарской подгруппы 3 63—66

	№	стр.
Багиров А. А. (Баку). Порядок слов и семантика простого предложения	3	47—54
Гаджихмедов Н. Э. (Махачкала). Условное наклонение глагола в ку- мыкском языке	2	57—62
Галляудинов И. Г. (Уфа). История башкирского литературного языка XIX — начала XX века и некоторые вопросы ее изучения	5	64—71
Гарипов Т. М., Ураксин З. Г. (Уфа). Основные достижения и проблемы башкирского языкознания	6	56—60
Гузев В. Г. (Ленинград). Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте	5	59—63
Гузев Ж. М. (Нальчик). О синонимических определениях в толковых сло- варах тюркских языков	2	67—71
Гузев Ж. М. (Нальчик). Тюркская фразеология и ее лексикографическая разработка	6	46—52
Данияров Р., Данилова Л. В. (Ташкент). Узбекская научно-техническая терминология и перспективы ее развития	1	44—51
Дашкевич Я. Р. (Львов). О создании корпуса древнерусских сообщений, посвященных тюркским народам	6	61—68
Джавадова М. Н. (Баку). Об истории изучения и языке произведений Хатаи	1	77—85
Доспанов У. Д. (Нукус). О современном состоянии каракалпакской лек- сикографии	4	91—97
Кадыров Т. Ш. (Ташкент). О словаре «Хулāса-йе 'Аббāси» Мухаммада Хувайи	3	72—74
Кононов А. Н. (Ленинград). Реорганизация Турецкого лингвистического общества. Новое научное общество в Турции	3	75—83
Кулмаматов Д. С. (Москва). К лингвистическому изучению среднеазиат- ских тюркоязычных деловых документов XVII века и их старых рус- ских переводов	1	56—64
Максютова Н. Х. (Уфа). Башкирская диалектология	2	76—81
Мамажанов А. (с. Ушангузар, Узб. ССР). Сверхфразовое единство как синтаксико-стилистическая категория	1	52—55
Махаматов А. (Ташкент). К вопросу о функциях тюркского ударения	2	63—66
Махмудов Н. М. (Ташкент). Семантико-синтаксическая асимметрия в ав- токаузативном простом предложении	2	49—56
Нурманов А. Н. (Андижан). Нейтрализация оппозиции по утвердитель- ности-отрицательности синтаксических конструкций	3	55—62
Садиков А. С. (Фрунзе). Состояние исследований по киргизскому языку, литературе и фольклору	6	53—55
Салимов Х. Х. (Елабуга). Аккомодация гласных в татарском языке	4	60—67
Сафиуллина Ф. С., Галлямов Ф. Г. (Казань). Повторы как граммати- ческое средство в современном татарском языке	4	68—72
Сигагатов Р. Г. (Уфа). Особенности функционирования частиц в пред- ложении	5	52—58
Татаринцев Б. И. (Кызыл). О происхождении тюркского наименования неба (tātıǵı и его соответствия)	4	73—84
Умаров Э. А. (Ташкент). О гласном <i>o < a</i> в староузбекском литературном языке	3	67—71
Умаров Э. А. (Ташкент). О гласных староузбекского языка XVII—XIX веков	6	42—45
Федотов М. Р. (Чебоксары). Чувашско-монгольский ламбдаизм и рота- цизм в свете двух тохарских заимствований в пратюркском языке	1	65—71
Халидов А. Б. (Ленинград). «Диван лугат ит-тюрк» в сравнительном ос- вещении с его арабским прототипом	4	85—90
Хисамов Н. Ш. (Казань). Итоги и задачи изучения «Қысса-и Йусуф» Кул 'Али	2	72—75
Шукюров А. Дж. (Баку). К вопросу об этимологии послелогов <i>birlä</i> и <i>ilä</i> в тюркских языках	1	72—76

РЕЦЕНЗИИ

- Абдуллаев А. З. (Баку). И. Х. Ахматов. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке 5 74—77
- Айтбаев У. А., Алиев Ф. Ф. (Алма-Ата). М. В. Балакаев. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары 6 78—79
- Асламов В. И. (Баку). Ш. В. Габескирия. Лексика произведений Юнуса Эмре 5 84—86
- Ахматов И. Х. (Нальчик). Ж. М. Гузеев. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков 6 72—75
- Ахметьянов Р. Г. (Казань). Р. А. Юналеева. Опыт исследования заимствований 2 83—84
- Бердибаев Р. (Алма-Ата). Яшар Караев. Этапы азербайджанского реализма 3 85—87
- Благова Г. Ф. (Москва). Ш. Жанәбілев. Қазақша мал атаулары 1 89—90
- Велиев И. Д. (Баку). Роза Ејвазова. Кишвәри «Диван»ының дили 3 88—89
- Гаджиев Т. И., Мусаев М. М. (Баку). К. М. Абдуллаев. Проблемы синтаксиса простого предложения в азербайджанском языке 4 102—104
- Добродомов И. Г. (Москва). «Тюркско-дагестанские языковые контакты» 1 86—87
- Доспанов У. Д. (Нукус). Қарақалпақ фольклоры 2 100—101
- Закиев М. З. (Казань). Ф. Г. Гарипова. Татарстан гидронимнары сүзлеге 5 72—74
- Зейналов Ф. Р. (Баку). А. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Историческая грамматика башкирского языка 4 98—100
- Игамбердыев В., Киличев Э. (Бухара). А. Б. Абдуллаев. Ҳозирги ўзбек адабий тилида ўзга гапларнинг ифода формалари 5 77
- Исламов М. И., Касумлы Э. А. (Баку). «Дилчилик чоғрафијасы, тарихи диалектолокија вә түрк дилләринин тарихи проблемләри» 1 87—89
- Ишаев А., Насыров Ш. (Ташкент). Жәэнкул Жумалиев. Анжиян кыргыздарының тили 5 81—82
- Кенесбаев С. К., Айдаров Г., Жубанов Е. (Алма-Ата). Арсен Ибатов. Сөздің морфологиялық құрылымы 5 79—81
- Кондратьев В. Г., Свиридов А. А. (Ленинград). «Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Материалы 1-й Республиканской уйгуроведческой конференции» 6 85—87
- Кулиев Г. К. (Баку). «Общественные науки Советского Азербайджана. 1920—1980 гг.» 2 98—100
- Липец Р. (Москва). С. С. Суразаков. Из глубины веков 2 92—94
- Мамедов И. О. (Баку). Э. Әфәндизадә. Орфографија-орфоепија-грамматика лүгәти 4 104—105
- Машадиев Г., Махмудов М. (Баку). Гәзәнфәр Қазымов. Комик-бәдии васитәләр 4 107—108
- Мергенбаев Е. М. (Нукус). «Вопросы каракалпакского языкознания» 4 100—101
- Мирбадалева А. С., Қидайш-Покровская Н. В. (Москва). Новое издание киргизского героического эпоса «Манас» 2 95—96
- Нигматов Х. Г. (Бухара). Г. Ф. Благова. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении 2 86—89
- Нигматов Х. Г. (Бухара), Раджабов Н. (Самарканд). Х. Гулямов. Узбекско-таджикские языковые связи 6 79—80
- Оразаев Г. М.-Р. (Махачкала). Солтанмурат Акъбиев. Қольязыв китапдан басмағъа ерли 2 96—98
- Отаров И. М. (Нальчик). Р. К. Рәхимова. Татар теленең һөнәрчелек лексикасы 3 87—88
- Пирназаров А. (Нукус). Қабыл Максетов. Қарақалпақ жыраў, бақсылары 4 106—107
- Поцелуевский Е. А., Пюрбеев Г. Ц. (Москва). Р. Г. Сибгатов. Теория предикативности 6 69—72
- Суюншалиев Х. Ж. (Алма-Ата). Әбсаттар Дербісәлиев. Шыңырау бұлақтар 2 89—90

	№	стр.
Тургунов Т., Мамажанов А. (Фергана). И. Ф. Фармонов. Некоторые лексические особенности ошско-узгенского диалекта узбекского языка	6	80—82
Ураксин З. (Уфа). Г. Х. Эхэтов. Татар теленен фразеологик эйтелмэлэр сүзлеге	2	84—85
Фазылов Э., Турдыев Ш. (Ташкент). М. К. Нурмухамедов. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии	3	84—85
Федотов М. Р. (Чебоксары). Г. Е. Корнилов. Имитативы в чувашском языке	6	75—77
Фомкин М. С. (Ленинград). Юсуф Баласагунский. «Благодатное знание»	6	80—84
Хайруллин М. Б. (Казань). «Исследования по диалектологии и истории татарского языка»	2	82—83
Хисамова Ф. М. (Казань). «Материалы по татарской диалектологии»	5	82—84
Хисамова Ф. М., Юсупов Ф. Ю. (Казань). Н. Х. Ольмесов. Сопоставительная грамматика кумыкского и русского языков	2	90—91
Щербак А. М. (Ленинград). «Studies in Chuvash Etymology I»	1	90—94
Юлдашев Б. (Самарканд). Р. К. Кунгуров. Стилистика имени существительного в узбекском языке	5	78—79

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алекперов А. К. (Баку). Всесоюзная конференция, посвященная научному наследию академика И. И. Мещанинова	3	90—91
Ахундов А. А., Гулиева Л. Г. (Баку). Третья всесоюзная конференция по ономастике Кавказа	1	101—103
Булгаков Р. М., Гуляутдинов Н. Г. (Уфа). Проблемы восточной кодикологии Урало-Поволжья	1	99—101
Дыйканова Ч., Жапаров Ш. (Фрунзе). Научные чтения	1	98—99
Сафиуллина Ф. С. (Казань). «Актуальные проблемы лексической и грамматической семантики»	1	95—97
Селютина И. Я. (Новосибирск). «Исследования звуковых систем языков аборигенов Сибири и сопредельных регионов»	3	91—96
Трыярска Э. (Варшава). Проблемы алтаистики на XXXI Международном конгрессе по Азии и Северной Африке	2	102—103
Халикова Р. Х. (Уфа). 125 лет со дня рождения Ризы Фахретдинова	2	103—105

PERSONALIA

Ахматов Т. К., Иманов А. (Фрунзе). Бюбийна Омуразаковна Орузбаева	6	88—89
Баскаков Н. А. (Москва), Кажибекоев Е. З. (Алма-Ата). Абду-Али Туганбаевич Кайдаров	6	89—90
Благова Г. Ф., Кормушин И. В., Поцелуевский Е. А., Тенишев Э. Р. (Москва). Эмир Наджипович Наджип	5	89—91
Галиуллин Т., Ахметова Ф. (Казань). Хамид Хуснутдинович Ярмухаметов	3	100—101
Гулямов Х. Г., Рустамов А. Р. (Ташкент). Абдугани Юсупович Алиев	5	92—93
Калыбаева А. К., Оралбаева Н. О., Нурмагамбетов А. (Алма-Ата). Сарсен Аманжолович Аманжолов	1	104—105
Кононов А. Н., Иванов С. Н. (Ленинград). Виктория Степановна Гарбузова	3	101—102
Кононов А. Н. (Ленинград). Мамедага Ширали оглы Ширалиев	5	87—89
Мамедов Н. Дж. (Баку). Мамед Джафар Зейналабдин оглы Джафаров	3	98—100
М. Р. Ф. (Чебоксары). Тимофей Матвеевич Матвеев	1	105—106
И. Б. (Москва). Виктор Иосифович Филоненко	6	91—92
Нурманов А., Ахметов Н., Дадаходжаев Э. (Андижан). Аюб Гулямович Гулямов	6	90—91
Османлы С. (Баку). Мамед Ариф Магеррам оглы Дадашзаде	3	97—98

	№	стр.
Сарыбаев Ш., Копыленко М. (Алма-Ата). Рабига Галиевна Сыздыкова	4	109—110
Соегов М. (Ашхабад). Алишбек Сулейманович Алиев	2	106—107
Соегов М. (Ашхабад). Кумман Сарыев	5	91—92
Ураксин З. (Уфа). Ахнаф Ибрагимович Харисов	3	102—103

ХРОНИКА

Алекперов А. К. (Баку). «Проблемы истории азербайджанского языка»	2	108
Алиева З. И. (Баку). Коллоквиум в Страсбургском университете	6	101—102
Ахундов А. А. (Баку). На V Международном конгрессе балканистов	5	95—96
Благова Г. Ф. (Москва), Скворцов М. И. (Чебоксары). Десятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	6	93—98
Будагова З. И., Мамедов Ю. (Баку). «Проблемы совершенствования изучения азербайджанского языка в вузах республики»	6	100—101
Данько Г. Ф. (Москва). Памяти Александра Петровича Поцелуевского	3	104—106
Жапаров Ш. (Фрунзе). Проблемы тюркской ономастики на XV Международном конгрессе по ономастике	5	94—95
«Историческое развитие и современная структура сельскохозяйственной (земледельческой) терминологии в туркменском языке»	5	99
«Историческое развитие фонетической системы уйгурского языка (опыт сравнительно-исторического изучения)»	5	98
«Казахский литературный язык второй половины XIX века (на материале казахской печати)»	5	99—100
«Киргизская проза и проблемы художественного перевода»	2	110
«Консонантизм якутского языка»	2	109—110
«Опыт сравнительно-исторического и типологического исследования тюркской топонимии Горно-Алтайской автономной области»	5	103
«Поэтика и пути развития лирических жанров узбекской классической поэзии»	5	97—98
«Проблема психологизма и узбекский роман»	5	102—103
«Развитие синтаксической системы казахского языка в советскую эпоху»	2	109
«Сатирический журнал „Молла Насреддин“ и проблемы идейно-художественного развития азербайджанской литературы начала XX века»	5	101
«Семантика казахского глагола (Опыт семантической классификации)»	5	100—101
«Система функциональных форм глагола в современном турецком языке»	5	102
«Структурно-семантические типы сложных словосочетаний в современном казахском языке»	5	96—97
Хузангай А. П. (Чебоксары). «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе»	6	98—100

НЕКРОЛОГИ

Андреев Наум Андреевич	5	105—106
Аракин Владимир Дмитриевич	1	108—109
Араслы Гамид Мамедтаги оглы	1	107—108
Бердияров Хамдам	5	106—107
Зейналов Фархад Рамазан оглы	5	104—105
Магруфов Закир	3	108
Мухамедова Зулейха Бакиевна	3	107—108

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Б. А. Серебрянников* (Москва), *Р. М. Бирюкович* (Саратов). Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Н. Х. Мамедов* (Баку). Значение данных талышского языка в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода 15

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- А. В. Софронова* (Москва). Из истории развития турецкого исторического романа 23

ОНОМАСТИКА

- Ф. Г. Хисамитдинова* (Уфа). Этнонимы в ойконимии Башкирии XVII—XIX веков 30

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

- Р. М. Валеев* (Казань). *Г. С. Саблуков* — тюрколог 35

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Э. А. Умаров* (Ташкент). О гласных староузбекского языка XVII—XIX веков 42
Ж. М. Гузеев (Нальчик). Тюркская фразеология и ее лексикографическая разработка 46
А. С. Садыков (Фрунзе). Состояние исследований по киргизскому языку, литературе и фольклору 53
Т. М. Гарипов, З. Г. Ураксин (Уфа). Основные достижения и проблемы башкирского языкознания 56
Я. Р. Дашкевич (Львов). О создании корпуса древнерусских сообщений, посвященных тюркским народам 61

РЕЦЕНЗИИ

- Е. А. Поцелуевский, Г. Ц. Пюрбеев* (Москва). *Р. Г. Сибагатов*. Теория предикативности 69
И. Х. Ахматов (Нальчик). *Ж. М. Гузеев*. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков 72
М. Р. Федотов (Чебоксары). *Г. Е. Корнилов*. Имитативы в чувашском языке 75

У. А. Айтбаев, Ф. Ф. Алиев (Алма-Ата). М. Б. Балакаев. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары	78
Х. Г. Нигматов (Бухара), Н. Раджабов (Самарканд). Х. Гулямов. Узбекско-таджикские языковые связи	79
Т. Тургунов, А. Мамажанов (Фергана). И. Ф. Фармонов. Некоторые лексические особенности ошско-узгенского диалекта узбекского языка	80
М. С. Фомкин (Ленинград). Юсуф Баласагунский. «Благодатное знание»	80
В. Г. Кондратьев, А. А. Свиридов (Ленинград). «Актуальные проблемы советского уйгуроведения»	85

PERSONALIA

Т. К. Ахматов, А. Иманов (Фрунзе). Бюбйина Омурзаковна Орузбаева	88
И. А. Баскаков (Москва), Е. З. Кажобеков (Алма-Ата). Абду-Али Туганбаевич Кайдаров	89
А. Нурманов, Н. Ахмедов, Э. Дадаходжаев (Андижан). Аюб Гулямович Гулямов	90
Н. Б. (Москва). Виктор Иосифович Филоненко	91

ХРОНИКА

Г. Ф. Благова (Москва), М. И. Скворцов (Чебоксары). Десятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	93
А. П. Хузангай (Чебоксары). «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе»	98
Э. И. Будагова, Ю. Мамедов (Баку). «Проблемы совершенствования изучения азербайджанского языка в вузах республики»	100
Э. И. Алиева (Баку). Коллоквиум в Страсбургском университете	101
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1984 году (№№ 1—6)	103

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

B. A. Serebrennikov (Moscow), R. M. Biryukovich (Saratov). From the history of some verbal tenses in the Chulymsk-Turkic language	3
---	---

LANGUAGES IN CONTACT

N. Kh. Mamedov (Baku). Significance of the Talysh language data in studying Azerbaijan language history of prewritten period	15
--	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

A. V. Sofronova (Moscow). From the history of development of the Turkish historical novel	23
---	----

ONOMASTICS

F. G. Hisamitdinova (Ufa). Ethnonyms in oykonymics of Bashkiria, XVII—XIX	30
---	----

HISTORY OF NATIONAL TURKOLOGY

R. M. Valeyev (Kazan). G. S. Sablukov — turkologist	35
---	----

REPORTS, SURVEYS

E. A. Umarov (Tashkent). Vowels of the Old-Uzbek language XVII—XIX	42
--	----

<i>Sch. M. Guzeyev</i> (Nalchik). Turkic Phraseology and its lexicographical elaboration	46
<i>A. S. Sadykov</i> (Frunze). A state of research on the Kirgiz language, literature and folklore	53
<i>T. M. Garipov, Z. G. Uraksin</i> (Ufa). The major achievements and problems of the Bashkir linguistics	56
<i>Ya. R. Dashkevich</i> (Lvov). On formation of Old-Russian reports corps devoted to Turkic peoples	61

REVIEWS

<i>E. A. Potseluyevski, G. Ts. Puurbeyev</i> (Moscow). Р. Г. Сибгатов. Теория предикативности	69
<i>I. Kh. Ahmatov</i> (Nalchik). Ж. М. Гюзеев. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков	72
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksary). Г. Е. Корнилов. Имитативы в чувашском языке	75
<i>U. A. Aitbayev, F. F. Aliyev</i> (Alma-Ata). М. Р. Балакаев. Қазақ әдеби тілі және оның нормалары	78
<i>H. G. Nigmatov</i> (Buhara), <i>N. Radjabov</i> (Samarkand). X. Гулямов. Узбекско-таджикские языковые связи	79
<i>T. Turgunov, A. Mamajanov</i> (Fergana). И. Ф. Фармонов. Некоторые лексические особенности ошско-узгенского диалекта узбекского языка	80
<i>M. S. Fomkin</i> (Leningrad). Юсуф Баласагунский. «Благодатное знание»	80
<i>V. G. Kondratyev, A. A. Sviridov</i> (Leningrad). «Актуальные проблемы советского уйгуроведения»	85

PERSONALIA

<i>T. K. Ahmatov, A. Imanov</i> (Frunze). Byubiyna Omurzakovna Oruzbayeva	88
<i>N. A. Baskakov</i> (Moscow), <i>E. Z. Kaschibekov</i> (Alma-Ata). Abdu-Ali Tuganbayevich Kaydarov	89
<i>A. Nurmanov, N. Ahmedov, E. Dadahodjayev</i> (Andischan). Ayub Gulyamovich Gulyamov	90
<i>N. B.</i> (Moscow). Victor Yosipovich Filonenko	91

CHRONICLE

<i>G. F. Blagova</i> (Moscow), <i>M. I. Skvortsov</i> (Cheboksary). The Tenth Plenary session of the Soviet Turkology Committee	93
<i>A. P. Huzangay</i> (Cheboksary). «Perfection of general Turkological disciplines in Higher Educational Institutions»	98
<i>Z. I. Budagova, Yu. Mamedov</i> (Baku). «Problems of perfection of the Azerbaijan language studying in Republican Higher Educational Institutions»	100
<i>Z. I. Aliyeva</i> (Baku). Colloquium in Strasbourg University	101
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1984 (№№ 1—6)	103

© «Советская тюркология», 1984 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*
Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, Л. Г. Гасанзаде*

Сдано в набор 14.02.85 г. Подписано к печати 30.05.85 г. ФГ 06947. Формат бумаги
70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 2343. Тираж 2575. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.
Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.